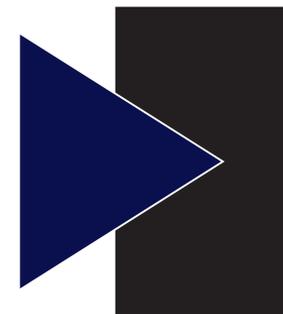

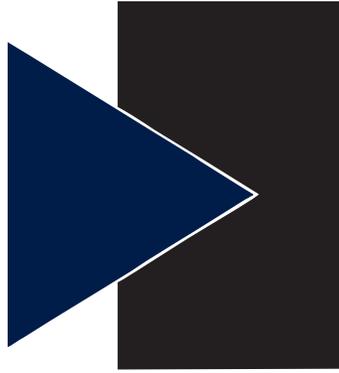

Хольгер Куссе – доктор филологических наук, профессор, член немецкой Академии наук и литературы (г. Майнц). Изучал русистику, славянскую филологию, протестантское богословие и педагогику в Майнце, Вене и Франкфурте-на-Майне. В 1997 году защитил докторскую диссертацию по теме «Союзная сочинительная связь в проповедях и политических речах», в 2002 году габилитировался по теме «Метадискурсивная аргументация. Лингвистические исследования по русскому философскому дискурсу от Ломоносова до Лосева». С 2005 года занимает должность профессора истории славянских языков и языкознания в Институте славистики Технического университета Дрездена. Сфера научных интересов охватывает вопросы культуроведческой лингвистики, теории аргументации, языковой агрессии, прагмалингвистики, семантики, философии языка.

Хольгер Куссе

Агрессия и Аргументация
с примерами из
российско-украинского конфликта

Holger Kuße

**AGGRESSION
UND
ARGUMENTATION**

*Mit Beispielen
aus dem russisch-ukrainischen
Konflikt*

Хольгер Куссе

**АГРЕССИЯ
И
АРГУМЕНТАЦИЯ**

*С примерами
из российско-украинского
конфликта*

**Перевод с немецкого
Новосёлова Марианна**

Издательство
ФОП Кушнир Ю.В.

УДК 81-139; 81-116; 81-122
К 88

Куссе Х.

К 88 Агрессия и аргументация. / Х. Куссе; пер. с нем.
М. Новосёловой. Винница: Издательство ФОП
Кушнир Ю. В., 2019. – 300 с.
ISBN 978-617-7721-11-5

Монография издана при поддержке Фонда
Фольксваген (VolkswagenStiftung) в рамках
международного трилатерального проекта
«Агрессия и аргументация: Конфликтный
дискурс и его языковое разрешение».

УДК 81-139; 81-116

© Nils Hilkenbach, Дрезден, иллюстрация
обложки, 2019
© Holger Kuße, автор, 2019
© Марианна Новосёлова, перевод, 2019

ISBN 978-617-7721-11-5

Предисловие

В 2015 году Фонд Фольксваген (VolkswagenStiftung) инициировал конкурс международных научных проектов под названием «Трехстороннее партнерство – Сотрудничество между учеными из Украины, России и Германии» («Trilaterale Partnerschaften – Kooperationsvorhaben zwischen Wissenschaftler(inne)n aus der Ukraine, Russland und Deutschland»). На тот момент важность поддержания любых научных коопераций без дисциплинарных и тематических ограничений не вызывала сомнения. Необходимо было научным путем уравновесить обостряющийся политический и ценностный раскол между Россией и Украиной, Россией и Западной Европой, ключевыми словами которого стали *Евромайдан*, *Крым* и *Донбасс*. Научная сотрудница Института славистики Технического университета Дрездена доктор Марина Шарлай подала успешную заявку на проект, тематически связанный с российско-украинским конфликтом – «Агрессия и аргументация: конфликтный дискурс и его языковое разрешение». Данный проект стартовал в мае 2016 года и объединил три рабочие группы: команду Технического университета Дрездена под руководством доктора Марины Шарлай (Дрезден, Германия), команду Донецкого национального университета имени Василя Стуса под руководством доктора Елены Тараненко (Винница, Украина) и команду Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена под руководством профессора Валерия Ефремова (Санкт-Петербург, Россия). Основной целью проекта стало изучение конфликтной коммуникации с точки зрения медиаведения и лингвистики с особым фокусом на актуальный российско-украинский конфликт. Помимо исследования динамики данного конфликта, планировалась разработка универсального междисциплинарного инструментария для анализа, интерпретации и изложения конфликтов в целом, а также поиск путей их разрешения посредством различных форм коммуникации (в официальном политическом дискурсе, в средствах массовой информации, в интернет-коммуникации и т. д.). Лингвистический подход в большей степени обуславливался принципами культуроведческой лингвистики, рассматривающей язык в контекстах культуры, а именно – во взаимосвязи с коммуникативными диверсификациями дискурсов, где в различ-

ных жанрах и типах текстов переплетаются системные признаки отдельных языков, прагматические правила языковых культур и универсальные формы аргументации.

Данная монография возникла как результат теоретических поисков в пределах теории аргументации и аргументационной лингвистики применительно к конфликтной коммуникации, которые я задумал в рамках проекта, но уже не раз освещал в своих докладах и публикациях последних лет. Отдельные исследования в области мультимодальной коммуникации (плакатов, фиктивных геополитических карт, интернет-мемов), языковых конфликтов и политической поэзии в интернете я проводил в рамках основополагающих теоретических и методических аспектов аргументационной лингвистики и обнаружил взаимосвязь данных объектов с феноменами агрессии, аргументации и агрессивной аргументации. Большинство примеров, которые, с одной стороны, выкристаллизовали теоретический фундамент, а с другой стороны, его проиллюстрировали, относятся к российско-украинскому конфликту периода 2014 – 2015 годов. Второй, но не менее значимый, блок составляют исторические и актуальные примеры конфликтной коммуникации другого рода: описания исторической придворной коммуникации, цитаты из детективной литературы, а также из романов Федора Достоевского и Карела Чапека.

Агрессивную коммуникацию я исследовал задолго до 2014 года, а именно в работах о расколе Русской православной церкви в XVII веке и о придворной коммуникации в елизаветинскую эпоху XVIII века; в рамках построения теории диалога на примере «Трёх разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории» Владимира Соловьёва; в вопросах тоталитарной коммуникации и языка зла на материале «Бесов» Фёдора Достоевского; и, наконец, на примере агрессивной коммуникации в различных дискурсах (политическом, религиозном, экономическом, научном) в «Войне с саламандрами» Карела Чапека. Многие из этого вошло в данную монографию. Самое главное, что отсылки к актуальному российско-украинскому конфликту и его агрессивным формам коммуникации и аргументации должны легко узнаваться даже там, где об этом не говорится эксплицитно.

В этой книге мой ключевой вопрос – как взаимосвязаны агрессия и аргументация, которые на первый взгляд могут показаться взаимоисключающими. Главный тезис состоит в том, что их проти-

воположность отнюдь не самоочевидна и быть таковой не может: уже хотя бы потому, что аргументативная функция – это, как известно, одна из основополагающих функций человеческой речи и коммуникации, а следовательно, оправдание агрессии и агрессивная коммуникация вплоть до языка ненависти представляют собой формы аргументации и могут быть агрессивными даже в тех случаях, когда их эксплицитная форма кажется рациональной и не содержит видимых маркеров агрессии. Преследовать речевую агрессию юридически и препятствовать распространению её различных форм (сомнительных политических инициатив, фейковых новостей, троллинга, языка вражды и т. д.) сложно именно потому, что границы между убедительной аргументацией и ложью, ненавистью, манипуляцией часто оказываются размытыми, даже несмотря на то, что они давно являются объектами ведущих актуальных исследований языка, коммуникации и медиа. В конце концов, главный вопрос не в том, как освободить публичную коммуникацию от агрессии, а в том, как защитить от неё людей, как сделать так, чтобы люди распознавали агрессивные формы аргументации и не давали собой манипулировать. Ведь подходящие аргументы можно найти для любой, даже самой сомнительной ситуации, для любой формы проявления вражды и ненависти. Анализ всех собранных примеров, особенно позаимствованных из интернет-коммуникации и политического дискурса в контексте российско-украинского конфликта, – это попытка поиска решений данной проблемы, попытка по крайней мере теоретически и методически разобраться с переплетениями агрессии и аргументации.

Хочу поблагодарить всех участников проекта «Агрессия и аргументация: конфликтный дискурс и его языковое разрешение» за продуктивные проектные встречи, содержательные лекции и интересные беседы, а также за предложенные примеры для данной монографии. Отдельная благодарность Фонду Фольксваген (VolkswagenStiftung) за финансирование данной публикации.

Дрезден, март 2019 года

Хольгер Куссе

СОДЕРЖАНИЕ

1. УБЕЖДЕНИЕ И УГОВАРИВАНИЕ	15
2. СЛИЯНИЕ АГРЕССИИ И АРГУМЕНТАЦИИ	25
3. АГРЕССИЯ	39
3.1. Агрессия и причинение вреда	39
3.2. Агрессия как акт подавления.....	41
3.3. Причины и мотивации: теории агрессии.....	43
4. АРГУМЕНТАЦИЯ	49
4.1. Схема аргументации	49
4.2. Связанные аргументации.....	56
4.3. Речевые акты: ОПРАВДАНИЕ, ОБОСНОВАНИЕ И ОБЪЯСНЕНИЕ.....	68
4.4. Аргументация как коммуникативная функция	76
4.5. Аргументация в языке	85
5. АГРЕССИВНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ	102
5.1. Агрессивная мультимодальная аргументация	104
5.2. Первый агрессивный тезис: Украины не существует..	110
5.3. Второй агрессивный тезис: украинский язык – это не язык	125
5.4. Агрессивные аргументы.....	147
5.5. Конвергентные агрессивные аргументы: поэто-политическая война	160
5.6. Агрессивные правила умозаключения: топосы.....	173

6. ОПРАВДАНИЯ	188
6.1. Война с саламандрами: агрессивные оправдания	188
6.2. Моральные и метафизические аргументы	197
6.3. Исчезновение квесцио: сакрализация	206
7. ПЕРЛОКУЦИИ	212
7.1. Перлокутивные действия	213
7.2. Реконструирование перлокутивных интенций	225
7.3. Перлокутивная интеракция	231
7.4. Диффузные сообщения	238
7.5. Дружба как диффузный аргумент	249
7.6. Перлокуция и агрессия	257
РЕЗЮМЕ	264
ИЛЛЮСТРАЦИИ	269
ЛИТЕРАТУРА	274
Источники	274
Исследовательская литература	278

1. Убеждение и уговаривание

В 1958 году Никита Хрущёв, уже являясь первым секретарем ЦК КПСС, занимает пост председателя Совета Министров СССР, отстранив от должности Николая Булгарина. Позже в своих воспоминаниях Никита Хрущёв преподносит этот шаг на пути к абсолютной власти как скорее недобровольный, вынужденный поступок, ставший следствием чрезвычайной способности своих однопартийцев к уговариванию:

[М]ы вынуждены были освободить Булгарина от поста председателя Совета Министров СССР. Меня уговорили занять этот пост. Я искренне говорю, именно уговорили. Я очень не хотел, сопротивляясь против совмещения в одном лице постов председателя Совета Министров СССР и первого секретаря ЦК партии. [Хрущев 1999: http://hrono.ru/libris/lib_h/hrush51.php – Доступ: 14.11.2018].

В таком изложении складывается впечатление, что Хрущёв якобы не хотел, чтобы власть над партией и над государством сконцентрировалась в одних руках, и не желал своего единоличного господства, но был вынужден пойти на этот шаг под давлением других. Его собственная формулировка «Я очень не хотел...» сигнализирует о том, что Никита Хрущёв, хотя и поддался на уговоры и, в конце концов, уступил своим партнерам по коммуникации, тем не менее, внутренне остался несогласным со своим назначением. Никита Хрущёв мог бы написать «Меня *убедили* занять этот пост...». В таком случае он показал бы, что этот пост изначально не был для него желанным, но после приведения убедительных аргументов он согласился пойти на единоличное управление партией и государством. Такую интерпретацию политического события сам Н. Хрущёв абсолютно исключает посредством уточнения: «Я искренне говорю, именно уговорили».

Данный пример и его возможные переформулировки иллюстрируют разницу между *убеждением* и *уговариванием* как целями речевых действий. Эту разницу лаконично показал в 1977 году немецкий неориторик Йозеф Коппершмидт в своей статье: конечная цель *убеждения* состоит в достижении полного внутрен-

него единогласия двух или более партнеров по коммуникации, тогда как для *уговаривания* достаточно только внешнего согласия [Kopperschmidt 1977: 228].

То, что *поддаться на уговоры* совсем не означает *быть убежденным*, а *уговорить* кого-то на определенный поступок не означает *убедить* его в правильности этого поступка, проявляется уже в невозможности взаимной замены глаголов *уговаривать* и *убеждать*. Представим, к примеру, следующее высказывание как извинение, взятое в контекст: «Я не хотел так поступать. Меня уговорили». Замена *уговорили* на *убедили* сделала бы высказывание несколько сомнительным: «Я не хотел так поступать. Меня убедили». А если добавить дополнительные параметры, то высказывание станет вполне логичным: «Сначала я не хотел так поступать. Но затем меня убедили». Темпоральные и адверсативные компоненты в этом случае показывают процесс превращения диссенсуса в консенсус, тогда как в исходном случае с глаголом *уговаривать*: «Я не хотел так поступать. Меня уговорили», диссенсус остается маркированным. При этом само событие, о котором идет речь, и действие, которое совершил «извиняющийся», и речевые акты, которые его на это действие подвигли, остаются неизменными. Это значит, что один и тот же речевой акт может метафизически интерпретироваться и как акт *уговаривания*, и как акт *убеждения*.

Убеждение и *уговаривание* объединяет то, что они являются непрямыми речевыми воздействиями, с помощью которых говорящие реализуют свои интересы. В противоположность этому прямая реализация интересов языковыми средствами осуществляется с помощью директивных речевых актов, например, *приказа*, или без помощи языка – посредством применения силы. Различные способы реализации интересов Йозеф Коппершмидт представляет в виде графика (Рис. 1) [см. также Kuße 2012: 85–86; Куссе 2016: 89].

Во многих языках различия между данными персуазивными речевыми актами закреплены лексически: например, в немецком языке различают глаголы *überzeugen* и *überreden* и производные существительные *Überzeugung* и *Überredung*; в русском – *убеждать/убедить* и *уговаривать/уговорить* и производные существительные *убеждение* и *уговаривание*; в украинском – *переконувати/переконати* и *умовляти/умовити* и существительные *переконання*, *переконування*, *умовляння*; в чешском – *přemlouvat/přemluvit* и *přesvědčovat/přesvědčit*; в польском – *namawiać/namówić* и

przekonywać/przekonać и т. д. Но и их концептуальное различие не ново. Оно наблюдается в персуазивных целях коммуникации уже со времен античной риторики, где противопоставляется, с одной стороны, покоящаяся на логике аргументации интеллектуальная персуазия посредством *docere* (поучения) и *probare* (доказания) и, с другой стороны, эмоциональная, аффективная персуазия посредством *ethos*, направленного на правдивость говорящего, и *pathos*, к которому относятся акты *conciliare* (*привлечь кого-либо на свою сторону, добиваться чьего-либо расположения*), *delectare* (*обрадовать кого-либо*), а также *movere* (*побуждать кого-либо к чему-либо*) и *concitare* (*подстрекать кого-либо к чему-либо*) [Götttert 1991: 22–24; Kuße 1998: 90–92; Mann 2000: 112–114; Ortak 2004: 14–25; Guttke 2010a: 140–152].

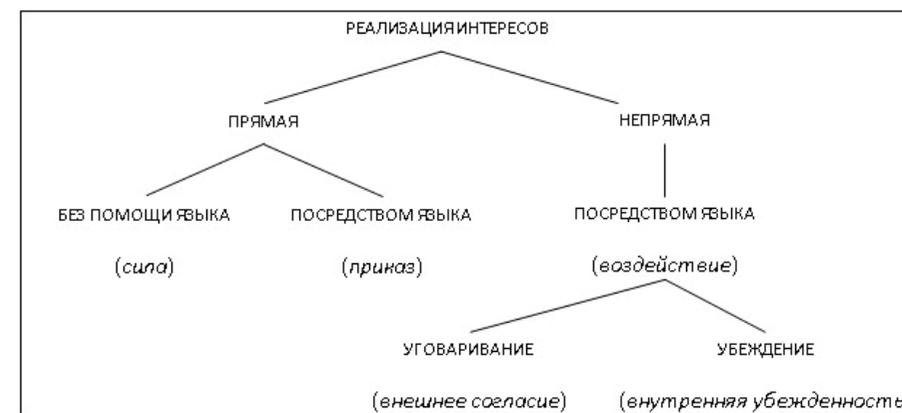

Рис. 1: Реализация интересов в концепции Й. Коппершмидта [Kopperschmidt 1977: 228. – Пер. с нем.]

С точки зрения категорий античной риторики, Никита Хрущёв в 1958 году *оправдывал* себя эмоциональной силой *movere* своего окружения. Однако *уговаривание*, о котором говорит бывший первый секретарь в своих воспоминаниях, можно интерпретировать иначе: не как *оправдание*, а как *отговорку*. *Отговорка* отличается от *оправдания* тем, что говорящий осознает свою вину и, по крайней мере, внутренне не может не признать, что совершенное им действие было *неправильным*. Тот, кто отговаривается, ссылаясь на обстоятельства, излагает историю таким образом, чтобы снять обвинение с себя и переложить ответственность за действие на другого. В своей замечательной книге «Kultur der Ausrede» («Культура отговорки») Фритц Брайтхаупт пишет об отговорках:

Sie legitimiert nicht die Tat an sich, sondern liefert eine Gegenversion der Geschehnisse, die sich in einem Punkt von der Anklage unterscheidet, nämlich in dem Punkt, wer hier Rede und Antwort für das Vergehen stehen muss, wer also ‚Verantwortung‘ zu übernehmen hat, wie es erst seit wenigen Jahrhunderten heißt [Breithaupt 2012: 27].

Они не легитимируют действие само по себе, а подают альтернативную версию случившегося, которая отличается от обвинения только в одном, а именно в том, кто призывает к ответу за случившееся, и, следовательно, кто должен понести «ответственность», как это принято называть последние несколько столетий [Breithaupt 2012: 27. – Пер. с нем.].

В этом смысле Ф. Брайтхаупт называет библейское Грехопадение из книги Бытие прототипом. Когда Бог призывает Адама и Еву к ответу за то, что они вкусили от Древа познания добра и зла, нарушив строгий запрет, Ева перекладывает ответственность на Змея, который ее уговорил, а Адам – на Еву, которая дала ему запретный плод [там же: 7-8].

Не каждую отговорку можно считать подобным перекладыванием ответственности на другого. Отговорки могут также строиться на каузальности, то есть взаимной обусловленности событий: погода не позволила, автобус опоздал, будильник не прозвенел. Они могут также быть оправданиями, если невозможно выйти из затруднительной ситуации, или извинениями в форме объяснения. Так, фраза Никиты Хрущёва «Они меня уговорили» может интерпретироваться и как оправдание, и как отговорка, которой он возлагает ответственность на свое окружение. В любом случае он ясно понимал, что могут возникнуть сомнения в правдивости его изложения. И его высказывание направлено именно на то, чтобы развеять возможные сомнения, выстраивая особый контекст в форме воспоминаний, в котором грань между *уговариванием* и *убеждением* практически неуловима. Его намерение представить себя отличающимся от предшествующих (да и последующих) руководителей советского государства – именно не как самодержца и единоличного правителя – потребовало от него особого оправдания (или отговорки) концентрации власти в своих руках в 1958 году. При этом нельзя сказать, что высказывание Н. Хрущёва – это ложь. Этот пример всего лишь показывает, что суждение, *является ли X*

убежденным в Y или *является ли X уговоренным на Y*, зависит от правдоподобности рассказа говорящего (*этоса* в античной риторике), оценки ситуации и конфигурации актантов, а также от коммуникативных целей текста, обозначаемых названиями персуазивных актов. Множество факторов, к которым к тому же добавляется оценка высказываний с точки зрения их *пафоса*, усложняет определение границ между *убеждением* и *уговариванием* как типами речевых актов, и одна и та же коммуникативная интеракция может совершенно по-разному оцениваться с позиции наблюдателя и актанта [ср. Ortak 2004: 52-53].

В цитате Никиты Хрущёва замена персуазивных глаголов *убеждать/убедить* и *уговаривать/уговорить* принципиально допустима, поскольку они оба могут употребляться по отношению к *действиям*. В отличие от этого, в отношении *рассуждений* может использоваться только глагол *убеждать/убедить*. То есть вполне возможно совершить некое *действие* против своего желания, своей воли, своих интересов, но совершенно невозможно *думать* или *считать* против собственной воли. Именно поэтому в своём известном интервью Оливеру Стоуну Владимир Путин, говоря о воздействии «западных медиа», использует глагол *убедить*, но подразумевает воздействие, противоречащее рациональному и истинному представлению и оцениванию обстоятельств:

Ясность действительно требует больших усилий, потому что ваши коллеги, западные журналисты, очень талантливы и способны убедить людей, что черное – это белое, а белое – это черное [Стоун 2017: 225].

Глаголы *уговаривать/уговорить* напрямую не связываются с ментальным состоянием участников коммуникации. Однако концепт уговаривания всё же пересекается с пространством ментального, если реципиент не (или не в полной мере) осознаёт изменение ментального состояния или неправильно ощущает это изменение. Это подтверждает последний пример, поскольку не существует прямой, последовательной и рациональной аргументации (а именно это и характеризует речевой акт *убеждения*), способной *убедить* в том, что «черное – это белое, а белое – это черное», как допускает Путин. Кроме того, реципиента нельзя также *уговорить* согласиться с суждением, «черное – это белое, а белое – это черное». Вместо этого будут использоваться выражения, характеризую-

щие персуазивный акт как скрытый, замаскированный и, наконец, нечестный. В лексической системе английского языка Карл Сорниг определяет персуазию как попытку убеждения реципиента (*to convince*), с одной стороны, и его соблазнения (*seduction*), с другой [Sornig 1989: 97]. Соблазнение (*seduction*) заключается в том, чтобы склонить реципиента к смене перспективы и заставить его рассматривать определенное обстоятельство с более приемлемого ракурса («*seemingly more agreeable angle*» – англ.) [там же]. В немецком, русском и украинском языках объемный концепт уговаривания обозначается соответствующими глаголами: в немецком *verführen*, *einreden*, *einflüstern*, *suggestieren*, в русском *соблазнять/соблазнить*, *нашептывать/нашептать*, *суггерировать*, *внушать/внушить*, *надоумливать/надоумить*, в украинском *спокушати/спокусити*, *навіювати/навіяти*, *напоумлювати/напоумити* и т. д., а также новым глаголом *зомбировать*, которым обозначают полное подчинение людей манипулятору. Аналогичное семантическое наполнение имеют такие понятия, как *пропаганда*, *реклама*, *манипуляция* и, в конце концов, *промывка мозгов*. Их деятели рассчитывают на то, что реципиенты как минимум не до конца осознают процесс уговаривания как таковой, а значит, рациональность аргументации уходит на второй план, а реципиент, как в большей или меньшей степени пассивное лицо, исключается из равноправного взаимодействия [ср. Eyer 1987: 95]. На практике различия между актами убеждения и уговаривания – а вместе с тем и между «ориентированной на взаимопонимание аргументацией и её стратегическим извращением» [Kopperschmidt 1989: 117. – Пер. с нем.] – не так очевидны, а категориально дифференцировать их еще сложнее [Kube 1998: 89–90; Ortak 2004: 51–59]. Опираясь на теорию Юргена Хабермаса, Йозеф Коппершмидт относит отсутствие четких границ между актами убеждения и уговаривания к «моментам насилия» (*Moment der Gewalt* – нем.) [Kopperschmidt 1989: 117]. Без сомнения существуют, как замечает Умберто Эко, «различные уровни персуазивной речи, (...) начинающая честным и аккуратным убеждением и заканчивая уговорами путем введения в заблуждение (...), начиная философской речью и заканчивая тактиками *пропаганды* и *управления массами*» [Eco 1972: 180. – Пер. с нем.]. Сложность их разграничения заключается в том, что в процессе уговаривания говорящий также строит аргументированные речевые акты. А понимание конечной цели персу-

азивной коммуникации – намерен ли говорящий в чем-то убедить реципиента или на что-то его уговорить – в меньшей степени зависит от того, аргументирует он или нет, и в гораздо большей степени от того, как именно реципиент интерпретирует его аргументы. Описывая прагматические способы оправдания войн, Маттиас Гуттке различает *аргументированные действия*, целью которых является убеждение, и *псевдоаргументированные действия*, способствующие уговариванию [Guttke 2010b: 317]. Но и в этом случае на вопросы, является ли аргумент аргументом или псевдоаргументом и является ли аргументация аргументацией или псевдоаргументацией, непросто ответить. Да и интерпретация того, где заканчивается аргументация и начинается пропаганда или манипуляция, может субъективно варьироваться. В процитированном выше интервью Оливеру Стоуну Владимир Путин рассуждает так, как и следовало ожидать: мол, это другие подтасовывают факты, а в пропаганде при этом несправедливо обвиняют его. В качестве примера он приводит противоположные интерпретации событий в Южной Осетии в 2008 году:

Например, трагические события, связанные с нападением на Южную Осетию. Господин Саакашвили публично заявил о том, что он отдал приказ войскам начать эту акцию, причем один из его высокопоставленных военных выступил даже по телевидению и сказал об этом. Я не поверил своим ушам и глазам, когда увидел, что западные средства массовой информации обвиняют в этом нападении Россию. И главное, миллионы людей во всем мире в это поверили. Это потрясающая способность ваших коллег в США и в Европе. Вы все очень талантливые люди. Но, когда наши журналисты начинают защищать российские национальные интересы, занимают определенную позицию, их тут же объявляют рупором кремлевской пропаганды, что меня очень огорчает [Стоун 2017: 225].

Этот пример подтверждает, что обоюдные обвинения в пропаганде, которые в течение последних полутора десятков лет составляют суть российско-трансатлантических отношений и которые в рамках российско-украинского конфликта Елена Тараненко определяет как маркеры смысловой войны [Тараненко et al. 2016], связаны не с недостатком аргументации, а с достоверностью, непротиворечи-

востью и достаточностью аргументов. Здесь уже возникает вопрос о соотношении аргументации и агрессии в дискурсе, ведь коммуникативные акты *уговаривания* во многих случаях оцениваются как агрессивные: например, когда они слишком навязчивые (так, особенно обременительные для реципиентов виды коммерческих коммуникативных действий принято называть *агрессивной рекламой*); когда они унижают или дискредитируют третьих лиц (в речах так называемых «*проповедников ненависти*»); когда они сопровождаются агрессивными речевыми актами, такими как *угрозы*, *ругательство* и др.; и, наконец, когда за неточными, спорными или осознанно двусмысленными аргументами скрываются лживость, лицемерие и желание ввести реципиента в заблуждение. Существует множество типов перлокутивных высказываний, обозначающих особые агрессивные формы *уговаривания*: *соблазнение* кого-л. чем-л., *подстрекательство* кого-л. к чему-л., *провоцирование* кого-л. на что-л., *склонение* кого-л. к чему-л. и др. [о перлокуциях в немецком, русском, чешском и польском языках см. Кубе 2016с: 165–181; Глава 7.1.]. В своем интервью В. Путин имплицитно осуждает аргументацию «западных журналистов» и ее убедительность как агрессивную, поскольку они осознанно и преднамеренно извращают вопрос вины в южноосетинском конфликте и, по его убеждению, всегда изначально настроены против России. Коллега его интервьюера, «западных журналистов», В. Путин как минимум дважды иронически характеризует как *очень талантливых людей*. Это утверждение с его стороны можно интерпретировать как агрессивный акт обратного обвинения, но прежде всего упрек касается изложения определённых событий, которые в данном контексте сами становятся аргументом оценивания действующих лиц и их поступков: например, заслуживают ли отдельные персоны, в частности президент Путин или «западные журналисты», доверия? Следует ли одобрять определенные действия, в частности, войну, перемещение границ государства и т. д.?

Менее амбивалентным, чем различение актов *уговаривания* и *убеждения*, представляется дифференцирование не прямой (персуазивной) и прямой (директивной) реализации интересов посредством языка [ср. Kosta 1995: 308–313; Mann 2000: 66–72]. Но и они пересекаются. Приказ можно реализовать в форме непрямого речевого акта или, в случае очевидной иерархии между актантами коммуникации, эвфемистическим путём в форме приглашения.

Директивные речевые акты могут имплицитно аргументы, особенно если они уведомляют о дальнейших последствиях в форме обещаний, предупреждений или угроз. Более того, пресуппозиционные аргументы могут лежать в основе условий успешности директивных речевых актов, например, изначальное право на отдачу приказа и санкционирование его невыполнения.

И наконец, существуют разные подходы к вопросам, где начинается насилие и с какого момента следует говорить об агрессии. Йозеф Коппершмидт под *Gewalt* (*сила, насилие* – нем.) понимает физическое насилие, реализуемое без помощи слов. При подобном подходе *агрессия* рассматривается как предпосылка насилия. Тем не менее, дифференцируется множество разнообразных феноменов речевого насилия и вербальной агрессии, причем не только в рамках новейших исследований языка вражды:

Butler 1997; Gelber 2002; Cortese 2006; Havryliv 2009; Krämer/Koch 2010; Hornscheidt 2010; Meibauer 2013; Ryazanova-Clarke 2016; Klinker/Scharloth/Szczek 2018; Вепрева/Купина/Михайлова 2006; Щербинина 2015; Комалова 2017 и др.

Уже в 1950-х годах лингвисты исследовали «насильственные структуры предложений» (*gewalttägigen Satzbau* – нем.), характерные для «тоталитарных языков» [Sternberger/Storz/Süskind 1962: 10]. Стоит только вспомнить о значении книги Виктора Клемперера «*Lingua Tertii Imperii*», которая появилась впервые в 1947 году. В современной научной литературе взаимосвязь языка, агрессии и насилия уже эксплицитно постулируется в названиях, например:

«*Verbale Aggression*» («Вербальная агрессия» – нем.) [Havryliv 2009; Bonacchi 2017], «Речевая агрессия» [Щербинина 2015], «Тоталитарный язык» [Купина 1995], «*Gewalt in der Sprache*» («Насилие в языке» – нем.) [Krämer/Koch 2010] или «*Sprachliche Gewalt*» («Речевое насилие» – нем.) [Klinker/Scharloth/Szczek 2018].

В Техническом университете Дрездена с 2017 года существует отдельное приоритетное направление научных исследований под названием «Инвективность. Конфигурации и динамики унижения» («*Invektivität. Konstellationen und Dynamiken der Herabsetzung*» – нем.). В своей основополагающей статье участники концепт-группы данного проекта называют вербальную и символическую агрессию

по отношению к отдельным персонам или группам лиц «базисной формой проявления социального» [Konzeptgruppe 2017: 4].

Выше уже поднималась проблема возможной (и часто встречающейся) агрессивности актов уговаривания. Уже сами названия типов речевых актов – как, например, *оскорбление*, *высмеивание*, (вербальное) *унижение* или *дискредитация* – прямо свидетельствуют о намерении говорящих причинить вред или ущерб реципиенту, а значит и об агрессивности всего коммуникативного действия [Иссерс 2008: 160–177; Ефремов 2014: 210–212; Ефремов 2016; Щербинина 2015: 217–251; Комалова 2017: 68–88; Ефремов/Пиотровская/Лёвина 2018: 205–208].

Таким образом, «чистыми формами» следует считать только, с одной стороны, прямое физическое насилие как агрессию без аргументации и, с другой стороны, аргументацию без агрессии тех речевых действий, которые актанты могут идентифицировать как акты *убеждения*. Кроме того, очевидны различия между однозначным вербальным насилием в форме недвусмысленных ругательств или унижений и рациональной, взвешенной аргументацией. Язык ненависти и травля в интернете все реже приводят в ужас и вызывают отвращение. Что касается научной среды, в дискуссиях об имплицитности в межкультурной коммуникации или о новых направлениях исследований стволовых клеток можно принимать участие или нет, в зависимости от наличия интереса и необходимых компетенций. Гораздо деликатнее, напряжённее, а значит и притягательней представляется промежуточное пространство, где сталкиваются, пересекаются, сливаются или, как говорит германист Йорг Майбауэр, «переплетаются» [Meibauer 2013: 12] агрессия и аргументация. Далее я буду рассматривать различные формы подобных слияний агрессии и аргументации на русских и чешских исторических и литературных материалах, но в наибольшей степени – в контексте российско-украинского конфликта с начала XXI века.

2. Слияние агрессии и аргументации

Интуитивно агрессия и аргументация кажутся совершенно полярными понятиями. Им присущи противоположности: эмоциональность и рациональность, враждебность и партнерство, агональность и кооперация, монологичность и диалогичность, девальвация и взвешенность. Но главное, что агрессия – это манифестация и усиление разногласий, тогда как аргументация призвана преодолеть, разрешить или, как минимум, локализовать и урегулировать разногласия. В данной перспективе аргументация часто изначально определяется как «особый механизм урегулирования разногласий» [Van Eemeren et al. 1993: 25; цит. по Thielemann 2010: 171. – Пер. с англ.]. Тем не менее, слияния агрессии и аргументации – по крайней мере, первые признаки этого процесса – проявляются уже в агональных метафоризациях аргументативных коммуникаций в тех европейских языках, в которых обнаруживаются составляющие концепта ARGUMENT IS WAR, перечисленные в известной книге Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Metaphors We Live By»:

ARGUMENT IS WAR

Your claims are indefensible.

He attacked every weak point in my argument.

His criticisms were right on target.

I demolished his argument.

I've never won an argument with him.

You disagree? Okay, shoot!

If you use that strategy, he'll wipe you out.

He shot down all of my arguments [Lakoff/Johnson 1980: 4].

СПОР ЕСТЬ ВОЙНА

Ваши утверждения не выдерживают критики
(букв. незащитимы).

Он напал на каждое слабое место в моей аргументации.

Его критические замечания били точно в цель.

Я разбил его аргументацию.

Я никогда не побеждал в споре с ним.

Вы не согласны? Отлично, ваш выстрел!

Если вы будете следовать этой стратегии, он вас уничтожит.

Он разбил (букв. расстрелял) все мои доводы [Лакофф/Джонсон 2004: 26].

В данном примере метафоризация аргументации (ARGUMENT IS WAR) затрагивает процессы про- и контраргументации, поэтому понятие *argument*, как его понимают Дж. Лакофф и М. Джонсон, закономерно переводится не только как *аргументирование* (например, нем. *Argumentieren* [Lakoff/Johnson 2011]), но и как *дискуссия* (нем. *Diskussion* [Lakoff/Wehling 2009, 19–20]) или *спор* [Лакофф/Джонсон 2004: 26]. При этом метафорике борьбы в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона предшествовало визуальное изображение процесса аргументации как *перетягивания каната*, представленное норвежским философом Арне Нессом. К сожалению, именно эта часть оригинальной книги на норвежском языке «*Kommunikation und Argumentation*» [Naess 1966] не была переведена на английский, но в 1975 году впервые появилась в немецком переводе [Naess 1975]. Метафорика борьбы, имплицитованная в метафоре *перетягивания каната*, лексически наиболее ярко выражена в английском языке – *tug of war*. На схеме А. Несса процесс про- и контраргументации изображен в виде каната, который одновременно в разные стороны тянут разные группы актантов, что символизирует множество конкурирующих линий аргументаций со множеством отдельных аргументов [см. также Kuße 2004: 376].

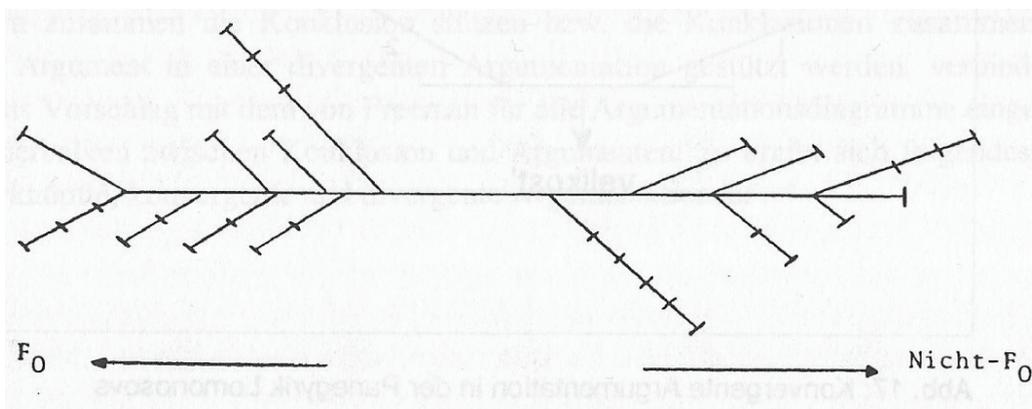

Рис. 2: Аргументация как перетягивание каната (*tug of war*) [Naess 1975: 148]

Данная метафорика подтверждает агональный характер аргументации: не удивительно, что аргументация не только способна оправдать агрессию, но и сама по себе может быть агрессивной.

Тем не менее, дискуссии, строящиеся в формате про- и контраргументации, не должны протекать агрессивно и не должны восприниматься как изначально агрессивные, даже если их участники вербально оперируют метафорами борьбы и войны, как это проиллюстрировано у Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Является ли аргументативное перетягивание каната соревнованием за лучший аргумент или же войной с целью победить своего оппонента, не в последнюю очередь зависит от функции аргументации. Аргументация, касающаяся предмета спора и стремящаяся разрешить спорный вопрос, в своей интенции не агрессивна, даже если внешне дебаты кажутся очень агрессивными. В этом случае функция аргументативного перетягивания каната состоит в том, чтобы «в каждом данном случае находить способы убеждения», как того ожидает от риторики Аристотель [Аристотель 1978, 18 (1355b)]. Агрессивной же и даже воинствующей аргументация становится в случае, когда её конечной целью является не разрешение спорного вопроса, а поражение, унижение и вытеснение своего оппонента.

С одной стороны, данное функциональное разграничение просто и понятно. С другой стороны, обе интенции – решение спорного вопроса и победа над оппонентом – могут переплетаться. Во многих случаях они даже не вполне различимы, поскольку языковая форма аргументации не всегда эксплицирует интенцию говорящего и, как уже упоминалось, риторика ненависти, содержащая аргументацию – это сложно оцениваемый и декодируемый коммуникативный комплекс [Meibauer 2013: 12]. Об этом свидетельствует следующий пример, взятый из Facebook-страницы одной немецкой гражданской инициативной организации, которая возникла в 2015 году на волне дебатов по вопросу беженцев в Германии. Автор одного анонимного поста описывает сцену около банкомата, свидетелем которой он (или она) стал(а). Один немец в присутствии своего сына безуспешно пытается снять наличные:

Ich hörte noch wie der Papa sagte, nein mein Sohn, bis Dienstag müssen wir versuchen, noch über die Runden zu kommen. Werden wir schon irgendwie schaffen. Das ging mir so unter die Haut, das (sic!) ich den (sic!) Jungen 10 € in die Hand gedrückt

habe [<https://www.facebook.com/wirsinduebigau/> – Доступ: 10.07.2017].

Было слышно, как он сказал: «Нет, сынок, мы должны попытаться протянуть до вторника. Как-нибудь справимся». Это меня настолько зацепило, что захотелось протянуть мальчику 10 евро [<https://www.facebook.com/wirsinduebigau/> – Доступ: 10.07.2017. – Пер. с нем.].

Об этом событии рассказывается не ради него самого. Оно становится поводом к развертыванию полемики против государственной политики в отношении беженцев в целом. Помимо прочего автор поста негодует, что «[т]ак называемым травмированным беженцам, с дорогуцими телефонами, стильным с ног до головы, лижут задницы...», а у них «[e]да выбрасывается в мусор!» [там же. – Пер. с нем.]. При этом автор ставит в вину «так называемым политиками» нищенское состояние самой Германии:

Was seid ihr für skrupellose Wesen, ihr sogenannte (sic!) Politiker! Kümmert Euch um die Armut in Deutschland, bevor ihr zum spenden (sic!) für irgendwelche sogenannten Flüchtlinge aufruft [<https://www.facebook.com/wirsinduebigau/> – Доступ: 10.07.2017].

Что же вы за бессовестные существа, так называемые политики! Прежде чем призывать к сбору пожертвований для каких-то так называемых беженцев, избавьте сначала Германию от нищеты [<https://www.facebook.com/wirsinduebigau/> – Доступ: 10.07.2017. – Пер. с нем.].

Вопрос состоит не в том, произошла ли на самом деле описанная сцена у банкомата. Да и степень ответственности принимающих решения политиков и сами политические решения можно оценивать по-разному. Мнение автора по этому поводу, выраженное в посте прямо и недвусмысленно, определённо сформировалось ещё до того, как он (или она) стал(а) свидетелем сцены около банкомата. Важно то, что в данном примере обнаруживаются три признака агрессивной аргументации. Эти признаки представляют собой фрагменты взаимосвязанной аргументации, которая не последовательно развивается, а суггестивно внушается. Суггестия касается, во-первых, установления связи между различными событиями и

явлениями; во-вторых, утверждения или пресуппозиций в отношении негативных качеств определенных групп («беженцев» и «политиков»); в-третьих, оправдания агрессии (в данном случае, употребления пейоративной лексики в тексте) как естественной реакции на предшествующую агрессию.

Автор поста пытается внушить читателям, что помощь беженцам непосредственно связана с общим социальным неравенством в стране. Он (она) безосновательно и даже бездоказательно обвиняет «политиков» в несправедливом распределении ресурсов. Здесь проявляются субъективные *утверждения* и *пресуппозиции*. В тексте *утверждается* приоритетное отношение к беженцам со стороны «политиков» («лизжут задницы...»), а формулировка требования к политикам «избавьте сначала...» маркирует наличие таких *пресуппозиций*, как неблагоприятное социальное положение в Германии («нищета») и бездействие и несправедливость политиков. Данные утверждения и пресуппозиции являются ключевыми тезисами текста, а сцена около банкомата их обосновывает. Обоснование выглядит вполне правдоподобным: история реально показывает, насколько всё плохо в Германии. То же касается и утверждений в отношении беженцев, их стильной одежды, дорогих телефонов и уничтожение приобретённых за счет пожертвований продуктов питания (в которых, следовательно, они совсем не нуждаются). Эти утверждения экстраполируются на всю группу в целом и выступают как обоснования её генерализированного осуждения, что следует рассматривать как второй признак агрессивной аргументации. Формируется впечатление обо всех «каких-то так называемых беженцах» как о виновных, нечестных, аморальных и недостойных поддержки, хотя прямо данные оценки не высказываются. Этому способствует их изображение как стильных «с головы до ног», «с дорогуцими телефонами» и выбрасывающих еду в мусор. В тексте ничто из этого не доказывается, а подается как всем известная истина, а значит, функционирует как неоспоримый аргумент в пользу тезиса, что беженцы на самом деле ниоткуда не бегут и не ищут убежища, а являются «так называемыми беженцами», и, следовательно, аморально думают и поступают. Характеристика обосновывает сама себя.

Рассказ о сцене около банкомата имеет ещё одну аргументативную функцию, которую можно отнести к третьему признаку агрессивной аргументации. Он выражает эмос автора поста и

оправдывает, следовательно, пафос его (или её) агрессивной речи. Ругательства, поскольку они вызваны наблюдением и переживанием социальной несправедливости, кажутся оправданными. Агрессия кажется аффективной и спровоцированной теми, на кого она направлена. Именно это прямо высказывается в тексте:

Ihr Dummschädeln von Politikern wundert Euch, das (sic!) die Wut, der Hass immer mehr gegen Flüchtlinge zunimmt! Na wie krank seid Ihr denn, in Eurer hohlen Birne! Ihr schürt doch den Hass, egal ob bewusst oder unbewusst! [<https://www.facebook.com/wirsinduebigau/> – Доступ: 10.07.2017].

Вы, политики, придурки, удивляетесь, почему же против беженцев все еще растет ярость и ненависть! Насколько же вы больные сидите в своих дуллах! Это же вы разжигаете ненависть, умышленно или нет – все равно! [<https://www.facebook.com/wirsinduebigau/> – Доступ: 10.07.2017. – Пер. с нем.].

Данный пост написан языком вражды, хотя в рамках пространства Facebook и социальных сетей в целом это не самый экстремальный пример из нескончаемого потока речевой агрессии в интернете.

Агрессивная аргументация встречается не только в сочетании с инвективной лексикой и в неинституциональных сферах коммуникации, но и в самых официальных политических и чрезвычайно серьёзных общественных контекстах. Вероятно, наиболее показательным новейшим примером, знаменитым во всем мире благодаря трансляциям и обсуждениям в медиа, является инаугурационная речь Дональда Трампа 20 января 2017 года. Новоизбранный президент в начале своей речи благодарит своего предшественника Барака Обаму и его жену за «огромную неоценимую помощь в передаче власти», чтобы затем сообщить, что происходящая смена власти – это не просто передача власти «от одной администрации другой и от одной партии другой», а исторический переломный момент возврата власти американскому народу:

[W]e are transferring power from Washington, D.C. and giving it back to you, the American People [Trump 2017].

[М]ы забираем власть у Вашингтона, округ Колумбия, и возвращаем ее обратно вам, американскому народу [Трамп 2017].

Данная смена власти, по словам Д. Трампа, была необходима, поскольку в Белом Доме слишком долгое время правила самовлюбленная политическая элита, разрушавшая стану и народ:

For too long, a small group in our nation's Capital has reaped the rewards of government while the people have borne the cost. Washington flourished – but the people did not share in its wealth. Politicians prospered – but the jobs left, and the factories closed. The establishment protected itself, but not the citizens of our country [Trump 2017].

Слишком долго небольшая группа людей в столице нашей страны получала плоды правления, за которые платили обычные люди. Вашингтон процветал – но народу не перепадали плоды этого процветания. Политики обогащались – но рабочие места сокращались, и заводы закрывались. Истеблишмент защищал себя, но не граждан страны [Трамп 2017].

Вся церемониальная речь превратилась в воинствующую атаку на предшествующее правительство и в сведение счётов с прежней политической системой, мотивированное, по мнению оратора, катастрофическим состоянием государства:

Mothers and children trapped in poverty in our inner cities; rusted-out factories scattered like tombstones across the landscape of our nation; an education system, flush with cash, but which leaves our young and beautiful students deprived of knowledge; and the crime and gangs and drugs that have stolen too many lives and robbed our country of so much unrealized potential [Trump 2017].

[М]атери и дети – заложники бедности в наших городах; заржавевшие заводы как надгробия разбросаны по просторам нашей страны; система образования переполнена деньгами, но наши молодые и великолепные студенты лишены знаний; и преступность, и криминальные группировки, и наркотики, укравшие слишком много жизней, украли у нашей страны ее нереализованный потенциал [Трамп 2017].

Виновные в коллапсе «политики» характеризуются не с помощью пейоративных выражений, как в предыдущем примере из социа-

льной сети, а всего лишь посредством контекстуально негативной оценочной атрибутизации – «небольшая группа, представляющая большой капитал». Но девальвируются они при этом не меньше, особенно благодаря контрастированию «процветающего Вашингтона» и «не участвующего в этом празднике» народа. Оратор не называет эксплицитно своих предшественников бессовестными, но представляет их именно такими. Сценарий идущей к закату нации, превращающейся в пустыню страны, массовой нищеты и т. д. в контрасте с безответственной и самовлюбленной правящей элитой обосновывает необходимость радикальной смены системы и одновременно оправдывает ее осуществление, оглашенное в речи.

Оба описанных случая, пост в Facebook и инаугурационная речь Д. Трампа, характеризуются поляризацией по парадигме «мы – они» и явственной идентификацией врага: на одном полюсе находится «добрый, но угнетенный народ», а на другом – «процветающий Белый Дом», «бессовестные политики» и «так называемые беженцы». Такое положение вещей оправдывает все, что бы ни сказал оратор. Важно только находиться на правильной стороне. Истинность подобной поляризации опирается на наблюдения – «дорогущие телефоны», «выброшенную еду», «детей и матерей, живущих в ловушке бедности», «закрывающиеся заводы», – истинность которых, в свою очередь, не обосновывается. Какое-либо обоснование разрушило бы не только пафос противопоставления, но и поставило бы под сомнения сами наблюдения, на которых базируется пафос противопоставления: «Это же очевидно, что нация погибает», «Это же очевидно, это же каждый видит, что беженцы – ужасные обманщики» и т. д.

Контрастирование, обобщение, поляризация общества на друзей и врагов – это древние риторические приемы. Апелляция к абстрактным понятиям, таким как народ, с целью устранения политического противника известна со времен античности. Она относится к основным элементам демагогии и популизма, которые неслучайно несут в себе сему народа (*демагогия* – др.-греч. δῆμαγωγία – руководство народом; заискивание перед народом; *популизм* – от лат. *populus* – народ). Демагогия и популизм не только «заискивают» перед народом, но и используют народ как аргумент, оправдывающий агрессию и насилие. Деление на группы, противопоставление «нас, своих» и «других, чужих», аксиологическая поляризация добра и зла и, наконец, устойчивые категоризации, в рамках кото-

рых «свои» принципиально оцениваются положительно и ассоциируются с «добром», а «другие» изначально оцениваются как потенциальные «враги» и совокупное «зло» – всё это ключевые элементы агрессивной риторики, которые обычно функционируют как агрессивные аргументы [Keen 1987; Stadler 1997; Grimm 2000; Чернявская/Молодыхенко 2014: 28-143]. При этом «другими» называются не только пришедшие извне. Характерный признак популизма и демагогии – это обособление внутри «правильного» и «доброе» народа (*demos, populus*) некой «фальшивой» и «злой» его части, которая считает себя «элитой» и превозносит над всем остальным «добрым народом», а по сути состоит из «коррупционеров», «паразитов» и «предателей» [см. Müller 2016, 42-43; Fricke 2017: 54].

Известным древнеримским примером является речь Луция Сергия Катилины (лат. Lucius Sergius Catilina; около 108/62 до н. э.), переданная Саллюстом в книге «О заговоре Катилины». В 63 году до н. э. в своей речи Катилина, призывая к свержению римского сената, резко противопоставил тех, у которых есть власть и богатство, тем, которые остались нищими и безвластными. Последних оратор называет «всеми остальными, деятельными, честными». Восстание против «элит» оценивается как дело чести и самоуважения:

Доколе же будете вы терпеть это, о храбрейшие мужи? Не лучше ли мужественно умереть, чем позорно лишиться жалкой и бесчестной жизни, когда ты был посмешищем для высокомерия других? Но поистине богов и людей привожу в свидетели! – победа в наших руках. Сильна наша молодость, дух могуч. Напротив, у них с годами и вследствие их богатства все силы ослабели [http://ogurcova-portal.com/krasota-eto-strashnaya-sila/ – Доступ: 03.03.2019].

Подобные противопоставления не раз повторялись в истории. Во время Великой французской революции Жан-Поль Марат (Jean-Paul Marat, 1743-1793) в своей газете «Друг народа» («Ami du Peuple» – фр.) объявил «маленького человека» (le petit peuple – фр.) единственной правомерной величиной нации, а всех остальных, за редким исключением, считал коррупционерами:

[Le petit peuple est] la seule partie saine de la nation, la seule qui chérit la liberté, la seule qui veut le bien public; dans toutes les autres classes la masse est corrompue, il n'y que des exeption

honorable [Van den Heuvel 1985: 100. – Пер. с фр.].

[Маленькие люди] – это единственная священная часть нации, единственная, которая любит свободу и желает всеобщего благоденствия, тогда как все остальные классы в своей массе коррумпированы. Среди них встречаются только редкие исключения [Van den Heuvel 1985: 100. – Пер. с фр.].

Сталин на XV съезде Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) в декабре 1927 года провел грань между «свободой для пары-другой оторванных от революции интеллигентов болтать без конца» и «свобод[ой] для партийных масс решать вопросы нашего строительства» [Сталин 1950: 327; см.: Глава 4.1.] и оправдал таким образом свой тоталитарный режим и будущие репрессии. И, конечно, этой же конструкцией пользовался Гитлер. Так, в своей предвыборной речи 1932 года он «народу» противопоставил «недочеловечество» (Untermenschentum – нем.) и «декадентское десяти-тысячное сословие» (dekadenten 10.000-Menschenschicht – нем.):

Wir wollen einen Willen an Stelle dieser Zerreiung setzen! Und wenn sie glauben, es wird uns nicht gelingen: Es wird uns gelingen durchzuhalten. Es lebt im Volk eine innere Sehnsucht nach einer gemeinsamen Verstandigung.

Gewi, es gibt ein Untermenschentum, das will keine Verstandigung. Mit denen wollen auch wir keine Verstandigung: mit denen wollen wir aufräumen! Es gibt auch eine gewisse dekadente 10.000-Menschenschicht, die will es auch nicht: die steht auf dem Standpunkt, wir sind zu vornehm, als da wir mit Arbeitern und Bauern zusammengehen knnten! Sie drfen berzeugt sein, da ber diese paar Hunderttausend die Rder der Geschichte hinweggehen werden! [Institut fr Zeitgeschichte 1996: 244].

Собственной волей мы преодолеем этот разрыв! И если вы думаете, что нам это не удастся – мы выдержим до конца. В народе живет страстное стремление ко всеобщему согласию. Определнно существует недочеловечество, которое не желает согласия. Мы тоже не стремимся к согласию с ними: с ними мы хотим покончить! Кроме того, существует некое декадентское десяти-тысячное сословие, которое тоже не желает согласия. Оно считает себя слишком аристократичным для того, чтобы

объединиться с рабочими и крестьянами! Будьте уверены, что колса истории с лгкостью переедут эту пару сотен тысяч человек! [Institut fr Zeitgeschichte 1996: 244. – Пер. с нем.].

Подобные примеры противопоставления «хорошего народа» и «коррумпированных элит» не только повторяются в истории, но и массово встречаются в мире искусства, литературы и кино. С этой точки зрения интересна способность мира фантастики «предугадывать» события будущего. Так, в инаугурационной речи Дональда Трампа многие медиаэксперты увидели удивительное сходство с демагогией суперзлодея Бэйна из вселенной «DC Comics», который появился в фильме о Бэтмене «Тмный рыцарь: Возрождение легенды» 2012 года. Особенно поразительной показалось сходство следующей цитаты:

We take Gotham from the corrupt! The rich! The oppressors of generations who have kept you down with myths of opportunity, and we give it back to you, the people [цит. по Blow 2017].

Вместе мы отберем Готм у коррупционеров! У богатых! У тех, кто угнетал целые поколения и кормил нас мифами о небывалых возможностях. И мы возвратим его вам – народу [цит. по Blow 2017. – Пер. с англ.].

Перечень противопоставлений «народов» и «коррумпированных элит» в истории демагогии можно продолжить и, в конце концов, свести к известной оппозиции «Мы – другие», которая лежит в основе любых противостояний в обществе: между различными политическими направлениями, между религиями и конфессиями, да и просто между местными жителями и приезжими. Все эти противопоставления строятся по единой агональной схеме, названной Тном ван Дейком «идеологическим квадратом» (ideological square – англ.). Он состоит из стереотипно повторяющихся четырёх правил, в которых выражены две оппозиции с полярной (+ / –) аксиологией:

- 1) Express/emphasize information that is positive about Us.
- 2) Express/emphasize information that is negative about Them.
- 3) Suppress/de-emphasize information that is positive about Them.
- 4) Suppress/de-emphasize information that is negative about Us

[van Dijk 1998: 267].

- 1) Выражать/подчеркивать позитивную информацию о Нас.
- 2) Выражать/подчеркивать негативную информацию о Них.
- 3) Скрывать/умалчивать позитивную информацию о Них.
- 4) Скрывать/умалчивать негативную информацию о Нас [van Dijk 1998: 267. – Пер. с англ.].

Однако, *язык вражды* или *риторика ненависти*, понимаемые как «языковое выражение ненависти к персонам или группам (...), особенно посредством употребления выражений, способствующих их дискредитированию и оскорблению в обществе» [Meibauer 2013: 1. – Пер. с нем.] представляет собой только одну форму агрессивных коммуникативных действий, а *рациональная* и *диалогическая* аргументация, пытающаяся установить, «что есть в каждой вещи правдоподобного» [Аристотель 1978, 18 (1355b)], – только одну из многих форм аргументаций. Чтобы обнаружить точки соприкосновения и слияния агрессивной и аргументированной речи, необходимо иметь в виду коммуникативную направленность данных противоположных коммуникативных действий. В то время как аргументация в аристотелевском понимании имеет чёткую вещественную ориентацию и находится в суперординации по отношению к репрезентативной коммуникативной функции в тройственной системе речевого действия Карла Бюлера [об аргументации как коммуникативной функции см.: Глава 4.4.], язык вражды как экстремальная форма агрессивной коммуникации актуализируется в плоскости взаимодействия между адресантом и реципиентом. Он выполняет *экспрессивную* функцию в том смысле, что прямо эксплицирует негативные эмоции адресанта. И одновременно с этим он выполняет *апеллятивную* функцию, поскольку передаёт данные негативные эмоции реципиенту. Однако в первую очередь язык вражды в плоскости *репрезентации* агрессивно направлен на объекты, которые тематизируются в коммуникации, тогда как аристотелевская аргументация стремится составить истинные суждения об этих объектах и их обосновать. Слияние агрессии и аргументации сопровождается смещением функций аргументированного коммуникативного действия, и аргументация точно так же будет функционально направлена на объекты: к примеру, будет легитимировать клевету и дискредитацию или превращать оскорбления в аргументы в пользу нападения на оскорбляемого

(«Поскольку X является настоящим негодяем, то и поступать с ним нужно как с негодяем»).

Итак, речевая агрессия может проявляться открыто в форме языка вражды, риторики ненависти и агрессивных речевых актов. Она также может проявляться косвенно в аргументативных структурах, которые обосновывают или оправдывают агрессию или же сами собой представляют агрессивные речевые акты. И наконец, в агрессивной аргументации могут встречаться маркеры прямой речевой агрессии, например, пейоративные выражения, с помощью которых выстраиваются агрессивные аргументы (Рис. 3).

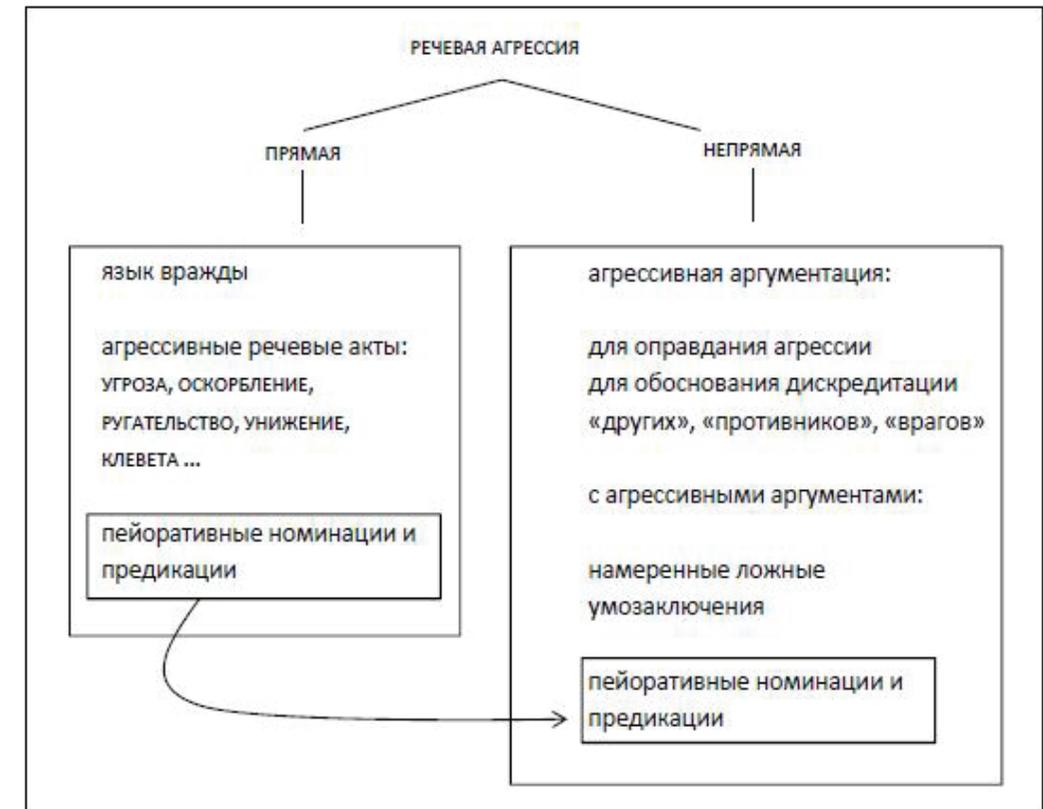

Рис. 3: Речевая агрессия

Слияние агрессии и аргументации, вследствие которого возникает феномен агрессивной аргументации, необходимо понимать как функциональное смещение аргументации от стремления к истинному умозаключению об объекте в сторону агрессии против её объекта. Для понимания механизма распознавания агрессивной аргументации необходимо составить чёткое представление о том, что именно это значит, когда некое действие направлено против некоего объекта. Другими словами, о том, что в целом понимается под агрессией

3. Агрессия

Агрессия всегда является направленной. Это чувства или, как правило, действия, направленные против кого-либо или чего-либо. Агрессия может быть направленной даже на материальный объект. Например, Удо Линденберг в песне «Ich lieb dich überhaupt nicht mehr» («Я больше тебя не люблю» – нем.) из альбома «Feuerland» 1988 года поет о «нападении» на телевизор:

Den Fernseher, den ich eingetreten hab'
den hat die Versicherung voll bezahlt
[Udo Lindenberg, «Ich lieb dich überhaupt nicht mehr»].

И за этот телевизор, который я пнул,
Заплатила страховка
[Udo Lindenberg, «Ich lieb dich überhaupt nicht mehr». –
Пер. с нем.].

Контекст песни объясняет, за что «заплатил» телевизор: несчастный лирический герой, оставленный своей возлюбленной, разбил свой телевизор в спонтанном порыве чувств. Это агрессивное действие против телевизора следует понимать как аутоагрессивное действие и причинение физического и материального вреда самому себе, а значит, с точки зрения коммуникативных функций К. Бюлера, оно выполняет экспрессивную функцию [см.: Глава 4.4.]. Кроме того, удар по телевизору можно интерпретировать не только как аффективное, но и как символическое действие, направленное на адресата (девушку, оставившую героя), которое должно было её напугать, обеспокоить и воззвать к её совести – следовательно, выполнить апеллятивную функцию и, возможно даже, негативно повлиять на её эмоции. Исходя из этого, причинение физического и материального вреда самому себе одновременно является причинением эмоционального вреда другому.

3.1. Агрессия и причинение вреда

Эксплицитное агрессивное действие и поведение (в случае предыдущего примера это касается только плоскости реализации

экспрессивной функции) в любом случае приводит к ущербу, но какого рода и какого размера он будет, зависит от типа агрессивного акта. Юлия Щербинина в монографии «Речевая агрессия. Территория вражды» определяет агрессию, во-первых, с точки зрения *оценки поведения* как «любой вид поведения, приносящего вред другому» и, во-вторых, с точки зрения *намерения* как «любое действие, имеющее целью причинение вреда другому» [Щербинина 2015: 11; см. также: Berkowitz 1993: 3–23].

Обсудим первый подход. Людям, животным и предметам можно навредить, изначально того не желая (например, в результате несчастного случая). Более того, вред или повреждения могут даже пойти на пользу пострадавшему (например, в случае необходимой медицинской операции). Если любое причинение вреда рассматривать как агрессию, то необходимо иметь её четкую классификацию, которую, в частности, предлагает Сеймур Фешбах. Он выделяет (1) *случайную* и непреднамеренную, (2) *инструментальную* и без агрессивной конечной цели и (3) *враждебную* агрессию [Feshbach 1964, 1981]. С лексической точки зрения не очень удачно называть спасение пациента *агрессивным* действием со стороны врача, пусть и инструментальным. Поэтому более рациональным кажется второй подход Ю. Щербининой к определению агрессии, который фокусируется на агрессивном намерении без дополнительных бенефактивных намерений (то есть намерений в пользу адресата действия). Под данное определение попадают также действия, которые эксплицируют агрессию, но в результате никому (или ничему) не причиняют вреда. Герой песни Удо Линденберга «Ich lieb dich überhaupt nicht mehr», разбивая свой телевизор, пытался, скорее, «символически компенсировать жертву» [Zaszyk 2000: 56. – Пер. с нем.], чем причинить кому-либо или чему-либо намеренный физический ущерб. Он мог бы перевернуть стол, разорвать в бешенстве диванную подушку или, в конце концов, ничего не сломать, но его поведение всё равно следовало бы считать актом агрессии. И точно так же, когда толпа рассерженных людей публично сжигает флаг другого государства, не может быть сомнения в том, что они таким путём выражают свою агрессию, даже если материальный ущерб в этом случае не особо существенный. Поэтому определение некоего действия как агрессивного должно принимать во внимание его возможные (при этом не обязательно достигнутые) разрушительные последствия на уровне интенции действующего лица.

Данное условие подчёркивает относительность намерения причинить вред и требует его дальнейшего разъяснения. Арнольд Герберт Басс считает понятие интенции (*intent* – англ.) сложным и излишним (*awkward and unnecessary* – англ.), поскольку оно исключает анализ *агрессивного поведения* (*aggressive behavior* – англ.) [Buss 1961: 2]. В отличие от действий, за поведением необязательно стоят намерения. Поведение может быть чисто реакционным и неосознанным и всё же агрессивным. Но тот, кто сжигает флаг, не совершает это неосознанно – он сознательно хочет заявить о своём намерении причинить вред. И наоборот, когда спорящие выходят из себя и начинают кричать друг на друга и бросаться предметами, то есть ведут себя агрессивно, они необязательно намереваются физически причинить друг другу вред. У подобного спора и разбитого телевизора из песни Удо Линденберга есть нечто общее: их действующие лица теряют над собой контроль и волю избежать подобных последствий. С другой стороны, задуманное причинение вреда не всегда приводит к фактическому причинению вреда. Физическое нападение может оказаться безуспешным, как и агрессивное вербальное действие. Человек может остаться равнодушным к ругательству в свой адрес или отразить оскорбление, например, фразой «Меня это совсем не обижает». Следовательно, существует целый спектр действий и моделей поведения, которые интерпретируются как *агрессивные*, хотя ни вред, ни намерение его причинить не являются их обязательными условиями. Тем не менее, речь идет о *действиях и поведении человека, при которых возможные пагубные последствия для других или для него самого либо намеренно ожидаются, либо не принимаются им во внимание*. В своих дальнейших рассуждениях я буду отталкиваться от этого базового определения агрессии.

3.2. Агрессия как акт подавления

Действия или поведение людей, при которых не принимаются во внимание их возможные пагубные последствия, могут быть всего лишь необдуманно или безответственными, но не агрессивными, поэтому при их интерпретации невозможно обойтись без понятия интенции. То есть интенциональность необходимо дефинировать не через намерение причинить вред, а как-то иначе. Агрессивные действия и поведение как человека, так и животных

являются интенциональными в том смысле, что они направлены на некое *подавление* оппонента, физическое или ментальное «*овладение*» им. Так, агрессивные акты – это акты, при которых действующий субъект реализует собственную *власть* и *подавляет* своего оппонента, превращает его в объект реализации своей власти. Для агрессивного субъекта оппонент перестает быть равноправным субъектом коммуникации и превращается в объект воздействия. Как замечает Альберт Бандура, агрессия, «...в отличие от других форм социального поведения, которые теряют свою эффективность, если в них не участвуют другие, (...) совершенно не нуждается в заинтересованности и готовности широкой общественности принимать в ней участие для своего успешного результата» [Bandura 1979: 15. – Пер. с нем.]. Данное наблюдение можно обострить: готовность других не только не необходима, но и принципиально не желательна. Следовательно, агрессивное действие или поведение человека можно дефинировать как *акт подавления, при котором возможные пагубные последствия для других или для него самого либо намеренно ожидаются, либо не принимаются им во внимание.*

Данное понимание агрессии удовлетворяет как *враждебной* (*hostile* – англ.) или *генуинной* (*genuine* – англ.) агрессии, так и *инструментальной* агрессии, которые выделяют Леонард Берковитц [Berkowitz 1993: 11–12, 22] и Ханс-Йоахим Корнадт [Kornadt 1992]. Х.-Й. Корнадт называет *инструментальной* агрессией такую, которая способствует «достижению цели иного характера» или «отражает иной побочный эффект, но не конечную цель действия как таковую» [Kornadt 1992: 544. – Пер. с нем.]. В отличие от дефиниции Сеймура Фешбаха [Feshbachs 1964, 1981], данная «цель иного характера» не является бенефактивной. Инструментальная агрессия, направленная против других и стремящаяся овладеть другими, – не исключение. В этом смысле войны ведутся с целью захвата земель и ресурсов, расширения власти и накопления богатства, но не с прямой целью навредить другим. Нанесение ущерба и подавление других – это всего лишь досадные, но неизбежные побочные эффекты. Существование института рабства, как наиболее экстремальной формы подавления других, последовательно оправдывалось пользой от эксплуатации рабочей силы, но не необходимостью истязания людей. Если следовать подобной логике, то и с истязанием в конце концов можно смириться, ведь

это же не самоцель, а досадный, но неизбежный побочный эффект (иначе не достичь необходимых результатов труда). Но не следует забывать, что удовольствие от садизма – как форма генуинной агрессии – в свою очередь, часто сопрягается с инструментальной агрессией. Экономические, расистские и даже религиозные дискурсы, поднимающие вопрос оправдания рабства во всех его множественных формах, начиная с эксплуатации рабочей силы и заканчивая сексуальным порабощением, не в меньшей, а, возможно, даже в большей степени, чем оправдания войн, отличаются множественными пересечениями и взаимосвязями инструментальной и генуинной агрессии, что, в конце концов, сводится к тому, что в рабстве не только права человека, но и его тело оказывается в собственности и в полном распоряжении другого человека [Patterson 2017: 70; более подробно: Patterson 1982]. В главе 6.1. на примере романа Карла Чапека «Война с саламандрами» («*Válka s mloky*» – чеш.) я ещё раз вернусь к вопросу о полномочиях распоряжаться правами и телом другого существа и о взаимосвязи инструментальной и генуинной агрессии. В данный момент важно заметить, что институт рабства отчетливо показывает следующее: генуинная и инструментальная агрессии с точки зрения их мотивации являются разными формами агрессии, которые не только друг друга не исключают, но и часто выступают одновременно и обоюдно подкрепляют друг друга.

3.3. Причины и мотивации: теории агрессии

Как оценка интенциональности и последствий агрессии обуславливает различные её определения, так и приписывание причин и мотиваций агрессивным действиям расширяет рамки теорий агрессии (и насилия). Наиболее известны *теория влечения* Зигмунда Фрейда [Freud 1997 (1930), 2000 (1920)], *теория инстинктов* или *этологическая теория* Конрада Лоренца [Lorenz 1963], *теория фрустрации* Джона Долларда [Dollard et al. 1939] и *теория социального научения* Альберта Бандуры [Bandura 1973, 1979]. Существует немало обзоров данных теорий: Kempf 1979; Kempf/Hilke 1982; Kornadt 1981, 1992; Baron/Richardson 1992: 1–38; Rosenmayr 1995; Köhnken/Bliesener 2002; Kuße 2005a: 636–637; Щербинина 2015: 17–28.

Теории влечения и инстинктов с их строгой детерминистской ориентацией считаются сегодня в целом устаревшими, как и отчасти

психоаналитически ориентированная теория фрустрации, рассматривающая агрессию как реакцию на переживаемую фрустрацию, не бесспорна [об этом подробнее см.: Kempf/Hilke 1982: 522–523]. Но, в конечном счете, любая комплексная теория об агрессивных действиях и поведении перестает быть оптимальной, как только начинает претендовать на *абсолютную* универсальность, поскольку причины и мотивации агрессии могут быть совершенно разного характера. Агрессивное поведение действительно может иметь инстинктивный характер, в частности у некоторых видов, которые вынуждены действовать агрессивно ради своего выживания. Хищники вынуждены охотиться, а травоядные выставлять против них рога, чтобы защитить себя и своё стадо. В данном случае агрессия имеет первичную защитную функцию, которая свойственна не только животным, но и человеку [Rosenmaur 1995: 88–89]. Точно так же агрессия может быть реакцией на фрустрационные переживания. Это легко заметить, наблюдая за играющими детьми: проигрыш, как и отстранение от игры, часто приводит к агрессии. С возрастом дети учатся справляться с подобной фрустрацией, но то, что это удастся не всегда и не в полной мере, очень хорошо наблюдается у взрослых. Даже умение справляться с фрустрационными переживаниями не исключает агрессивного поведения. В социально высокоразвитых обществах агрессивное поведение и готовность к агрессии, с одной стороны, ослабляется и сокращается, но вместе с тем поощряется и даже идеализируется. Если в обществе агрессивное поведение приводит к успеху, а агрессия и ее атрибуты – престижны, то у каждого члена такого общества возрастает агрессивный потенциал и готовность действовать и мыслить агрессивно в любых обстоятельствах. Это наблюдение, что агрессивное поведение является также результатом воспитания в обществе, сделано в рамках теории социального научения. Альберт Бандура утверждает:

Menschen müssen nicht in Wut geraten oder emotional erregt werden, um sich aggressiv zu verhalten. Eine Kultur kann, auch wenn sie die Frustrationen auf einem niedrigen Niveau hält, hoch aggressive Menschen hervorbringen, indem aggressive Fertigkeiten hoch geschätzt werden, erfolgreiche aggressive Modelle dargeboten werden und ihnen die Gewähr dafür geboten wird, daß aggressive Verhaltensweisen sichere, lohnende Effekte haben [Bandura 1979: 77].

Людям необязательно находиться в состоянии ярости или крайнего возбуждения, чтобы поступать агрессивно. Культура, даже если она сдерживает фрустрацию на невысоком уровне, может порождать агрессивных людей, которые высоко ценят агрессивные навыки, у которых наблюдаются успешные агрессивные модели поведения и от которых требуются гарантии, что агрессивное поведение будет иметь надежный, рентабельный эффект [Bandura 1979: 77. – Пер. с нем.].

Существует множество примеров обществ, так называемых «Ellenbogengesellschaften» (досл. «общества локтя» – нем.), социальный порядок которых основан на эгоизме и постоянном «расталкивании друг друга локтями», в которых акцептируется инструментальная агрессия и историческая память которых пронизана восхищением и преклонением перед агрессивными политиками и военными, победоносными полководцами и захватчиками. Подобные модели могут актуализироваться в определенных обществах в определенный исторический период и коррелировать с их культурой [к примеру, об агрессии в эпоху мещанства см.: Gay 1994, 1996]. Страсть к оружию в развлекательной культуре, начиная вестернами пятидесятых годов и заканчивая «Звёздными войнами» и бессмертным Джеймсом Бондом, как и инсценирование огромных торжественных военных парадов в Пхеньяне, Пекине, Москве или в любой другой точке мира, – все это проявления социального культивирования агрессии.

К культивированию агрессии (пожалуй, данной человечеству эволюцией) как «ансамбля механизмов (...) самоутверждения и самореализации себя против другого» [Wahl 2009: 2. – Пер. с нем.] относится также общественное различие разрешённой и запрещённой, а значит, «хорошей» и «плохой» агрессии, а также разрешенного и запрещённого насилия (к примеру, насилия в боксе и насилия при преступном нападении), встроенных в систему общественных правил и иерархий (начиная средневековым правом дворян на ношение оружия и вплоть до государственного монопольного права на осуществление власти и насилия) [там же]. Следовательно, агрессия и насилие являются также нигде не зафиксированными культурными конструктами, поскольку, как утверждает Петер Гей, вид агрессивности, «...который акцептирует или отвергает, легализирует или запрещает определенная культура, зависит от исторического момента и обстоятельств, от предполагаемых рисков и преимуществ, от протестного и аккомодационного

потенциала общества» [Gay 1996: 10–11. – Пер. с нем.]. Иными словами, она зависит от многих, при том не всегда определяемых, переменных, не говоря уже о том, что в разных субкультурах одной культуры и одного общества в определенный период могут параллельно и часто одновременно актуализироваться разнообразные отношения к агрессивным действиям и поведению (от одобрения использования бранных слов до физического насилия).

Основополагающие инстинктивные и фрустрационные причины, как и мотивирование социальной успешностью и престижностью агрессивных действий и сопровождающих их атрибутов, позволяют широко дифференцировать возможные возбудители и мотивы агрессии: например, страх, ярость, нарциссическое самоутверждение, сексуальные потребности, удовольствие от проявления физической силы и т. д. Исследование их разнообразия, как считает Петер Гей, – это «мера предосторожности против догматизма и чрезмерного упрощения» в рамках теорий агрессии [Gay 1996: 661. – Пер. с нем.; ср. также: Gay 1994: 533; Stone 1971]. Кроме того, следует отдельно выделять агрессию из чувства мести или справедливости, а также агрессию в метафизических и идеологических контекстах. В этом смысле П. Гей говорит об «алиби в пользу агрессивных склонностей», которые в изобилии наблюдаются в XIX веке, но которые также можно обнаружить в других эпохах и в современности: это «[д]огматы веры, принципы и фразы, которые оправдывают потребности в вербальной и физической борьбе религиозными, политическими и, в лучшем случае, экономическими причинами» [Gay 1996: 12. – Пер. с нем.], и которые сами могут быть источниками и возбудителями агрессии [ср.: Wahl 2009: 157–161]. Так, определенные идеологии – национал-социализм, сталинизм, исламизм – не только способствуют окказиональным оправданиям агрессии, но и сами по себе являются агрессивными.

На основании вышеназванных причин и мотиваций можно классифицировать агрессию и выделить три её основных типа: генуинную, инструментальную и идеологически опосредованную.

Генуинная агрессия:

- как «инстинктивное» действие, вызванное страхом или отвращением, с целью защиты собственной жизни или выживания;
- как реакция на фрустрацию в порыве гнева, из чувства мести или стремления отстоять свои права;

- как желание проявить физическую силу, удовлетворить сексуальное влечение, совершить акт садизма.

Инструментальная агрессия:

- для достижения определенных целей;
- для собственного престижа.

Идеологически опосредованная агрессия

Объединение всех выше перечисленных и, возможно, других факторов в единую теорию неизбежно делает её междисциплинарной, как это видим в комплексной модели Клауса Валя, в которую интегрированы биотические, физические и социальные механизмы агрессии (Рис. 4). В центре модели К. Валя отображены нейрофизиологические процессы мозга, стимулируемые как восприятием опасности, провокации или фрустрации, так и социально опосредованными общественными, экономическими, политическими нормами и т. д.

Возбудители и мотивы агрессивного поведения или действия могут быть разнообразными, но не случайными. С одной стороны, и это отчетливо показывает модель К. Валя, агрессия всегда порождает саму себя. С другой стороны, мотивы агрессивных действий непосредственно взаимосвязаны с социальными и, в случае вербальной агрессии, коммуникативными контекстами. Так, в различных конфликтных ситуациях и дискурсивных контекстах, обуславливающих социальную динамику групп, институтов и т. д., особенно интенсивно активируются и вербализируются одни специфические причины и мотивации агрессии, в то время как другие могут отходить на задний план. Агрессия и её легитимация – это неотъемлемая составляющая дискурсивных процессов и, следовательно, может становиться темой анализов дискурсов [см.: Глава 6.1.]. В дискурсивных процессах агрессия выступает в роли предмета аргументации, но особенно интересно то, что в них же аргументация может принимать агрессивную форму – то есть наблюдается слияние агрессии и аргументации. Всё же аргументация является комплексным речевым действием, и слияние с агрессией может отражаться в отдельных её аспектах, о чём пойдет речь в следующих главах.

4. Аргументация

Аргументация начинается со *спорного вопроса (квещио)* между двумя или более актантами. Если участники коммуникации единогогласны в некотором вопросе, то в аргументации нет необходимости. Это звучит тривиально, но в конечном счёте означает, что спорностью как таковой можно манипулировать: можно предупредить её возникновение, безосновательно её подчеркивать, выявлять и даже провоцировать внезапным началом самой аргументации, что само по себе ставит наличие спорного вопроса в пресуппозицию. И наоборот, отрицание спорного вопроса купирует процесс аргументации, особенно в тех случаях, когда отрицание совершается с позиции власти. В этом смысле любой тоталитарной пропаганде, как и сегодняшним риторикам патриотизма в России и во многих других странах мира (с их универсальными коллективными обобщениями *мы, русский / российский народ, the American people* и т. д.) свойственно блокировать и извращать процессы аргументации [см.: Глава 6.3].

4.1. Схема аргументации

Ответ на *спорный вопрос (квещио)* содержится в *тезисе*, который подкрепляется или опровергается в процессе аргументации. Аргументация сама по себе является комплексным коммуникативным действием, состоящим – в отличие от простого речевого акта – как минимум из трех действий, хотя не все из них могут эксплицитно реализовываться в реальной коммуникации. В целом аргументация должна включать *конклюзию, аргумент и правило умозаключения*, позволяющее совершить путь от аргумента к конклюзии [Kienpointner 1992; Kuße 1998: 335-341, 93-97; Kuße 2012: 93-97; Kuße 2018 с–d; Thielemann 2010: 170-197; Hitchcock 2017: 81-95; Куссе 2016: 97-98]. Базовую схему аргументации я представляю следующим образом (Рис. 5).

Обычно правило умозаключения не эксплицируется в коммуникации, а находится в пресуппозиции высказывания [Öhlschläger 1979]. При этом в особых случаях говорящий может выражать его эксплицитно, подкрепляя им всю систему своей аргументации, и даже превращать его в *квещио* [Klein 1987: 218–219; Kienpointner

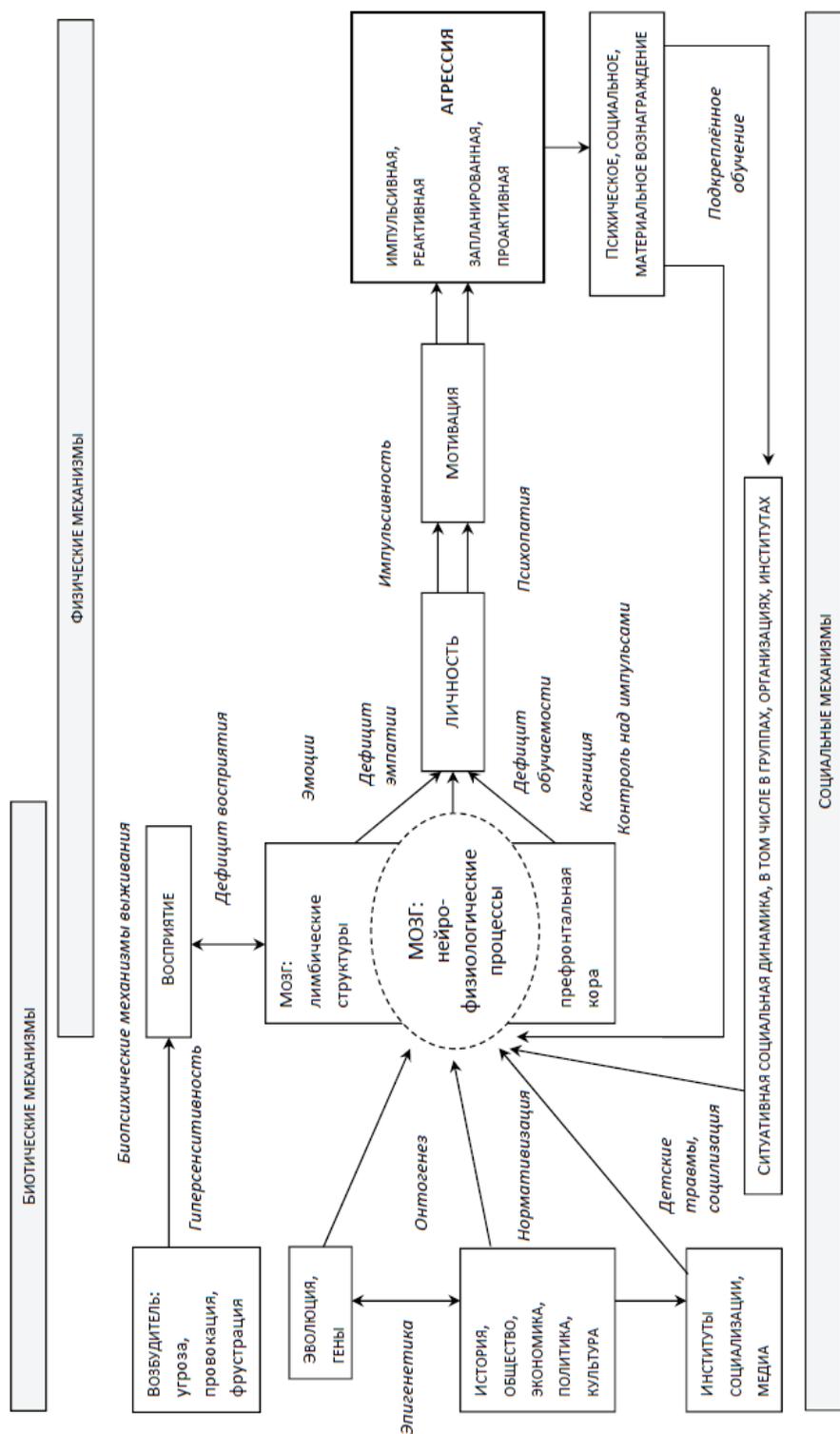

Рис. 4. Модель биосоциальных механизмов агрессии Клауса Валя [Wahl 2009: 172. – Пер. с нем.]

Рис. 5: Схема аргументации [Куве 2012: 94; Куссе 2016: 98]

1992; Куве 1998: 319-341; Куве 2012: 93-97; Thielemann 2010: 170-197; Куссе 2016: 97-101]. Наличие действенного правила умозаклюения очень важно, поскольку гарантирует, что другим участникам коммуникации придётся акцептировать услышанную аргументацию, а если бы они поставили правило умозаклюения под сомнение или признали бы неудовлетворительным, то это разрушило бы всю аргументацию говорящего. Аргумента же это не касается. Его непризнание другими участниками коммуникации привело бы к опровержению тезиса, но не поставило бы под сомнение сам процесс аргументации. Наличие правила умозаклюения – это общепринятая предпосылка любой успешной, удавшейся аргументации. Если кто-то в пользу спорного вопроса (квещио) «Следует ли завтра идти в поход?» приводит аргумент «Завтра будет хорошая погода», то он предполагает, что все участники коммуникации акцептируют правило умозаклюения «В поход стоит идти только при хорошей погоде». Во время своей знаменитой речи, произнесённой 18 марта 2014 года по поводу Крыма и результатов референдума 16 марта того же года, Владимир Путин вспоминает два события из истории полуострова – крещение Владимира Великого в Херсонесе и завоевание Крыма в 1783 году, чтобы объяснить значение Крыма для истории и идентичности России:

В Крыму буквально всё пронизано нашей общей историей и гордостью. Здесь древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг – обращение к православию – предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы

России, Украины и Белоруссии. В Крыму – могилы русских солдат, мужеством которых Крым в 1783 году был взят под Российскую державу. Крым – это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и Родина русского черноморского военного флота. Крым – это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. Каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести [Путин 2014а].

Чтобы данные аргументы послужили оправданию аннексии Крыма, необходимо акцептировать не только их, но и правило умозаклюения, состоящее в данном случае в том, что события раннего Средневековья и колониальная история Российской империи способны легитимировать современные правовые притязания и политические действия [ср. также: Guttke 2015]. Данное правило умозаклюения, на которое опирается риторика исторической аргументации, не было поставлено под сомнение большей частью аудитории. То же касается и советской истории, которая равным образом использовалась как аргумент в пользу оправдания аннексии Крыма и присоединения к Российской Федерации. С этой точки зрения, аннексия Крыма представляется разрешением исторической несправедливости и преодолением советского тоталитаризма – а значит, она уже оправдана. Речь идёт о передаче Крыма в состав Украинской Советской Социалистической Республики в 1954 году. И в данном контексте, на одном дыхании, Владимир Путин ставит под сомнение правомерность нахождения и других областей в составе Украины, переплетая аргумент исторической несправедливости с аргументом этничности (подразумевая, что территория государства должна совпадать с границами этнических поселений):

После революции большевики по разным соображениям, пусть Бог им будет судья, включили в состав Украинской союзной республики значительные территории исторического юга России. Это было сделано без учёта национального состава жителей, и сегодня это современный юго-восток Украины. А в 1954 году последовало решение о передаче в её состав и Крымской области, заодно передали и Севастополь, хотя он был тогда союзного подчинения. Инициатором был лично глава Коммунистической партии Советского Союза Хрущёв.

Что им двигало – стремление заручиться поддержкой украинской номенклатуры или загладить свою вину за организацию массовых репрессий на Украине в 30-е годы – пусть с этим разбираются историки.

Для нас важно другое: это решение было принято с очевидными нарушениями действовавших даже тогда конституционных норм. Вопрос решили кулуарно, междусобойчиком. Естественно, что в условиях тоталитарного государства у жителей Крыма и Севастополя ни о чём не спрашивали [Путин 2014а].

В данной исторической аргументации, оперирующей аргументами исторической несправедливости и принятия неправосудного решения в прошлом, примечательно то, что возможный равносильный исторический контраргумент, заключающийся в том, что некие исторические решения, в свою очередь, могли пересматривать и компенсировать другие несправедливости ещё более раннего прошлого, считается если не ложным, то, как минимум, нерелевантным. Голодомор здесь совсем не упоминается, а вина за исторические несправедливости, если они всё-таки были, преподносится как личное дело Никиты Хрущёва (например, его участие в репрессиях). Да и это, в конце концов, оказывается неважным: «пусть с этим разбираются историки», — небрежно добавляет В. Путин. В ходе исторической аргументации релевантность тех исторических аргументов, которые работают не на пользу аргументирующего, а на его оппонента и его контраргументацию, будет отрицаться. Таким путем достигается монополия на толкование исторических событий.

Отдельного внимания заслуживает использование предлога *на* в конструкции «на Украине» вместо «в Украине», что в контексте подобного токования исторических событий ставит под сомнение не только территориальные границы, но и государственность Украины в целом. Предлог *на* коррелирует с концептом пространство. Таким образом, он указывает на некую территорию – земную или водную поверхность: *на поле, на море*. Предлог *в*, напротив, коррелирует с концептом вместительности и именно поэтому используется при упоминании территорий государств: *в России, в Германии* и т. д.

Аргументация тогда считается успешной, когда конклюдия эквивалентна тезису (\equiv). Однако в повседневной коммуникации, да и во многих других, например, политических, контекстах, они не всегда совпадают. Причина может заключаться в том, что аргу-

менты слабы и способны обосновать тезис лишь отчасти, или же правило умозаключения не позволяет аргументам его обосновать. Допустим, что кто-то в ответ на спорный вопрос (квесцио) «*Следует ли завтра идти в поход?*» выдвигает тезис «*Мы должны идти в поход*», то в таком случае аргумент «*Завтра будет хорошая погода*» совершенно неудовлетворителен. Конклюдия, вытекающая из данного аргумента, не станет эквивалентной тезису, поскольку хорошая погода не обосновывает *необходимость* (или *долженствование*) идти в поход. В повседневной неформальной коммуникации подобные отклонения в аргументации допустимы. Несмотря на них, аргументация может быть всё же убедительной. Но в рамках крымской речи В. Путина исторические аргументы не дают достаточного основания тому, что Крым *должен* принадлежать России (более того, в самой речи подобный тезис эксплицитно не формулируется), но данные аргументы могут и должны были бы приводить к соответствующему умозаключению.

Вывод о том, что используемые в большинстве коммуникативных обстоятельств аргументации приводят не к обязательным, а лишь к возможным умозаключениям, но при этом все же являются удовлетворительными и достаточными для данных коммуникативных обстоятельств, был сделан уже в XX веке в рамках неформальной логики и новой риторики, когда в 1958 году одновременно вышли две, в последствии классические, книги: «*The uses of argument*» («Способы использования аргументов» – с англ.) Стивена Тулмина и «*La nouvelle rhétorique: Traité de l'argumentation*» («Новая риторика: Трактат по аргументации» – с фр.) Хаима Перельмана и Люси Ольбрехт-Тытеки [Perelman / Olbrechts-Tyteca 1958]. Данные работы возродили концепцию аргументации, разработанную в аристотелевских риторике и топике в рамках изучения *энтимемы* [Куве 1998: 325-327; Jost 2007: 124-134]. Риторическая аргументация не стремится к построению правильного силлогизма, а представляет собой особую форму умозаключения, посылки которого, в отличие от логической дедукции, не обязательны, а лишь вероятностны и, в отличие от индукции, не должны быть полными и законченными. Правила умозаключения, которые в дедуктивном силлогизме «Все люди смертны. Все греки – люди. Следовательно, все греки смертны» выступают в роли первой посылки [см.: Глава 4.2.], в энтимемах составляют топосы, представляющие собой вероятностные суждения, но не обязательные истины: к примеру, «Все греки гово-

рят на греческом». Самый известный пример С. Тулмина – «Гарри родился на Бермудах. Следовательно, Гарри британский поданный» [Toulmin 2003 [1958]: 97. – Пер. с англ.] – является энтимемой, поскольку обоснование тезиса (claim) «Гарри британский поданный» посредством аргумента (data) «Гарри родился на Бермудах» не универсально, а зависит от правовых предпосылок, которые, тем не менее, не являются достаточным обоснованием.

Это показывает С. Тулмин, оговаривая возможные исключаящие условия (к примеру, оба родителя Гарри были американцами, Гарри эмигрировал в США и т. д.), при которых умозаключение было бы недействительным. Следовательно, правило умозаключения (*warrant*), выстраивающее аргументацию «Человек, рожденный на Бермудах, как правило, является британским поданным», является топосом, который позволяет совершить только вероятностные, но не обязательные умозаключения, и который нуждается в дополнительном обосновании самого себя. Эти дополнительные обоснования (в данном примере – правовую систему 50-х годов XX века) С. Тулмин называет *backing*.

В аргументации, выполненной как в форме антимеры, так и по описанной выше схеме, не обязательно должны эксплицироваться все составные элементы, чтобы она казалась убедительной. Это касается не только правила умозаключения, которое обычно находится в пресуппозиции. Тезисы и конклюдзии также часто остаются имплицитными. Во многих случаях оказывается достаточным сформулировать лишь единственный аргумент, чтобы вместе с ним одновременно выразить и тезис, и конклюдзию. Это легко продемонстрировать, поместив пример С. Тулмина в практический контекст. Представим, что Гарри живет в США и хочет совершить поездку в Великобританию. В данном случае возможный вопрос (и, соответственно, квестию) заключается в том, нужна ли ему виза. При условии, что все участники коммуникации обладают необходимыми фоновыми знаниями, было бы достаточным узнать место рождения Гарри, чтобы ответить на вопрос отрицательно и сформулировать тезис «Гарри не нужна виза». Тому есть два основания: место рождения Гарри является аргументом для конклюдзии «Гарри является британским поданным», а этот статус – аргументом для конклюдзии «Гарри не нужна виза для поездки в Великобританию».

Развитие идей и положений, сформулированных в новой риторике Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки и неформальной логике

С. Тулмина, происходило в их последующих рецепциях и исследованиях в рамках теории аргументации: вслед за С. Тулмином развивалось дальнейшее представление аргументативных структур в схемах умозаключений [напр.: Öhlschläger 1979; W. Klein 1980; Freeman 1991; Walton 1996a–b; Walton/Reed/Macango 2008], а концепция Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки положила риторические топосы в основу типологии правил умозаключения [срав.: Bornscheuer 1976; Kienpointner 1992]. Данные подходы являются комплементарными, поскольку конкретные правила умозаключения являются реализациями типов умозаключения, которые, в свою очередь, обозначаются топосами [см.: Kienpointner 1992; Kuße 1998; см.: Глава 5.4.]. Так, в примере С. Тулмина и в заключении о том, что греческое происхождение говорит о владении человека греческим языком, следует говорить о топосах территории и происхождения.

Топика не всегда оказывается настолько безобидной, как в приведенных примерах. В русле стереотипизации она предлагает целый арсенал расистских, шовинистских и других агрессивных правил умозаключений, свойственных любым формам риторики ненависти. Но и прагматическая толерантность, разрешающая ограничиваться в повседневной коммуникации недостаточными аргументами и не необходимыми, а лишь возможными правилами умозаключениями, также играет важную роль для понимания агрессивной аргументации. Повседневная аргументация состоит из речевых актов, которые призваны сделать тезис плаузибельным, а акцептирование стратегии плаузибельности [об этом см.: Guttko 2010b: 336; Hoffmann 1998: 73–74; Ortak 2004] можно использовать, чтобы придать акцептабельный вид определенным суждениям: реципиенты же знают, что аргументы никогда полностью не подкрепляют тезис, так почему же тогда не привести «необычные» аргументы и не использовать «политически не совсем корректные» правила умозаключения... Данный принцип действия относится к ключевым риторическим приемам демагогической агитации.

Аргументы и правила умозаключения не всегда остаются в тени тезиса. Бывает даже, что они приводят к дальнейшим, выходящим за пределы тезиса последствиям. В научном дискурсе это проявляется в прогрессе познания, следующим за тезисом [Kuße 2004: 389–392]. В пропаганде и демагогии также манипулируют посредством выходящих за пределы тезиса конклюдзий: таким путём одно

реальное или даже сфальсифицированное событие превращается в аргумент в пользу «мирового тайного заговора», «раскрытию» которого препятствуют «враги народа» [ср. анализ Х. Арендт: Arendt 1985: 57-59].

4.2. Связанные аргументации

Базовая схема аргументации (Рис. 5) отражает обоснование одной конклюдии с помощью одного аргумента на основании одного правила умозаключения. Однако в реальных коммуникативных обстоятельствах могут наблюдаться комбинированные аргументации, при которых несколько аргументов приводятся в поддержку одной конклюдии, одновременно применяются несколько правил умозаключения или несколько конклюдий обосновываются посредством единственного аргумента.

В случае, если несколько аргументов приводятся в пользу одной конклюдии, они могут быть или равнозначными и обосновывать конклюдии независимо друг от друга, или же аддитивно дополнять друг друга и обосновывать конклюдии только лишь во взаимодействии. В этом смысле можно выделить *конвергентные (convergent)* и *связанные (linked)* аргументации [Freeman 1991; Walton 1996a–b; Kuße 2004: 367-379; Walton/Reed/Macagno 2008: 16, 23]. Графически их можно представить в виде двух стрелок, нацеленных на одну конклюдии, но в первом случае (Рис. 6) первая и вторая посылки взаимосвязаны и обосновывают конклюдии благодаря их единению (связанные аргументы), а во втором случае (Рис 7.) аргументы являются равнозначными и аддитивно обосновывают одну конклюдии (конвергентные аргументы).

Обычно в случаях связанной аргументации правило умозаключения, обеспечивающее путь от аргумента к конклюдии, эксплицируется как аргумент. Подобные аргументации представляют собой классические силлогизмы, как в цитируемом выше примере «Все люди смертны. Все греки – люди. Следовательно, все греки смертны» [см.: Глава 4.1.]. В данном примере первая посылка – не что иное, как редуцированное правило умозаключения «Если все люди смертны, то и все греки смертны». Данную аргументацию можно отобразить схематически (Рис. 8).

Конвергентные аргументы могут образовывать аргументационные аккумуляции, объём которых можно приумножить или реду-

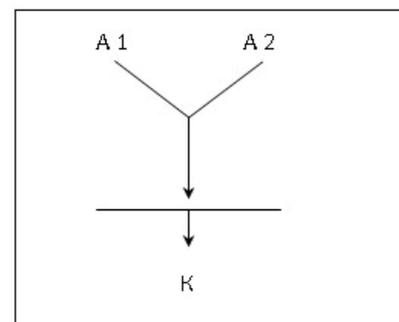

Рис. 6: Связанные аргументы

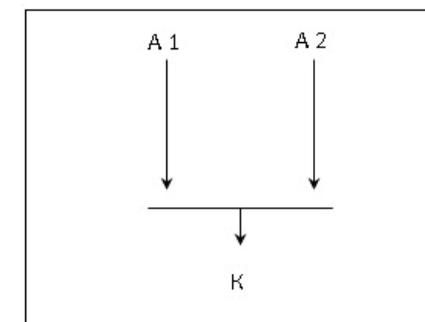

Рис. 7: Конвергентные аргументы

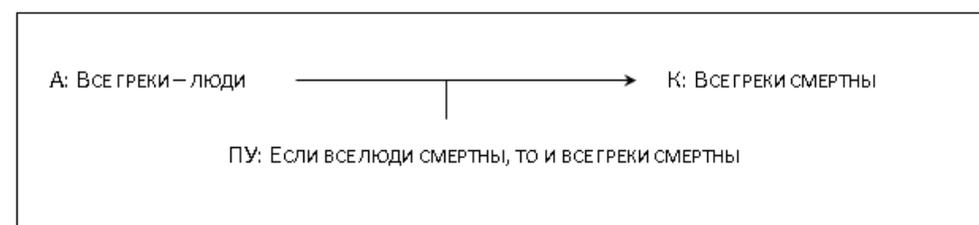

Рис. 8: Визуализация силлогизма с помощью схемы аргументации

цировать, но которые представляются убедительными именно благодаря своему количеству. Это наиболее отчетливо проявляется в сфере рекламы и маркетинга, где в пользу одного продукта или услуги приводятся многочисленные признаки качества и этические преимущества: *экологичность, скорость, доступная цена или традиции, имидж, современность* и т. д. По такому принципу формулируется большинство рекламных слоганов: «Идеальный баланс между производительностью и эффективностью, спортивностью и комфортом, интеллектом и эмоциями. А4» (Audi).

Не менее распространены конвергентные аргументы в политической риторике. «Разорившиеся матери», «обнищавшие студенты», «разрушенные города» и т. д. в инаугурационной речи Дональда Трампа являются конвергентными аргументами, обосновывающие его тезис о бесхозяйственности предыдущего правительства и оправдывающие радикальный политический поворот. Крещение Владимира Великого, завоевание Крыма в 1783 году и спорное изменение границ в 1954 году также являются конвергентными аргументами в пользу тезиса о принадлежности Крыма России, прозвучавшего в речи Владимира Путина 18 марта 2014 года.

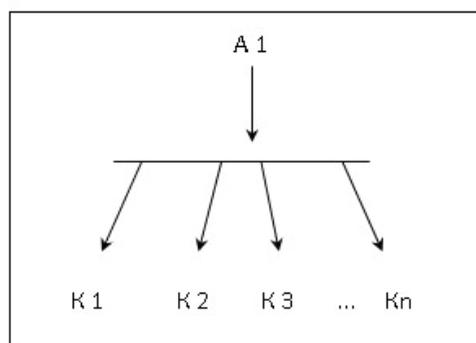

Рис. 9: Аргументация с
гармонизирующими дивергентными
конклюдиями

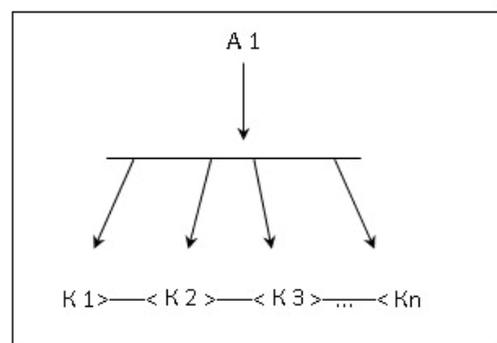

Рис. 10: Аргументация с
противоречивыми дивергентными
конклюдиями

Следующую форму аргументации представляют собой случаи, при которых несколько дивергентных конклюдий обосновываются посредством одного аргумента. Данные конклюдии могут противоречить друг другу, быть диаметрально противоположными, контрастными и поэтому иметь конфликтный потенциал. Это наблюдается в ссорах и спорах, контрагенты которых оперируют одним и тем же аргументом для выведения оппозиционных тезисов. В таких случаях структура коммуникации выглядит следующим образом: – «Ты сказал А, но из этого же следует В»; – «Нет, из этого следует С». В то же время дивергентные конклюдии могут гармонизировать друг с другом. Так, в маркетинге известные слоганы или названия марок функционируют как аргументы в пользу качества всех отдельных продуктов. К примеру, имя глобальной компании «Nestle» уже изначально воспринимается как гарантия высокого качества любого продукта. Поэтому несложно вспомнить телевизионные рекламные ролики детского питания «NAN», кофе «Nescafe», кукурузных хлопьев «Fitness» и т. д., финальным кадром которых является изображение логотипа компании «Nestle» как финального аргумента в пользу покупки.

Конвергентная аргументация тогда является допустимой с точки зрения приемлемости аргументов и правил умозаключения, когда её аргументы не противоречат друг другу и не приводят к противоположным конклюдиям. Аналогично допустимы аргументации с дивергентными конклюдиями, если данные конклюдии не противоречат друг другу. В иных случаях следует говорить о ложных аргументациях или о про- и контра-аргументациях, приводи-

мых несколькими диспутантами или одним актантом (последнее свойственно, к примеру, научным статьям, авторы которых представляют несколько различных мнений, аргументов и противоречивых конклюдий, прежде чем прийти к собственной конклюдии). В случае противоречивых аргументов или конклюдий всегда требуются повышенные аргументативные усилия для обеспечения гармоничной коммуникации.

В коммуникативной практике часто требуется гармонизировать или иерархизировать аргументы, которые сами по себе могут иметь существенные различия и представлять различные типы аргументации. Основопологающим является предложенное Максом Вебером различие ценностно-ориентированных и целеориентированных действий, применимое к экономике и обществу [Weber 2002; ср.: Кузе 2012: 89; Куссе 2016, 92–93]. Макс Вебер выделяет четыре основания принятия решений и осуществления действий: аффекты (эмоции), традиции (привычки), ценности и цели. В затруднительных ситуациях различные ценности, а также ценности и цели могут вступать в конфликт. Например, во времена существования в Германии военной обязанности призывник мог подвергнуться так называемому тесту на проверку совести (Gewissensprüfung – нем.), чтобы в результате быть признанным лицом, отказывающимся выполнять воинскую обязанность (Wehrdienstverweigerer – нем.). В рамках данного теста проверялось, действительно ли призывник из искренней убеждённости отвергает убийство человека или только хочет произвести такое впечатление. Считается, что типичный вопрос из подобного теста формулировался следующим образом: «Если пилот на бомбардировщике пролетает над городом, чтобы его полностью уничтожить, а у Вас есть возможность его застрелить, то что Вы сделаете?». Категорическая ценностно-ориентированная аргументация, в которой высшей ценностью признаётся неприкосновенность человеческой жизни и выведенная из нее норма «не убивай», заставит человека отказаться от убийства пилота. Так проявилась бы идейная позиция радикального пацифиста. Противоположная позиция заключается в том, что в подобных экстремальных ситуациях, в которых (что, скорее, бывает редко) отсутствует третий вариант, цель – спасение всего города – действительно оправдывает средства, и вопрос о ценности человеческой жизни подниматься не будет. Третья позиция состояла бы в том, что забота о людях и их

защита является ценностью, причём большей ценностью, чем ценность принципа ненасилия. Так проявилась бы милитаристская позиция.

Существует также масса примеров из мирной повседневной жизни. Для многих людей актуальны конфликты между профессиональной и семейной жизнью, или между карьерой и здоровьем. Карьерный рост обычно связан с большим доходом, но вместе с тем требует большего времени. Если на первое место выдвигается цель больше зарабатывать или иметь больше влияния в фирме, то ценность семьи уходит на второй план. В то же время деньги и карьера сами по себе могут быть ценностями, то есть интринсически оцениваться положительно, и, следовательно, вступать в конфликт с другими ценностями, такими как семья и здоровье, а также с поведенческими ценностями, такими как честность, справедливость и т. д. В ходе дискуссий о принятии правильных решений и правильных действиях подобные цели и ценности могут ложиться в основу возможных контраргументов. Представим, что в следующей схеме позиция аргумента А1 соответствует цели «иметь больше денег», а позиция аргумента А2 коррелирует с ценностью семья или ценностью честность (если речь идёт о не слишком добросовестной сделке). Конклюзией, следующей из аргумента А1, будет решение продолжать карьеру или заключить недобросовестную сделку. Контр-конклюзией, следующей из аргумента А2, будет решение отказаться от карьеры или сделки.

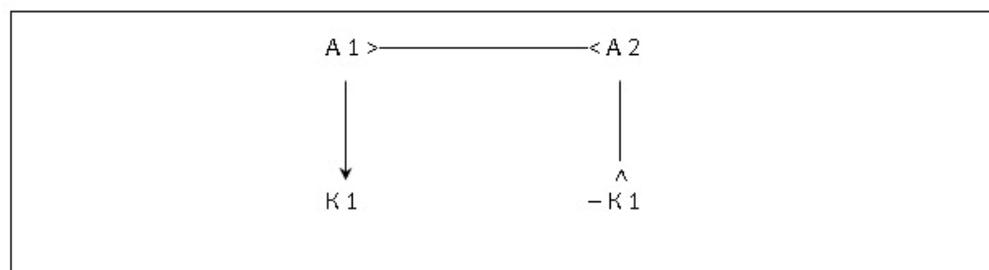

Рис. 11: Про- и контраргументации

В случае антагонистических аргументов, приводящих к противоположным конклюдиям и, следовательно, формирующих про- и контраргументации, требуется дополнительное обоснование, чтобы их либо гармонизировать и обратить в конвергентные аргументы, либо иерархизировать и в рамках аргументации отдать предпочте-

ние той или иной ценности. Иными словами, чтобы успешно аргументировать, что принятое решение или совершённое действие одновременно пойдёт на пользу и карьере, и здоровью, и семье, следует для начала аргументировать, почему данные аргументы не противоречат друг другу.

В ходе аргументации актанты могут упускать из виду или осознанно игнорировать непосредственные взаимосвязи между аргументами и конклюдиями. Так, если у говорящего нет подходящих посылок или его вывод неубедителен (например, когда в посылке нет универсального квантификатора), то в связанных аргументациях он может случайно или умышленно с манипулятивными намерениями совершать ложные умозаключения. В случае конвергентных аргументов и дивергентных конклюдий он может упустить из виду или манипулятивно внушить реципиенту, что между данными аргументами или конклюдиями нет конфликтности и противоречия. Всё же внушение аргументативной гармонии не всегда очевидно, поскольку помимо гармоничной существует также конфликтная конвергентность. В подобных случаях аргументы или конклюдии могут эксплицироваться одновременно (как, например, упомянутые выше ценности здоровье, семья и карьера в позиции аргументации), если их соответствующая окказиональная конвергентность доказуема в контексте аргументации. От них следует отличать такие аргументации, в которых аргументы настолько противоречат друг другу, что они в любом случае приводят к противоположным конклюдиям, то есть выстраивают про- и контраргументацию.

Признаком уговаривающей аргументации является стремление гармонизировать противоречивые аргументы или конклюдии, не прибегая к обоснованиям, или преподнести противоречивые аргументы, выстраивающие про- и контраргументации, как конвергентные. Подобная стратегия часто используется в экономическом дискурсе, где маркетинг оперирует такими ценностями, как ответственность, устойчивое развитие, низкие цены, эффективность рабочей силы, скорость и т. д., в качестве равноценных признаков качества товара и его эффективной производительности, не обращая внимания на существующую между ними конфликтность. Также она встречается в других коммуникативных контекстах. Одним из подобных примеров из новейшей истории политической риторики в России является выступление Владимира Путина под названием «Россия на рубеже тысячелетий» [Путин 1999], в кото-

ром он представляет свою программу развития России на следующие, как мы теперь знаем, десятилетия и использует аргументацию с конвергентными конклюдиями, находящимися в конфликте по отношению друг к другу [Куве 2002: 148–159]. В его аргументации превалирует ценностная ориентация, и он выстраивает ценностную парадигму, в соответствии с которой будет осуществляться государственная политика в будущем. Аргументом в пользу подобного инстанцирования ценностей [Куве 2007а; Куве 2012: 142–144; Куссе 2016: 151–153] было то, что между морально и этически обусловленной ценностной ориентацией с одной стороны и экономически обусловленной целевой ориентацией с другой стороны не только не существует противоречий, но, более того, новая переориентация на ценности является ключевой предпосылкой экономической консолидации в государстве. Это эксплицируется в одном из ключевых тезисов выступления:

Убежден, что *достижение необходимой динамики роста – проблема не только экономическая*. Это проблема также политическая и, не побоюсь этого слова, в определенном смысле *идеологическая*. Точнее, идейная, духовная, нравственная. Причем последний аспект на современном этапе мне представляется особенно значимым с точки зрения консолидации российского общества [Путин 1999].

В данном фрагменте идеология косвенно оценивается как идейная, духовная и нравственная, а также формулируется тезис о взаимосвязи ценностной ориентации общества и его экономического процветания. В этой цитате В. Путин уравнивает экономическую целевую ориентацию с ценностной ориентацией, которая на самом деле может противоречить экономическим целям. Тезис В. Путина о том, что ценностная ориентация не только не вредит целевой ориентации, но даже играет в её пользу, приводит все аргументы в гармонию. Это пример аргументации с *ценностно-целевой ориентацией*, суть которой состоит в том, что актанты соблюдают, укрепляют и усиливают ценности и нормы, чтобы достичь определённых целей [Куве 2007b]. В ходе выступления В. Путина тезис о пользе идеологии для экономики не обосновывается (но это и не ожидается от политической речи). Вместо этого выстраивается парадигма ценностей, которые в будущем должны определять политический курс и общественный климат в стране. За этим не только скрывается

эксплицированный тезис, что все данные ценности способствуют экономическому процветанию, но и имплицитное понимание того, что они друг другу не противоречат. Ценности могут успешно преподноситься как конвергентные и гармонирующие друг с другом аргументы, поскольку они сами по себе не нуждаются в обосновании. Они являются интринсически положительными. Тем не менее, их релевантность можно дифференцировать, то есть выделить наиболее важные и даже наивысшие ценности и наименее важные ценности. Причём данная ценностная иерархия часто оказывается более значимой для принятия решений и действий, чем просто абстрактное признание ценностей.

Подобная дифференциация и иерархизация ценностей составляют идеологическое ядро программного выступления В. Путина на рубеже тысячелетий, в котором уже заранее предвещаются программа целенаправленного сокращения демократии, построение *de facto* однопартийного государства, установление единоличной диктатуры и переход к государственному капитализму. Для выстраивания необходимой ценностной иерархии ценности, изначально подаваемые как гармонично конвергентные, классифицируются как *общечеловеческие* и *наднациональные*, с одной стороны, и как *исконно российские* ценности, с другой стороны. К первым в рамках программного выступления относятся *свобода слова, свобода выезда за границу и другие политические права и свободы*:

(...) начался процесс усвоения, принятия нашим народом *наднациональных, общечеловеческих ценностей*, возвышающихся над социальными, групповыми, этническими интересами. Люди приняли такие ценности, как свобода слова, выезда за границу, другие основные политические права и свободы личности. Люди дорожат тем, что могут иметь собственность, заниматься предпринимательством, создавать состояние. И этот перечень можно продолжить [там же].

В качестве исконно российских ценностей называются *патриотизм, державность, государственничество и социальная солидарность*:

Другая опорная точка консолидации российского общества – то, что можно назвать *исконными, традиционными ценностями россиян*. Сегодня эти ценности видятся вполне отчетливо.

Патриотизм: (...) чувство гордости своим Отечеством, его историей и свершениями ...

Державность: Россия была и будет оставаться великой страной.

Государственничество: Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции. (...) Крепкое государство для россиянина не аномалия, не нечто такое, с чем следует бороться (...)

Социальная солидарность: Это факт, что в России тяготение к коллективным формам жизнедеятельности всегда доминировало над индивидуализмом [там же].

Ценности, провозглашённые в качестве исконных Владимиром Путиным, который в будущем будет занимать пост президента России не меньше двух десятилетий, очевидно являются не чем иным, как сосредоточением национального эгоизма, который легитимировал и продолжает легитимировать диктатуры во всем мире. Несколько десятилетий назад их можно было отнести к «исконно» немецким ценностям, а сегодня – к китайским или северокорейским.

В контексте целе-ценностной ориентации всё же представляется, что общечеловеческие и исконно российские ценности могли бы сосуществовать дивергентно и не вступать в конфликтное противостояние. Положительная аксиологическая значимость каждой ценности обосновывается экономической целью. То есть хоть ценность сама по себе является благом, её ценность увеличивается вместе с её способностью служить экономическим целям. Схематически это можно отобразить, поставив цель (служение экономическому росту) в позицию аргумента, а ценности – в позицию дивергентных, но гармонирующих конклюдий. В результате образовывается модель обоснования оценивания посредством одного аргумента (см. Рис. 12).

Но смысл речи состоит не только в аккумулятивном перечислении данных ценностей. Возможные конфликты между такими ценностями, как правовой порядок и державность, собственность и социальная солидарность, свобода слова и патриотизм, права и свободы личности и традиционные ценности, должны преодолеваются путём гармонизации. Эта гармонизация, в свою очередь, должна способствовать синтезу универсальных и так называемых российских ценностей. Однако синтез невозможен из-за их нерав-

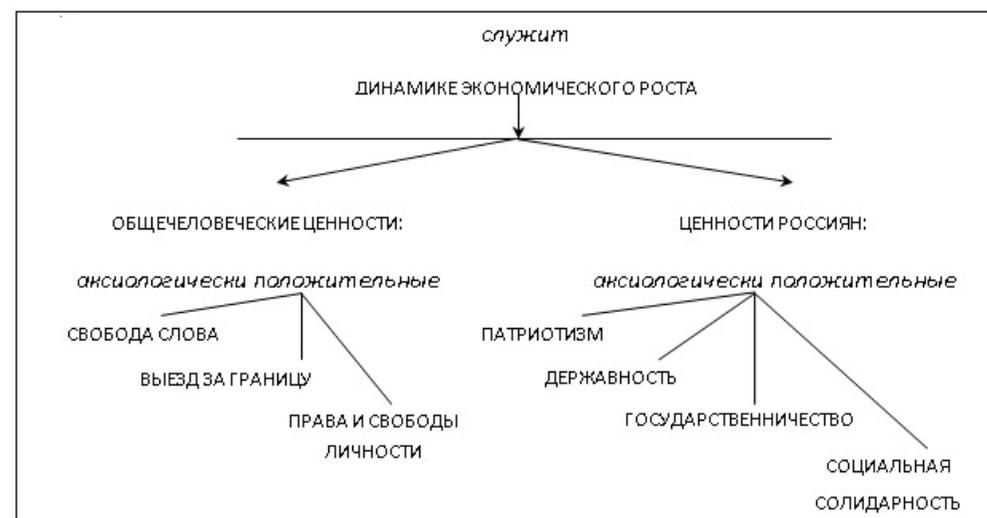

Рис. 12: Схема дивергентности в выступлении В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий»

нозначности. Уже беглый взгляд на общечеловеческие ценности показывает, что сегодня они являются, скорее, предметом роскоши, чем чем-то необходимым и необсуждаемым. Когда говорится, что люди «приняли» свободу слова, свободу выезда за границу и свободы личности, что они «дорожат» тем, что имеют собственность, – это не звучит так, словно речь идёт о наивысших ценностях, безусловная защита которых по умолчанию является задачей государства и ответственностью правительства. Фактически Владимир Путин недвусмысленно ставит так называемые российские ценности выше общечеловеческих ценностей, и якобы демократически обосновывает такую иерархию мнением большинства. По его убеждённости, решающим является то, что большинство находит желаемым и привлекательным.

Я против восстановления в России государственной, официальной идеологии в любой форме. В демократической России не должно быть принудительного гражданского согласия. Любое общественное согласие здесь может быть только добровольным. Но именно поэтому так важно его достижение по таким коренным вопросам, как цели, ценности, рубежи развития, которые желательны и привлекательны для подавляющего большинства россиян [Путин 1999].

Самое важное послание скрывается в том, о чём умалчивается. Подавляющее большинство уже в советском новоязе играло роль распространенного «убийственного» аргумента, с помощью которого категорически отвергалась возможность открытых дебатов. Тому есть множество экстремальных примеров, подобных речи вождя Советского Союза на XV съезде Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) в декабре 1927 года, которую сегодняшние неосталинисты используют как аргумент в пользу так называемого свободолюбия и «истинного» стремления к демократии их вождя [к примеру: <http://red-sovet.su/post/16089/weakling-stalin> – Доступ: 11.04.2016].

Болтают о демократии. Но что такое демократия в партии? Демократия для кого? Если под демократией понимают свободу для пары-другой оторванных от революции интеллигентов болтать без конца, иметь свой печатный орган и т. д., то такой «демократии» нам не нужно, ибо она есть демократия для ничтожного меньшинства, ломающего волю громадного большинства. Если же под демократией понимается свобода для партийных масс решать вопросы нашего строительства, подъём активности партийных масс, втягивание их в дело руководства партией, развитие в них чувства хозяина в партии, то такая демократия у нас есть, она нам нужна, и мы её будем развивать неуклонно, несмотря ни на что [Сталин 1950: 327].

В этой цитате понятие демократии в корне извращается, и вместе с тем отрицаются ключевые демократические ценности: свободное выражение мнения и дискуссия. Группа врагов здесь остается неопределённой, и в целом не совсем ясно, что именно оценивается положительно, то есть что подразумевается под «свободой для партийных масс решать вопросы нашего строительства» и т. д. При этом противопоставление ничтожного меньшинства и громадного большинства не оставляет сомнений в том, что меньшинство не должно иметь никакого права на самовыражение и, более того, должно опасаться наихудшего, ведь в корне слова *ничтожное* имплицитно устанавливается установка на *уничтожение*, что в исторической перспективе представляется предупреждением о последующих ужасах.

Путинская Россия не является новым вариантом сталинизма. Но в проанализированном выступлении Владимира Путина на рубеже тысячелетий открытое общество тоже не представляет собой

ценность. Он не рассматривает саму возможность того, что люди могут иметь различные ценностные иерархии, а ценности – быть предметами дискурсивного обсуждения. С одной стороны, он эксплицитно не исключает такую возможность. Но с другой стороны, в его речи нет места целому ряду важнейших ценностей, которые могли бы быть определяющими для жизни и развития общества: ПЛЮРАЛИЗМА, ТОЛЕРАНТНОСТИ, ОТКРЫТОСТИ И ДИАЛОГА, а также, как следствие этого, ПРАВА И ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТИ, которые стоят превыше актуальных национальных интересов и целей представителей власти. Уже этим выступлением Владимир Путин закрывает возможный путь к открытому обществу. То, что данная интенция была заложена в политическую программу изначально, показали последующие годы. Фактически из всех провозглашенных ценностей единственно существенными при принятии политических решений остались патриотизм и сильное государство. Они представляют собой идеологическую почву экономически эффективной диктатуры, в рамках которой «общечеловеческие ценности» разрешены до тех пор, пока они не мешают экономике и, прежде всего, власти.

Данная идеология также имеет свою риторику. Это такая риторика, в рамках которой больше не поднимается вопрос, является ли она концептуально убеждающей или уговаривающей. На предвыборном мероприятии в День защитника отечества 23 февраля 2012 года Владимир Путин торжествовал абсолютную иерархизацию ценностей, редуцированную до единственной ценности из его бывшего списка – патриотизма. В диалогичной форме В. Путин требует тотального признания в любви к России, и массы кричат от восторга «Да!». Другого ответа быть не может.

Мы пришли сегодня сюда для того, чтобы сказать, что мы любим Россию. Для того чтобы сказать так, чтобы услышала вся страна. И я сейчас вас спрошу и прошу ответить вас однозначно, прошу ответить мне простым коротким словом «Да». Итак, мой вопрос – мы любим Россию?!

Участники митинга: Даааааааа! [Путин 2012].

4.3. Речевые акты: ОПРАВДАНИЕ, ОБОСНОВАНИЕ И ОБЪЯСНЕНИЕ

Описанная выше схема аргументации (Рис. 5) удовлетворяет двум возможным типам аргументации: ОБОСНОВАНИЮ и ОПРАВДАНИЮ [см.: Klein 1987; Куве 1998: 341–344]. ОБОСНОВАНИЕ служит поддержкой притязаниям на истинность высказываний или на легитимность оценивания. О данных притязаниях актанты заявляют в форме утверждений, либо они изначально предполагаются в пресуппозициях. В случаях вопросов, требований, обещаний, оскорблений и т. д. пресуппозиции часто нуждаются в обосновании. К примеру, в проанализированном выше требовании «Прежде чем призывать к сбору пожертвований для каких-то так называемых беженцев, избавьте сначала Германию от нищеты» [см.: Глава 2] пресуппозиция имплицитно утверждает, что Германия страдает от нищеты. Иначе данное высказывание не имело бы смысла. Для автора обоснованием данной пресуппозиции является случай около банкомата, о котором он (или она) рассказывает. Засвидетельствованием этого единственного случая автор обосновывает притязание на истинность своего тезиса о нищете в Германии. Притязание на истинность некоего утверждения или, как в данном примере, некоей пресуппозиции необходимо тогда, когда достоверность факта является (или может быть потенциально) спорной. Но и оценивание каких-либо явлений или обстоятельств, принципиально претендующее на истинность или объективность, также может сопровождаться обоснованием. Если кто-то высказывает своё эстетическое суждение, например, говорит: «Этот дом очень красивый», то совершенно невозможно утверждать ни о том, что данное оценивающее суждение *истинное*, ни о том, что оно *правильное, уместное, не вызывающее сомнений* и т. д. Но данную оценку можно обосновать, к примеру, цветом стен, количеством окон, особенными архитектурными чертами. Что касается оценок общественных норм и законов и их обоснований, то они часто предстают подобно абсолютным истинам, то есть подаются, обосновываются и воспринимаются таким образом, словно речь идет не об оценочных, а о достоверных суждениях [ср.: Habermas 1999; Куве 2004: 249].

ОПРАВДАНИЯ поддерживают аргументацию в пользу правильности или, как минимум, приемлемости действий и их интенций, манеры поведения, установок или обстоятельств, ответственность за которые несёт хотя бы один субъект [Klein 1987: 23–27]. Оправдываться может только тот, кто несёт *ответственность*, и

только за что, за что он несёт *ответственность*. Оправдываться за то, что идёт дождь, или за то, что у кого-то светлые или тёмные волосы, невозможно, если только кто-то сам не выкрасил волосы или не манипулировал погодой (возможности последнего сегодня всё-таки несколько ограничены).

В ходе речевых действий говорящие, к примеру, оправдывают выбор языковых форм (определённой лексики), иллокуций или целых речевых стратегий. В известном диалоге из «Братьев Карамазовых» Ф. И. Достоевского Иван оправдывает перед Алёшей уместность своих высказываний:

Я нарочно начал этот наш с тобой разговор как глупее нельзя начать, но довел до моей исповеди, потому что ее только тебе и надо. (...)

– А для чего ты начал так, как «глупее нельзя начать»? – спросил Алеша, задумчиво смотря на него.

– Да, во-первых, хоть для русизма: русские разговоры на эти темы все ведутся как глупее нельзя вести. А во-вторых, опять-таки чем глупее, тем ближе к делу. Чем глупее, тем и яснее [Достоевский 1991: 265].

Цель оправдания не обязательно должна состоять исключительно в изображении обстоятельств в положительном ключе или как единственно правильных. Может оказаться так, что единственная цель оправдания – это избежать обвинения или осуждения за некие поступки или обстоятельства. В таких случаях оправдание тяготеет к отговорке и не всегда от неё отличается (как это показывает первый пример из воспоминаний Никиты Хрущёва, см. Глава 1).

В реальных коммуникативных обстоятельствах чаще всего оправдываются действия. Но и некоторые взгляды или эмоциональные состояния могут оказываться объектами оправданий, если ответственность за них человек берёт на себя. В следующем примере из детективного романа Александры Мариной главная героиня Анастасия Каменская оправдывает свои эмоции:

– Убийство красотки на помойке пахнет дешевым шантажом и вымогательством, я так не люблю.

– Господи, Аська, ты действительно маленький уродец. При чем тут «люблю – не люблю»? Труп – он и есть труп. Один человек убил другого, это отвратительно, и любить тут

совершенно нечего.

– Юрик, тот факт, что одни люди убивают других – это объективная реальность, изменить которую мы с тобой не можем. Так было, так есть и всегда будет. Надо смириться и не делать из этого трагедию. И коль уж трупы – это моя работа, причем повседневная и оплачиваемая государством, то я имею полное право в этой повседневной работе что-то любить, а что-то не любить. Будешь спорить? [Маринина 1997: 72–73].

Данный пример показывает, что оправдания обстоятельств, за которые говорящий несёт ответственность, и оправдания выбора речевых форм, с помощью которых вербализируются данные обстоятельства, могут пересекаться и совпадать. Так, оправдание эмоционального состояния («я так не люблю») одновременно является оправданием использования предиката *любить*.

Известно, что оправдываться могут не только обстоятельства, но и целые речевые акты. К примеру, на портале *Ukraina.ru* один из авторов – Андрей Манчук – в заголовке к своему комментарию заранее обосновывает свою позицию:

Почему не надо ненавидеть украинских националистов [Манчук 2018].

Этот заголовок следует интерпретировать как косвенную директиву, то есть требование «Вы не должны ненавидеть украинских националистов». Автор заранее прямо предупреждает, что далее в статье будет оправдывать своё директивное требование (поскольку это требование принципиально является коммуникативным действием, а значит подлежит оправданию). Таким образом он с самого начала предотвращает ожидаемое возмущение его прямыми директивами, а с помощью аргументативного маркера *ведь* сам заранее указывает на возможные основания для этого возмущения:

Заголовок этой статьи может вызвать недоумение, или даже показаться кому-то провокационным — ведь за последние годы, которые прошли в Украине под знаменем идеологического и политического господства националистов, они стали врагами для самых разных людей, как правило, очень далеких от каких-либо симпатий к «русскому миру». И эта неприязнь все чаще переходит у многих в настоящую неподдельную ненависть [Манчук 2018].

Андрей Манчук не защищает агрессивный национализм и его готовых к насилию сторонников, а, наоборот, подтверждает, что ненависть по отношению к ним оправдана. Но чтобы преодолеть ненависть к украинским националистам, он нуждается в убедительном обосновании и находит его в *причинах* агрессивного национализма.

Все они в полной мере заслужили антипатию своих соотечественников, и могут винить в этом только самих себя. Но даже те, кто пострадал от рук украинских националистов, и имеет полное право ненавидеть их за случившуюся в стране катастрофу, должны понимать – что бы ни делали и что бы ни говорили сейчас патриоты, они сами являются жертвами разрушительных процессов, стартовавших более четверти века назад – с самого момента распада СССР. Ведь молодые люди в черных вязаных масках, которые ходят по улицам с факелами, скандируют нацистские лозунги и нападают на незащищенных цыган, являются продуктом своей эпохи. И, по большому счету, не виноваты в том, что она выбрала им такую судьбу [Манчук 2018].

Данная цитата, *обосновывающая* косвенную директиву «Вы не должны ненавидеть украинских националистов», также *объясняет*, почему националисты стали такими, какими они есть. Автор видит причину в разрушительных процессах распада Советского Союза в конце 1980-х годов. Хотя речевой акт объяснения не тождественен акту оправдания, то есть в этом примере национализм не оправдывается, всё же объяснение может служить его извинением. В контексте данной статьи, это акцептированное извинение, в конце концов, оправдывает косвенную директиву её заголовка.

Итак, приведённые примеры показывают близость оправдания и объяснения. Если обстоятельства дела подробно объясняются, это, в свою очередь, может оправдать выбранный говорящим речевой акт: требование, предупреждение и даже порыв злости. Пример из романа Александры Марининой иллюстрирует то, что оправдания не всегда чётко отличаются от объяснений. Речь Анастасии Каменской, исходя из контекста (она реагирует на упрек) и использованной формулы «я имею полное право», бесспорно является оправданием. Если же эмоциональные состояния, модели поведения, действия и их интенции подкрепляются некими мотивами,

вами и даже причинами, то их оправдания внешне совпадают с их объяснениями. Разница между ними находится в прагматической плоскости. В отличие от оправдания, объяснение не отвечает на вопрос, а показывает причинно-следственную связь. С точки зрения функции речевого действия в понимании К. Бюлера и К. Поппера, объяснение является не аргументативным актом, а репрезентативным. Сложность в различении речевых актов оправдания и объяснения возникает потому, что в обоих случаях достоверность обстоятельств является бесспорной и, следовательно, эксплицитный инициальный речевой акт представляет собой констатацию, а не утверждение. Вывод о том, удовлетворено ли условие спорности и, следовательно, является ли инициально констатирующий речевой акт актом оправдания, часто возможно сделать только исходя из контекста, и поэтому расценивать его можно по-разному. Данную проблему иллюстрирует Дуглас Уолтон на примере одного молодого человека, принимавшего участие в разбоях во время расового бунта в Лос-Анджелесе в 1992 году. На вопрос журналистки «What are you doing that for?» («Зачем вы это делаете?» – с англ.) он ответил: «Everybody's doing it» («Все это делают» – с англ.) [Walton 1996b: 31–32]. Если данный ответ рассматривать как попытку оправдать свои поступки, то его абсурдность несложно обличить посредством аналогии «If everyone were jumping off a cliff, would you do it too?» («Если бы все прыгали с крыши, вы бы тоже это сделали?» – с англ.) [там же: 32]. А если его ответ понимать как объяснение мотивов своих действий, то эта дальнейшая контраргументация совершенно бессмысленна, поскольку ответ «Everybody's doing it» является валидным в качестве объяснения, но логически ошибочным в качестве оправдания его поступков [там же]. Формальная согласованность позволяет функционально превратить объяснения в оправдания, эксплицитно не маркируя данное преобразование. Если реципиент акцептирует объяснение, то он легко может принимать его и в качестве оправдания. Таким образом говорящий может оправдать себя, эксплицитно не вербализуя никаких оправданий. Более того, высказывания могут эксплицитно декларироваться в форме объяснений, но при этом восприниматься в качестве оправданий. Так, исторические аргументы, приведенные Владимиром Путиным в его речи 18 марта 2014 года, в первую очередь следует понимать только как объяснение, почему в референдуме больше 96% проголосовавших под-

держали независимость Крыма от Украины и его присоединение к Российской Федерации:

Чтобы понять, почему был сделан именно такой выбор, достаточно знать историю Крыма, знать, что значила и значит Россия для Крыма и Крым для России [Путин 2014а].

Последующий исторический экскурс от Владимира Путина – пример не только того, как в пределах длинных комплексных аргументативных цепочек объяснения превращаются в оправдания, но и того, как обоснования и оправдания подкрепляют и усиливают друг друга. В крымской речи В. Путина историческое объяснение результатов референдума 16 марта 2014 года функционирует не только в качестве оправдания аннексии Крыма. Сверх того, данное объяснение использовалось в качестве обоснования известного утверждения, которое в форме знаменитого лозунга курсировало в интернете и на улицах и укрепилось в качестве неологизма: «Крымнаш» [Алексеева 2014; Иссерс 2015b: 26–27; Белов 2016: 405–408].

В сердце, в сознании людей Крым всегда был и остаётся неотъемлемой частью России. Эта убежденность, основанная на правде и справедливости, была непоколебимой, передавалась из поколения в поколение ... [Путин 2014а].

В двух предложениях констатация эмоциональной принадлежности Крыма России объединяется с утверждением о *праве* и *справедливости*, в результате чего не только обосновывает правовое притязание на Крым, но и оправдывает его воплощение в жизнь. Посредством известной со времен советского новояза формулы «*всегда был и остаётся*» [Weiss 1986] В. Путин дополнительно придаёт данной аргументации притязание на абсолютность. Универсальный темпоральный квантификатор («Нечто случается во все времена») сакрализирует это притязание и одновременно функционирует как имплицитный аргумент в пользу истинности высказывания.

Совпадение и переплетение *оправданий* и *обоснований* происходит по той причине, что, как уже упоминалось, оценки тоже можно обосновывать, а оправдания всегда являются одновременно и обоснованиями оценивания. Когда героиня детектива Анастасия Каменская констатирует, что группы женщин на помойке и заказ-

ные убийства для неё менее любимы, чем другие трупы и другие убийства, она может только привести некоторые основания, способные всего лишь объяснить, как лично она пришла к подобным чувствам. Если бы Анастасия Каменская утверждала, что трупы женщин на помойке принципиально менее приятны, чем все другие трупы – в чём её, собственно, и упрекает коллега, – тогда её основания представляли бы собой обоснования оценочного суждения. Её аргументация становится оправданием благодаря тому, что она оценивает свои предпочтения в трупах как оправданную реакцию на свою профессиональную рутину. Здесь также идёт речь об обосновании оценивания, с помощью которого не только оценивается эстетическое мнение, но и легитимируются установки, стоящие за данным мнением.

Оправдания и обоснования могут пересекаться и совпадать таким же образом, как это происходит с оправданиями и объяснениями. В подобных случаях одно и то же высказывание может по-разному интерпретироваться. Особенно характерно это для оправданий речевых действий. Если кто-то говорит: «Ты подлец. Ты обманываешь своих друзей», то второе высказывание является аргументом, одновременно как обосновывающим истинность содержания высказывания «Ты подлец» (по формуле «Высказывание X истинно, поскольку Y»), так и оправдывающим форму речевого акта (по формуле «Высказывание X правильно/уместно/не является оскорблением, поскольку Y»).

В нормах, законах и их оцениваниях могут совпадать формы обоснований оценивания и оправданий. Представим ситуацию, в которой два человека дискутируют о смертной казни в США. Один человек высказывается против смертной казни, а другой поддерживает её, и оба они обосновывают свои мнения. То, что смертная казнь в США закреплена законом и применяется в пенитенциарной практике, – для обоих диспутантов бесспорно и не требует обоснования. Поэтому, независимо от повседневного употребления глагола *оправдывать*, в данном случае, строго говоря, нельзя утверждать, что сторонник смертной казни **ОПРАВДЫВАЕТ** её, то есть что он в ходе дискуссии осуществляет речевой акт **ОПРАВДАНИЯ**. Причина в том, что хоть данный спорный закон и относится в целом к сфере человеческой ответственности, но не относится к сфере личной *ответственности* обоих диспутантов и, следовательно, никто из них лично не может быть привлечен к *ответ-*

ственности за него. Иными словами, они могут выступать в его поддержку или отвергать, но совершенно не могут его оправдывать, как не могут оправдывать дождливую или солнечную погоду. В крайнем случае, говорящий может **ОПРАВДАТЬ** своё *отношение* к смертной казни, поскольку мнения и убеждения всё же могут принадлежать к сфере ответственности человека. Иначе выглядит ситуация, когда сторонник смертной казни в действительности содействовал тому, что закон о смертной казни был написан, издан или не был упразднён. В таком случае он оправдывал не закон сам по себе, а своё участие в нём. Именно его участие, а не сам закон, относится к сфере его ответственности. Таким образом, оценочными основаниями оправдания являются обоснования правильности действий (написания закона, голосования в его поддержку и т.д.). Оправдания могут осуществляться при помощи тех самых оснований, что и обоснование правильности закона: какие у него преимущества, почему необходимо подобное наказание и т.д. Если смотреть только на аргументы, тогда обоснования оценок не всегда легко отличить от оправданий. И прежде всего тогда, когда выстраиваются причинно-следственные цепочки, в которых положительно и правильно оцененный результат некоего действия оправдывает само действие. Следующая схема (Рис. 13) иллюстрирует взаимосвязь различных аргументирующих речевых актов [ср. также: Кузе 2004: 253].

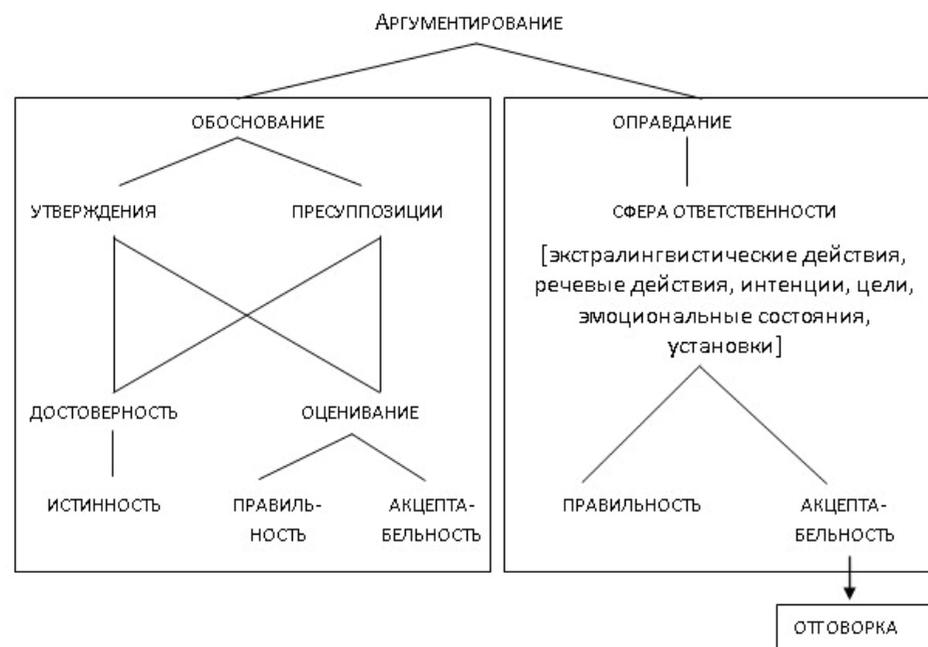

Рис. 13: АРГУМЕНТИРОВАНИЕ (ОБОСНОВАНИЕ и ОПРАВДАНИЕ)

4.4. Аргументация как коммуникативная функция

После книги Фердинанда де Соссюра «*Cours de linguistique générale*» (1916, «Курс общей лингвистики» – с фр.) наиболее влиятельным и, без сомнения, наиболее значимым вкладом в языкознание и коммуникативистику XX века является «*Sprachtheorie. Über die Darstellungsfunktion der Sprache*» (1934, «Теория языка. Репрезентативная функция языка» – с нем.) Карла Бюлера. Его модель языка как органа (*Organonmodell* – нем.) с тремя языковыми функциями – *экспрессивной* (*Ausdrucksfunktionen* – нем.), *апеллятивной* (*Appellfunktionen* – нем.) и *репрезентативной* (*Darstellungsfunktion* – нем.) – имеет большое значение именно потому, что в центр понимания языка поставлено значение. Языковые знаки не только должны составлять систему языка и способствовать коммуникации, но и должны позволять совершать высказывания о предметах коммуникации и её участниках. Система коммуникации только тогда в полном смысле является *языком*, когда выполняет не только экспрессивную и апеллятивную функции, но и репрезентативную функцию, благодаря которой, как утверждает теория К. Бюлера, язык человека отличается от всех других коммуникативных систем. В поданном ниже упрощенном изображе-

нии модели языка как органа К. Бюлера знак (*Zeichen* – нем.) расположен в середине треугольника, стороны которого соединяют *выражение* (*Ausdruck* – нем.), *обращение* (*Appell* – нем.) и *репрезентацию* (*Darstellung* – нем.) знака. Некоторые знаковые действия, к примеру, крик от боли, могут выполнять только одну функцию – экспрессивную. Другие знаковые действия, к примеру, предупредительный окрик, могут выполнять одновременно две коммуникативные функции – экспрессивную и апеллятивную. Но обычно все формы высказываний – как вопросы или требования, так и другие комплексные речевые акты, репрезентирующие некие обстоятельства – выполняют все три функции, поскольку любая репрезентация предметов или обстоятельств является одновременно выражением (знаний, мнений, чувств говорящего) и обращением к адресату (чтобы он воспринял информацию, ответил на вопрос, выполнил просьбу и т. д.).

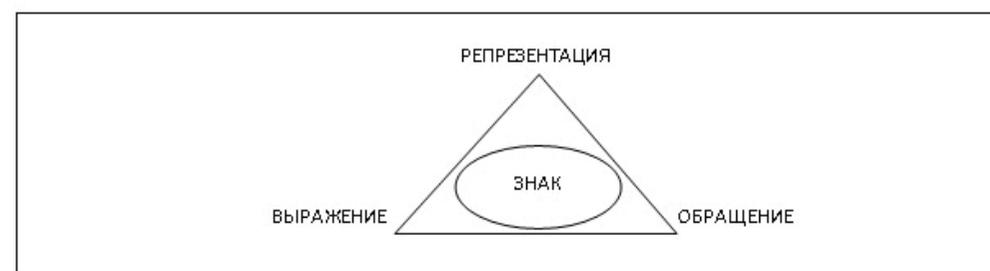

Рис. 14: Упрощенное изображение модели языка как органа Карла Бюлера

То, что человеческая речь не исчерпывается тремя функциями модели органа, уже в 20-х годах XX века показали лингвисты Пражского кружка, дифференцировав функцию *сообщения* (аналогичную репрезентативной функции К. Бюлера) и *поэтическую* функцию. Роман Якобсон расширил модель Карла Бюлера, добавив к ней *фатическую*, *поэтическую* и *метаязыковую* функции [Якобсон 1975]. Карл Поппер, независимо от лингвистов Пражского кружка, дополнил модель *аргументативной* функцией [Popper 1984: 123–124, 248]. Все вместе они образуют семь коммуникативных функций, в которых протекает человеческая коммуникация. Их число может варьироваться в зависимости от подхода. В первую очередь обращает на себя внимание различный статус данных функций. Так, экспрессивную, апеллятивную и репрезентативную функции (у Романа Якобсона – эмотивная, конативная и референт-

ная) объединяет то, что каждая из них в некоторой степени включает в себя две других. Метаязыковая функция, в свою очередь, ориентирована на данные функции или знаки и их системы таким образом, что её можно рассматривать в качестве репрезентативной функции, объектами которой выступают высказывания и знаки. Высказывания, выполняющие метаязыковую функцию, являются по сути *метарепрезентациями* (преимущественно объяснениями или оценками) знаковых систем, знаков и высказываний в их различных функциях. Если рассматривать метарепрезентации как отдельную полноценную коммуникативную функцию, что совершенно оправдано её особым *метасвойством*, то следует дополнительно выделять *метарепрезентативную функцию*.

Фатическая функция, напротив, представляет собой скорее коммуникативную интенцию, сопровождающую высказывания с экспрессивной, апеллятивной и репрезентативной функциями [см.: Кибе 1998, 23–26]. Если первый коммуникант говорит второму: «Привет, как дела?», то данное высказывание с точки зрения его вопросительной формы выполняет апеллятивную функцию. Ответ второго коммуниканта – «Всё хорошо!» – выполняет одновременно экспрессивную и репрезентативную функции, но интенции обоих говорящих заключаются не в запросе и передаче информации, а в установлении коммуникативного контакта (приветствия): первый коммуникант посредством вопроса сигнализирует об установлении контакта, а второй коммуникант посредством своего ответа подтверждает его.

Кроме того, коммуникативную интенцию можно соотнести с магической или заклинательной функцией, о которой Р. Якобсон лишь коротко упоминает, и которая в его модели могла бы стать седьмой функцией. Несколько лет назад она стала предметом романа Лорана Бине под таким же названием: «La septième fonction du langage» («Седьмая функция языка» – с фр.) [Binet 2015]. Роман Якобсон понимал её как разновидность конативной функции (или, соответственно концепции К. Бюлера, апеллятивной функции) и, главным образом, как некое «превращение отсутствующего или неодушевленного «третьего лица» в адресата конативного сообщения» [Якобсон 1975: 200]. Роман Якобсон приводит пример из Книги Иисуса Навина (10: 12): «Стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою!», в котором обращение апеллирует не к дееспособным партнерам по коммуникации, а к предметам: горам,

небесным телам и тому подобному [там же]. Роману Якобсону данная функция представлялась архаичной, и он её подробно не описывал. Однако следует поразмыслить о возможном существовании некой языковой магии, причём не только в связи с тем, что высказывания могут апеллировать к неживым предметам, но прежде всего в связи с тем, что они способны «лишать жизни» партнёров по коммуникации, то есть в ходе коммуникации условно превращать их в «безжизненные» и «недееспособные» объекты без собственной воли или без стремления к собственной воле. Подобные коммуникативные действия сегодня мы называем *манипулятивными*, но в некотором смысле они аналогичны магии и заклинаниям. Ведь что такое заклинание? Его цель – подчинить объекты собственной воле и изменить мир в соответствии с собственными представлениями. Именно в этом и состоит цель манипулятора, которого можно называть по-разному: *демагогом, популистом, соблазнителем* и т. д. В главе 7, посвященной коммуникативным действиям как перлокуциям, данная тема будет рассматриваться подробнее.

В магии и манипуляции, как и в любых случаях фатической коммуникации, на первое место выступает коммуникативная *интенция* говорящего, скрывающаяся за всеми коммуникативными функциями и, в первую очередь, за апеллятивной функцией. Данная *магическая интенция* коммуникативного действия противоположна *фатической интенции*. Они являются несовместимыми и взаимоисключающими. Актант, реализующий в коммуникации свою фатическую интенцию, стремится выстроить и сохранить коммуникативные и социальные отношения, в то время как магическая интенция направлена на *изменения* обстоятельств в пользу актанта. Например, с целью привязать к себе своего партнёра по коммуникации (так, любящий человек стремится привязать к себе своего возлюбленного или возлюбленную, политический лидер – общественные массы), оказать ему психическую или физическую поддержку (в подобных случаях магическую или манипулятивную интенцию следует рассматривать как *терапевтическую*) или, наоборот, уничтожить его психически или даже физически (как в случае психологического террора, доведения до самоубийства и т. д.). Здесь можно привести в пример так называемую *gaslightning* – технику манипуляции, названную по пьесе Патрика Гамильтона «Gasligh» (1938), с помощью которой можно целенаправленно изменить восприятие действительности у людей [Stern

2007]. Интенционально манипулятивные коммуникативные акты, заклинания и магические влияния могут сопровождаться высоким уровнем агрессии. Упомянутый роман Лорана Бине о седьмой функции языка – это, с одной стороны, пародия, но одновременно с этим – триллер, полный насилия, осуществляемого с наслаждением. Подобный сюжет возник не случайно.

Различение коммуникативных *интенций* и коммуникативных *функций* снова возвращает нас к шести функциям языка. Это три базовые функции: ф-я выражения (экспрессивная), ф-я обращения (апеллятивная) и ф-я репрезентации (репрезентативная), а также три метафункции, направленные на базовые функции и обуславливающие их: ф-я метарепрезентации, ф-я аргументации и поэтическая ф-я, направленная на знак и, следовательно, также металингвальная [Beck 1980: 199–201]. Следующий график визуализирует их взаимосвязь, не принимая во внимание специфическую целенаправленность высказываний с метаязыковой функцией (относительно метарепрезентаций и репрезентаций поэтическая функция высказываний затрагивает употребление знаков как таковое).

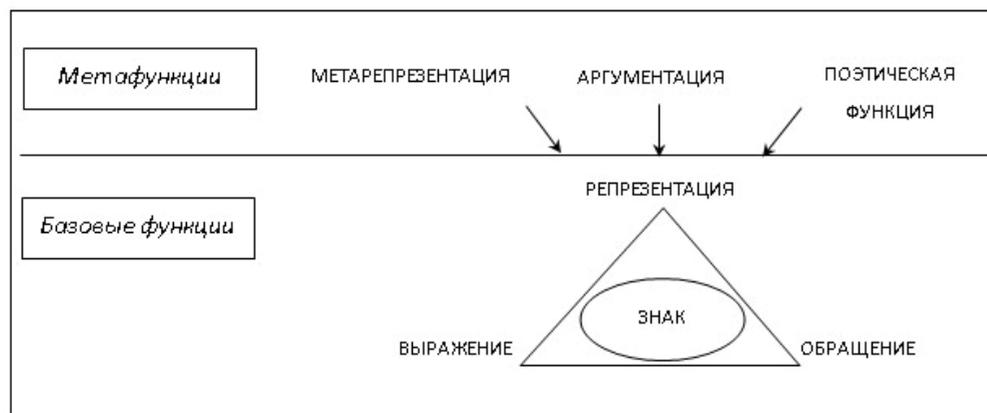

Рис. 15: Базовые и метафункции коммуникации

На этом можно приостановить обсуждение количества коммуникативных функций, поскольку дальше речь пойдет о расширении трёхсоставной модели К. Бюлера посредством аргументативной функции. Карл Поппер обосновывает необходимость дополнения репрезентативной функции функцией аргументации тем, что репрезентативная функция подает «регулятивную идею *истинь*» [Popper 1984: 123. – Пер. с нем.], а аргументы, в свою очередь, под-

дают критике «описания с точки зрения регулятивной идеи истинности содержания и правдоподобности» [там же: 124. – Пер. с нем.]. Поэтому в следующем графике аргументация располагается над репрезентацией и на неё направлена.

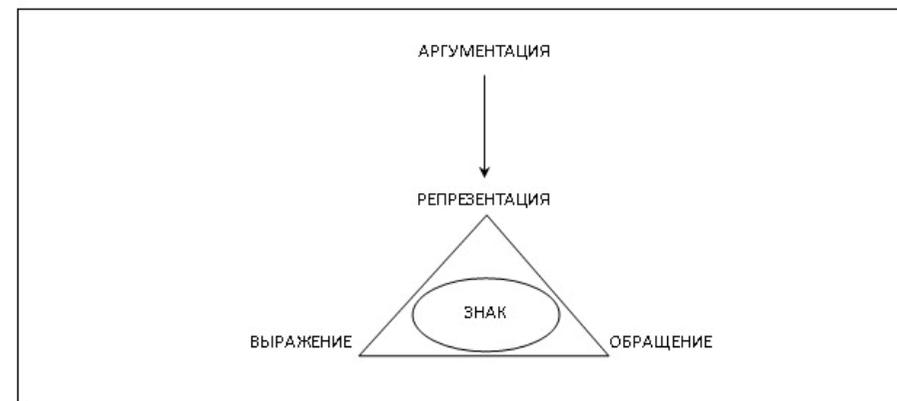

Рис. 16: Дополнение базовых коммуникативных функций аргументацией

Карл Поппер под аргументативной функцией понимал только обоснования. Чтобы в дополнение к обоснованиям интегрировать в модель оправдания, её следует модифицировать. Оправдания речевых действий дополнительно направляют аргументацию на выражение и на обращение, так что стрелка, указывающая на репрезентацию отражает дополнение репрезентативной функции аргументативной функцией обоснования, а две другие стрелки, указывающие на выражение и обращение, соответственно дополняют экспрессивную и апеллятивную функции аргументативной функцией оправдания [Куве 2012: 74; Куссе 2016: 76].

Рис. 17: Первое дополнение базовых коммуникативных функций ОБОСНОВАНИЕМ и ОПРАВДАНИЕМ

Данная модель показывает процесс оправдания экспрессивных высказываний, к примеру, «Как же можно здесь не злиться!», а также оправдания требований, в которых доминирует апеллятивная функция, например, «Если ты не будешь учиться, то не сдашь экзамен!». Тем не менее, данный график не может отразить процесс оправдания экстралингвистических обстоятельств, находящихся в поле ответственности действующих актантов. Причина в том, что лежащая в основе модель языка как органона К. Бюлера принципиально их не рассматривает, а имплементирует их исключительно как предметы репрезентации. Если же включить в график подответственные обстоятельства, то от аргументации ось ОПРАВДАНИЯ будет направлена на них. Поскольку *выражение* и *обращение* являются аспектами языковых действий, ось ОПРАВДАНИЯ не направлена непосредственно к ним. Вместо этого, они переходят в субординацию к языковым подответственным обстоятельствам. Пример из детектива Александры Марининой (см. выше) помимо прочего показывает, что оправдания языковых обстоятельств могут быть направленными не только на коммуникативные функции, но и на употребление определённых знаков (в данном случае – глагола *любить*). Именно поэтому во второй дополненной модели третья стрелка ОПРАВДАНИЯ ведет непосредственно к самому знаку.

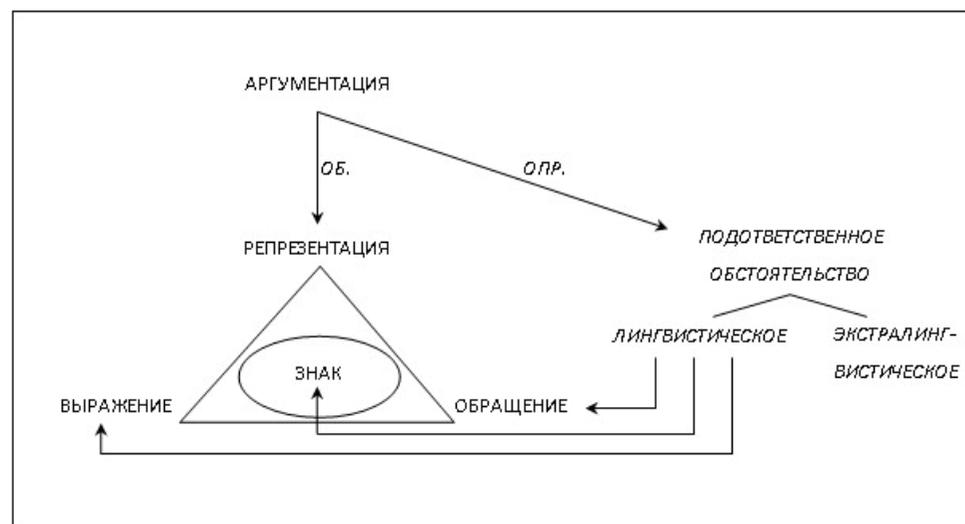

Рис. 18: Второе дополнение базовых коммуникативных функций
ОБОСНОВАНИЕМ и ОПРАВДАНИЕМ

В рамках данной модели аргументация может соотноситься с любыми аспектами различных высказываний: например, касаться высказываний с доминирующей экспрессивной функцией или с доминирующей апеллятивной функцией, быть направленной на репрезентацию обстоятельств и, наконец, на употребляемые в коммуникации знаки. Представим, что кто-то формулирует спорный тезис:

Все политики – коррупционеры.

Данное предложение представляет собой высказывание с репрезентативной функцией, за которым может последовать обоснование:

Поскольку без коррупции никакой политик не сможет удержать власть.

Данное высказывание можно произнести с нейтральной интонацией или же прокричать в бешенстве. Тогда партнер по коммуникации спросит:

Почему ты так злишься?

Оправдание экспрессии может звучать следующим образом:

Как же можно не злиться, когда вокруг столько коррупции.

В ответ на это второй актант может призывать:

Давай победим коррупцию!

И это апеллятивное обращение оправдывает с помощью аргумента:

Коррупция разрушает нашу страну.

А кто-то выразит первый тезис гораздо экспрессивнее и скажет:

Все политики – коррумпированные свиньи!

В таком случае может потребоваться оправдать сам способ выражения, то есть оправдать употребление знака (слова *свиньи*):

Если люди приносят столько вреда, то их можно назвать свиньями.

Приведённые здесь примеры показывают, что не только экстралингвистические обстоятельства, за которые несёт ответственность

человек, могут становиться объектом оправдания, но и агрессивные речевые ситуации. Так, агрессивными могут быть высказывания, выполняющие любую коммуникативную функцию. Агрессивным может быть само употребление определённого языкового знака, например, ругательных слов, оскорблений, обвинений (здесь – *свиньи, коррумпированные* и т. д.). Кроме того, агрессивной может быть элементарная реализация экспрессивной функции: выражение злости и гнева, припадки ярости. Такие речевые акты, как угроза или приказ, изначально представляют собой агрессивный способ реализации апеллятивной функции речи. Обычные репрезентации могут содержать агрессивные утверждения, как в примере выше: *Все политики – коррумпированные свиньи*. На все эти агрессивные знаки, выражения, апелляции и репрезентации направлена аргументация, которая ОПРАВДЫВАЕТ их употребление в речи или (в случае репрезентации) ОБОСНОВЫВАЕТ их содержание.

Эти обоснования и оправдания речевой агрессии являются аргументациями, которые можно опровергнуть по разным причинам. Подобные опровержения аргументов являются метакоммуникативными действиями, направленными на первичные коммуникативные действия. На метакоммуникативные действия, в свою очередь, также можно отреагировать аргументативно. Таким образом выстраивается цепь последовательных про- и контраргументов в ответ на предыдущие аргументы. Так возникают дискурсы, способные охватить всё общество. Именно аргументации и метааргументации в наибольшей степени определяют дискурсы, поскольку, как только из дискурса пропадает исходный спорный вопрос – квесто, – сам дискурс также прекращает свое существование. Если же агрессия проникает в аргументацию, то есть если оправдания и обоснования принимают форму агрессивных речевых действий, построенных на агрессивных речевых актах и агрессивных выражениях, то дискурс с постепенно исчезающим квесто превращается в банальный обмен взаимной агрессией, что может привести к эскалации беспредметного конфликта. Всё это в результате может напомнить ситуацию в Лилипутии – вымышленной Джонатаном Свифтом стране, в которой начинают разворачиваться приключения Гулливера. Там сначала революции, а затем и война между соседними государствами начинается с невинного вопроса: с какого конца правильно разбивать варёные яйца – с острого или тупого.

В затяжной борьбе все стороны практически забыли изначальную причину конфликта, но война, тем не менее, набирает всё больший и больший масштаб.

4.5. Аргументация в языке

«L'argumentation dans la langue» («Аргументация в языке» – с фр.) – так называется книга французских лингвистов Освальда Дюкро и Жан-Клода Анкомбра, которая открыла новый путь в теории аргументации [Anscombre / Ducrot 1983]. По мнению её авторов, язык не только является средством аргументации и инструментом, с помощью которого выполняются аргументативные функции, но и несёт в себе некоторые семантические инварианты, помогающие языковым средствам выполнять необходимые функции. Следовательно, некоторые языковые выражения представляют собой аргументативные маркеры уже на основании их семантики. Они не только используются аргументативно, но и само их появление в речи порождает процесс аргументации или придает аргументации необходимое направление: они маркируют обоснования или оправдания, про- или контраргументы. Целый ряд языковых выражений делает это эксплицитно и очевидно [см.: Куве 2001: 69–75; Куве 2004: 476–503; Куве 2016а]. Например, язык содержит номинации всевозможных элементов в пределах аргументов и конклюдий: *мотив, причина, основание, довод, доказательство, следствие, результат* и т. д. Некоторые синтагмы и глаголы с каузальной семантикой соединяют аргумент и конклюдю: *вызывать что-л., приводит к чему-л., оказывать влияние на что-л., быть причиной чему-л., обуславливать что-л., следовать из чего-л.* и т. д. Союзы, частицы и каузальные предлоги маркируют начало аргументов и указывают на конклюдю: *потому что, ведь, поскольку, благодаря чему-л., вследствие чего-л., поэтому, следовательно* и т. д. Наречия модифицируют сферу действия аргументов: *всегда, везде, в основном, в большинстве случаев* и т. д. К тезису или конклюдю могут относиться адвербиальные операторы относительности высказываний (*по моему мнению, вероятно, как кажется, более или менее*), адвербиальные обобщения (*в целом, вообще, всё, большинство*) и адвербиальные спецификаторы (*в особенности, на первом месте, особенно, преимущественно*). Аргументативную функцию могут выполнять вербальные предикаты и предикатив-

ные выражения полагания, объектами которых выступают спорные тезисы (*предполагать, считать, быть убеждённым, быть уверенным*), или которые указывают на степень вероятности аргументов (*служить доказательством, мотивировать, обосновывать, подкреплять, мне кажется, что, как сказал/заметил/утверждает X*). Наконец, целый ряд предикатов образуют аргументативные перформативы [ср.: Fogelin/Sinnott-Armstrong 1997: 33]: *утверждать, констатировать, опираться на что-л., соглашаться, противоречить, отвергать, сомневаться, придти к выводу* и т. д.

Стивен Тулмин в своей известной схеме аргументации [Toulmin 2003 (1958): 97] изначально показал некоторые эксплицитные аргументативные маркеры: *since* как маркер правила умозаключения (*warrant* – англ.), *on account of* как дополнительные обоснования правила умозаключения (*backing* – англ.), *so* как маркер конклюдзии (*conclusion* – англ.) и *unless* как маркер возможного опровержения (*rebuttal* – англ.). Кроме того, схема С. Тулмина включает модальный оператор вероятности (*qualifier* – англ.), который, к примеру, можно было бы реализовать с помощью *probably*.

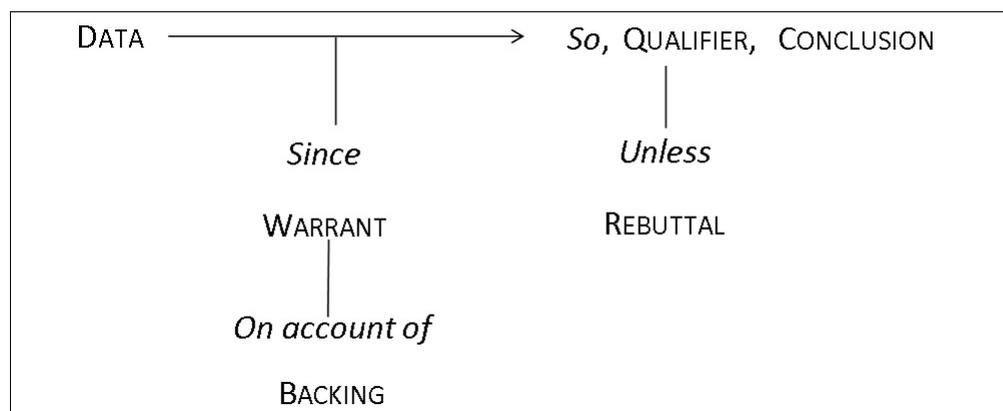

Рис. 19: Схема аргументации С. Тулмина [Toulmin 2003 (1958): 97]

Схема Стивена Тулмина включает два каузальных, одно консеквативное и одно кондиционально-концессивное выражение, которые могут применяться при экспликации аргументативных элементов. Однако данные выражения могут не только применяться в ходе аргументации, но и непосредственно генерировать аргументацию. Так, оба известных примера С. Тулмина – «Гарри родился на

Бермудах» и «Гарри британский поданный» – являются простыми высказываниями с репрезентативной функцией. И только когда между ними появляется союз *so* («Harry was born in Bermuda. So, presumably, Harry is a British subject»), они становятся аргументом (*data* в терминологии С. Тулмина) и конклюдзией. Маркер *unless* может сигнализировать о том, что придаточное выражение имеет контраргументативный потенциал.

Позиционирование аргументативных маркеров в схеме аргументации легко экстраполируется на другие языки и имеет множество вариантов языковых выражений. Прототипный каузальный союз *потому что* (*weil* – нем., *because* – англ.) указывает на аргумент, тогда как консеквативный союз *следовательно* (*also* – нем., *so* – англ.) маркирует конклюдзию. Перед конклюдзией может стоять не только маркер опровержения *если только* (*es sei denn* – нем., *unless* – англ.), но и концессивные связки *несмотря на то, что* или *хотя* (*obwohl* – нем., *although, even though* – англ.), которые также указывают на возможные контраргументы.

Жан-Клод Анкомбр и Освальд Дюкро в своей теории вышли за рамки описания исключительно эксплицитных аргументативных маркеров. Они показали, что аргументативность – это универсальная функция языка и коммуникации. По крайней мере, в большинстве высказываний можно найти некоторые признаки, детерминирующие прагматическую ценность (*valeur pragmatique* – фр.) независимо от информативного содержания (*contenu informatif* – фр.) [Anscombe / Ducrot 1983: 18]. Данная прагматическая ценность состоит в аргументативной силе (*la force argumentative* – фр.), которую интегрально и конститутивно (*comme partie intégrante, constitutive* – фр.) демонстрирует значение высказывания (*le sens d'un énoncé* – фр.) [там же: 5]. Причём аргументативная сила возникает не из информативного содержания высказывания, а изначально заложена в его языковой структуре (*structure linguistique* – фр.) [там же: 9].

Фактически информационное содержание двух высказываний может совпадать, но их аргументации при этом могут противоречить друг другу, если в них используются разные аргументативные операторы или одинаковые операторы модифицируются под влиянием неких языковых факторов [Nyan 1998: 46–47]. Так, к примеру, утверждение «Pierre a peu travaillé» («Пьер мало поработал» – с фр.) выражает приемлемое основание для опасения, что Пьер не сдаст

свой экзамен, тогда как модифицированное выражение «Pierre a un peu travaillé» («Пьер немало поработал» – с фр.) выражает совершенно противоположные, оптимистичные ожидания от того, как Пьер сдаст свой экзамен [Anscombe / Ducrot 1986: 79–94, 81–87; Žagar 1994: 11; Куссе 2005: 414]. Или другой пример: если высказывание «Il est huit heures» («Сейчас восемь часов» — с фр.) модифицировать оператором «presque» (*почти* – с фр.), то высказывание «Il est presque huit heures» («Сейчас почти восемь часов» – с фр.) служит аргументированным побуждением торопиться [Moeschler / Reboul 1994: 288–289; Woldt 2013: 89], поскольку данный оператор маркирует основание для этого. И третий пример. Если во время полицейского контроля водитель автомобиля сообщит: «J' ai bu très peu de vin à mon dernier repas» («Я выпил немного вина во время обеда» – с фр.), то таким высказыванием он опровергнет возможное обвинение в превышении дозы алкоголя, но если он скажет: «J' ai bu un tout petit» («Я немного выпил» – с фр.), то это высказывание можно принять за признание его вины [Anscombe / Ducrot 1983: 96; Куссе 2005: 415].

Предыдущие примеры также показывают, что аргументативная сила языковых выражений может усилить или изменить иллокутивное содержание высказываний. Добавление определённого дискурсивного маркера превращает признание вины в её опровержение, хотя содержание высказывания кардинально не изменяется. В спорных ситуациях единственное «маленькое» слово может предопределить, будет ли воспринято высказывание как утверждение, упрёк или даже как оскорбление. Не только ненормативная лексика и грубые оскорбления, но даже частицы и модальные слова способны превратить нейтральное высказывание в агрессивное. Так, предложение «Я Вам говорил, что ...» может восприниматься как констатация с функцией напоминания. Модифицирование данного высказывания посредством усиленной частицы *уже* превращает нейтральное напоминание в упрёк: «Я Вам *уже* говорил, что ...». Высказывание «Нам надо начать работать» является простым требованием, но его усиление с помощью наречия *наконец-то* также наполняет его строгим упрёком: «Нам надо *наконец-то* начинать работать», и свидетельствует о том, что на спорный вопрос «Хорошо ли работает команда?» нельзя ответить положительно. Если кто-то говорит о третьем лице: «Он ответственный человек», то своим высказыванием он формулирует

аргумент в пользу тезиса, что на этого человека можно положиться. Если модифицировать данное высказывание посредством *не очень* – «Он *не очень* ответственный человек», то оно сразу превращается в контраргумент с долей сомнения. Формулировка с модификатором *редко* – «Он *редко* бывает ответственным человеком» – с точки зрения аргументации выполняет ту же функцию контраргумента, но может восприниматься уже не только как упрёк, но и как оскорбление.

Вероятно, наиболее часто изучаемые коннекторы с точки зрения инвариантно-аргументативной семантики – это адверсативные союзы. Освальд Дюкро уже с начала 70-х годов XX века подробно исследовал французский союз *mais* (*но* – с фр.) [Ducrot 1972]. Начиная с того времени и по сегодняшний день написано множество работ в данном направлении [напр.: Lakoff 1971; Lang 1977; Eggs 1984; Куве 1998, 2009, 2014, 2016b; Carel 2011; Санников 1989; Урысон 2011]. С точки зрения лингвистики аргументации именно данный противительный союз *но* вызывает наибольший интерес, поскольку он является предпочтительным аргументативным оператором, с помощью которого в ходе коммуникации вводятся контраргументы против первого элемента сочинительной связи [подробно см.: Eggs 1984; Куве 1998; Anscombe / Donaire / Haillet 2013; Carel 2011; Weidenbusch 2014; Куве 2016b]. Простая констатация хорошей погоды («Il fait beau ...») может выражаться как аргумент в пользу прогулки, тогда как союз *mais* вводит контраргумент: «... mais je suis fatigué» («... но я устал» – с фр.). Прогулка как возможная конклюдия, вытекающая из аргумента хорошей погоды, с помощью данного контраргумента отвергается. Кроме того, адверсативный союз может формулировать прямое отрицание закономерной конклюдии: «...NEG j'irai me promener» («... НО я не пойду гулять» – с фр.) [Ducrot 1972; Carel 2011: 386].

Оба принципа действия – прямое опровержение конклюдии или введение контраргумента к предыдущему высказыванию, приводящего к противоположной конклюдии, – можно проиллюстрировать двумя примерами из известного романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев»:

Вы чрезвычайно симпатичный старичок, но больше десяти процентов я вам не дам [Ильф и Петров 2009: 193].

В данном примере квесцио состоит в финансовой сделке. Говорящий посредством высказывания «Вы чрезвычайно симпатичный старичок» формулирует аргумент в пользу того, что данная сделка может пройти успешно для обоих партнёров, тем не менее, данный имплицитный вывод эксплицитно отвергается. Второй пример из того же романа более сложный:

Казалось, с тех пор они не сказали друг другу ни слова, но разительная перемена в их лицах, таинственная удовлетворенность, томно мерцавшая в их глазах, показывала, что им известно кое-что значительное [Ильф и Петров 2009: 13].

В данном примере союз *но* вводит комплексную контраргументацию, состоящую из контраргумента и контрконклюзии. Квесцио явствует из последнего придаточного предложения – известно ли «кое-что значительное» действующим лицам. Первая часть высказывания – «Казалось, с тех пор они не сказали друг другу ни слова» – выступает в роли аргумента в пользу тезиса «Им ничего не было известно». Но данный аргумент в следующем придаточном предложении эксплицитно отвергается в форме контр-конклюзии. В качестве контраргумента упоминается «разительная перемена в их лицах». В данном примере интересно то, что его можно переформулировать таким образом, что контрконклюзия останется имплицитной:

Казалось, с тех пор они не сказали друг другу ни слова, *но показательны были* разительная перемена в их лицах, таинственная удовлетворенность, томно мерцавшая в их глазах.

Если квесцио известно, то контрконклюзию легко установить, то есть легко полностью реконструировать скрытую про- и контраргументацию. Данный принцип действия адверсативных союзов можно отразить в схеме аргументации. Для этого для начала следует расширить схему контраргументацией, которая, аналогично модели С. Тулмина, будет занимать позицию контрдоказательств или опровержения (*rebuttal*). В расширенной схеме аргументации адверсативный союз *но* маркирует всю контраргументацию в целом (Рис. 20).

В одном из постов, опубликованных на сайте *uainfo.org*, автор с большой страстью определяет границы между культурой и менталитетом русских и украинцев и с упрёком приписывает русскому

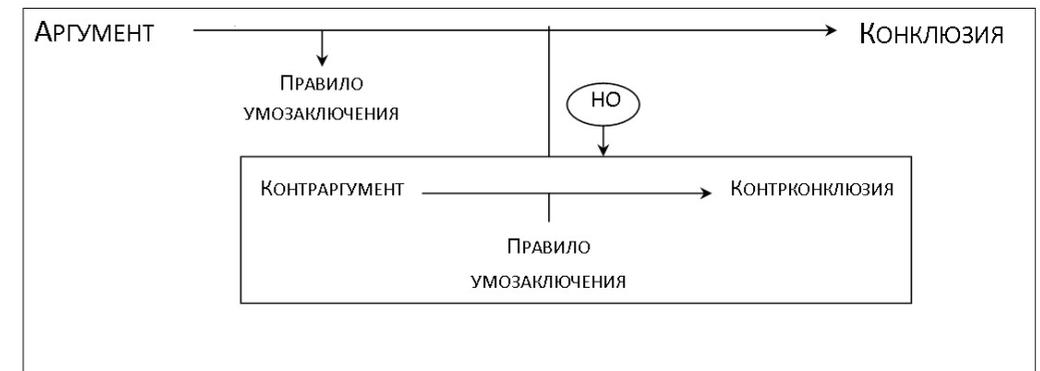

Рис. 20: Адверсативный союз как аргументативный маркер

менталитету империалистское и шовинистическое мышление. Эти обвинения прерываются коротким замечанием, что и среди русских есть «нормальные люди», однако тут же при помощи адверсативной конструкции с союзом *но* показывается относительность этого замечания: «*но* их там мало...»:

В своей стране хоть на голове ходи, а вот к соседу со своим писанием в парламенте тебе делать нечего.

Русские в большинстве своем этого не понимают. Есть нормальные люди, *но* их так мало на фоне великоскрепных, что за них даже страшно [Степова 2017].

С помощью выражения «великоскрепные» автор апеллирует к новой идеологии Владимира Путина, которая ищет великие духовные скрепы, способные объединить весь Русский Мир. Адверсативная конструкция с союзом *но* опровергает возможное умозаключение, что из-за наличия среди русских «нормальных людей» можно было бы толерировать или даже игнорировать империалистические амбиции и шовинизм большинства. Против подобного умозаключения приводится аргумент, что количество «нормальных людей» настолько мало, что за них даже следует беспокоиться. Вся конструкция представляет собой про- и контраргументацию. Исходный тезис об империализме и шовинизме русских сначала ограничивается. Это ограничение могло бы стать аргументом для антитезиса, но возможное умозаключение блокируется с помощью нового контраргумента: «их там мало». Индикатором данной заключительной контраргументации является союз *но*.

Адверсативные конструкции способны изменять иллюкутивное содержание высказываний. К примеру, высказывание может начинаться в асертивной форме, но благодаря адверсативной второй части превращаться в (косвенную) директиву. Подобный случай иллюстрируют Ж.-К. Анкомбр и О. Дюкро [Anscombe / Ducrot 1983: 75]. Представим, что говорящий передает своему адресату некую информацию и в обычной репрезентативной форме сообщает, что у адресата есть возможность совершить определенное действие. При этом он называет данное действие *facultatif* (добровольным – с фр.). Добровольность может восприниматься адресатом как аргумент для того, чтобы отказаться выполнять данное действие. Но если говорящий с помощью союза *mais* (но – с фр.) введёт контраргумент и сообщит адресату, что он сам может быть заинтересованным в выполнении данного действия – «C'est facultatif, mais tu as intérêt à le faire» («Это добровольно, но в твоём же интересе это сделать» – с фр.), – тогда он не просто информирует, а формулирует аргумент в пользу данного действия. Таким образом, асертивное высказывание превращается в косвенную директиву – призыв к совершению действия.

В конфликтных ситуациях адверсативные союзы могут выступать средствами косвенных *предупреждений* или *угроз*. Так, в 2013 году перед подписанием Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом Владимир Путин в своём интервью указал на возможную ответную реакцию со стороны России и адресовал своё заявление в первую очередь украинскому правительству:

Ну, посмотрим, каким будет выбор украинского руководства. К любому, какой бы выбор ни был сделан, мы отнесемся с уважением и, безусловно, будем продолжать работать. Но вопрос просто только в том, как будем работать, что мы должны будем предпринять для защиты своих собственных интересов. Ну, видно будет [Путин 2013а].

Обещание уважительно относиться к чужому выбору адверсативно дополняется предупреждением об ответной реакции. В известном контексте комиссивный речевой акт превращается в угрозу, которая, как показала история, была успешно реализована. Закономерной конклюдентой, следующей из первой части высказывания, было бы то, что Россия никак не будет реагировать на украинский выбор, поскольку относится к нему с уважением, но данная конклюдентия отклоняется при помощи адверсативного дополнения.

После 1983 года Ж.-К. Анкомбр и О. Дюкро продолжали развивать и универсализировать аргументационную лингвистику, выстраивая концепцию *радикального аргументативизма* (*l'argumentativisme radical* – фр.), в рамках которого аргументативная семантика распространяется на всё лексическое поле [Anscombe / Ducrot 1986: 87]. В соответствии с данной теорией, различные топосы имплицитно лежат в основе значений слов и генерируют их аргументативный потенциал. К примеру, слова *cher* (дорогой – с фр.) и *bon marché* (дешёвый – с фр.) не только выражают стоимость товаров, но и выступают аргументами в пользу его покупки. Решение о покупке можно сформулировать при помощи аксиологического топоса относительности: PLUS ÇA COÛTE, MOINS C'EST AVANTAGEUX (чем больше стоимость, тем меньше выгоды – с фр.) или MOINS ÇA COÛTE, PLUS C'EST AVANTAGEUX (чем меньше стоимость, тем больше выгоды – с фр.) [ср.: Anscombe / Ducrot 1986: 88]. Глагол *travailler* (работать – с фр.) и субстантив *travail* (работа – с фр.) могут актуализировать компаративно-градуированный топос с типичной структурой: PLUS IL'Y A DE TRAVAIL, PLUS X (чем больше работы, тем больше X – с фр.), где на место переменной X можно поставить *усталость*, *заработок* и др. [ср.: Anscombe / Ducrot 1986: 90]. В зависимости от того, что стоит на месте переменной X, Ж.-К. Анкомбр в своих работах 90-х годов XX века различает *интринстические топосы* (*topoi intrinsèques* – фр.), имплицитированные непосредственно в семантике слова, и *экстринстические топосы* (*topoi extrinsèques* – фр.), соответствующие культурным установкам и ожиданиям [Anscombe 1995a–с; Куве 2004: 490–492]. Если из высказывания «Pierre est riche» («Пьер богатый» – с фр.) следует, что «Il peut (donc) s'offrir ce qu'il veut» («(Поэтому) он может себе позволить всё, что он хочет» – с фр.), то в основе данного заключения лежит интринстический топос. Тогда как другое заключение – «Il est donc avare» («Поэтому он скупой» – с фр.) – базируется на экстринстическом топосе. Интринстический топос чем богаче человек, тем больше вещей он себе может купить эксплицитует признаки +владеть, +быть в состоянии купить, тогда как топос чем богаче человек, тем он скупее представляет собой культурный стереотип, не зафиксированный в первичном значении слова [Anscombe 1995b: 54–55; Anscombe 1995c: 133]. Интринстическая топика, в том числе и её аксиологическое измерение, не попадает под влияние экстринстической топика. Даже в случае, когда богатство

человека даёт основание отрицательно охарактеризовать его как скупого человека, *богатство* само по себе и, соответственно, атрибут *богатый* остаются аксиологически положительными. Это доказал Ж.-К. Анкомбр, выделив в интринсистическом топосе богатства такой ключевой признак, как способность к действиям. Подобные обобщения находим также в когнитивно-лингвистической теории лексической топики Пьера-Ива Ракка, Сильвии Брюсель и Освальда Дюкро, которая непосредственно взаимосвязана с топикой Жан-Клода Анкомбра [Bruxelles / Ducrot / Rassaïh 1995; Rassaïh 1995]. Когнитивно-лингвистическая теория утверждает, что значение лексемы *богатый* (так же, как и *riche* – фр., *rich* – англ., *reich* – нем.) проявляется в соединении двух концептуальных полей POSSESSION (владение – с англ.) и CAPACITY TO ACT (способность к действиям – с англ.) с положительной оценкой *good*: <POSSESSION, <CAPACITY TO ACT, *good*>>, откуда выводится топос THE MORE ONE POSSESSES, THE MORE ONE CAN ACT (ЧЕМ БОЛЬШИМ ИМУЩЕСТВОМ ВЛАДЕЕТ ЧЕЛОВЕК, ТЕМ БОЛЬШЕ ОН МОЖЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ – с англ.) [ср.: Bruxelles / Ducrot / Rassaïh 1995; Rassaïh 1995: 104–105]. Аксиологически положительный маркер доказывает, почему даже в случаях негативной характеристики человека как скупого посредством экстринсистического топоса ЧЕМ БОГАЧЕ ЧЕЛОВЕК, ТЕМ ОН СКУПЕЕ, атрибут *богатый* по-прежнему остается положительным. Кроме того, концепт CAPACITY TO ACT показывает, почему высказывание «?Этот младенец такой богатый» звучит несколько странно вне зависимости от того, какой собственностью он реально юридически обладает. Дело в том, что сама возможность совершать действия (в первую очередь финансовые), которая подразумевается в предикате, блокируется значением слова *младенец*.

Радикальный аргументативизм показывает, какой инвариантной аргументативной семантикой обладает лексикон, но вместе с тем возникает опасность слишком широкого использования понятия аргументации и, следовательно, его постепенного понятийного опустошения. Вопрос в том, действительно ли такие слова, как *стол*, *стул*, *книга*, *карандаш*, имеют аргументативный потенциал? Если какой-то предмет назвать *столом*, то из этого, безусловно, будет следовать, что этот предмет сделан не из воды, и его нельзя выпить, или что хозяин предмета, который мы называем *столом*, скорее всего, принадлежит к оседлой, а не к кочевой культуре. Но теория аргументации от этого ничем не обогатится. Очевидно,

что на уровне интринсистической топики не все языковые выражения можно описать как семантически аргументативные. Однако те выражения, которые интринсистически не являются аргументативными, можно рассматривать иначе в рамках экстринсистической топики. Например, в коллокациях *круглый стол* или *сесть за круглый стол*, в которых слово *стол* метонимически отражает коммуникативный процесс переговоров, всё выражение приобретает аксиологически положительную коннотацию, а значит, может использоваться как аргумент в пользу того, что стороны конфликта избегают насилия, что они относятся друг к другу равноправно и т. д. В случае со словом *книга* вплоть до сегодняшнего дня может активироваться экстринсистический топос: то, что написано в книге, представляет собой ценность или даже то, что написано в книге – правда. Если в коммуникативной ситуации активируется данный топос, то сама книга может превратиться в аргумент в пользу истинности высказывания. Так, вполне можно представить себе повседневный диалог: «Да с чего ты взял? Это неправда! – Как это неправда? В книге же об этом написано!».

Аргументативными в узком смысле можно назвать все те выражения, инвариантное значение которых указывает на внутреннюю аргументативность, тогда как лексемы с топической структурой, которые не несут в себе никакой аргументативности (например, упомянутые выше *travailler* (*работать* – с фр.) или *travail* (*работа* – с фр.), актуализирующие компаративно-градуирющий топос), могут рассматриваться как переходный класс между семантически аргументативными и дескриптивными лексемами.

Аргументативные операторы – преимущественно адверсативные, дизъюнктивные, каузальные и concessивные союзы, а также модальные операторы и кванторные слова – являются инвариантно аргументативными. Кванторные слова генерируют кванторы всеобщности (= для всех X верно...) и кванторы существования (= существует минимум один X, для которого верно...). В русском языке в роли таких универсальных квантификаторов выступают слова *все*, *каждый*, *полный*, а также соответствующие им отрицательные *никто*, *ни один*, выстраивающие отрицание (= не для всех X верно). К ним же относятся темпоральные наречия *всегда*, *вечно* и отрицательное *никогда*. Квантор существования лежит в семантических ядрах слов некоторые, *определённый*, *отдельный*, *один*, а также *иногда*, *раз*, *часто*, *не всегда* и т. д. В речевых актах утверждения эти квантификаторы играют роль имманентных аргу-

ментов истинности или уместности оценок. Так, квантор всеобщности, выраженный неопределённым квантификатором количества *каждый*, в процессе аргументации порождает топос большинства, о котором далее пойдёт речь [см.: Глава 5.6.]. Топос большинства функционирует как правило обоснования: то, что большинство считает истинным или правильным, – вероятнее всего истинно или правильно. Кванторы существования, напротив, хоть и не отрицают саму возможность истинности или правильности высказывания, но, выстраивая отрицательный топос меньшинства, тем не менее, релятивируют вероятность истинности или правильности высказывания: то, что лишь меньшинство считает истинным или правильным, вероятнее всего неистинно или неправильно. Поэтому в рамках аргументации данные кванторы активизируются как про- или контраргументы: «Почему сомневаешься? Все так думают!»; «Это, скорее всего, неправильно. Ведь только некоторые люди так думают»; «Этого не может быть. Никто так не думает». В агрессивных аргументациях, в которых аргументы за или против выдвигаемых тезисов переплетаются с оценками отдельных личностей или социальных групп, квантификаторы превращаются в аксиологические маркеры их девальвации или, напротив, ревальвации. Так, на примере речей Никиты Хрущёва Даниэл Вайс подробно показал, как в языке советской пропаганды квантор всеобщности использовался для аксиологически положительного оценивания, а квантор существования – для аксиологически отрицательного [Weiss 2000a]. В этом языке не только мнение «меньшинства», «некоторых лиц», «отдельных лиц» т. д. считается неправильным, но и само «меньшинство», «некоторые лица», «отдельные лица» представляются плохими людьми. Здесь снова можно вернуться к сталинскому противопоставлению «пары-другой интеллигентов» с их требованием демократии с одной стороны и воли «партийных масс» с другой стороны [см. Глава 4.2.]. Но и в современной политической риторике можно легко встретить подобные аксиологические оппозиции. Так, в крымской речи Владимира Путина имплицитный квантор всеобщности в высказывании «В сердце, в сознании людей Крым всегда был и остаётся неотъемлемой частью России» [Путин 2014a] служит обоснованием территориальных притязаний: то, что чувствуют люди (имплицитно: *все люди*), не может быть неправильным. Квантор существования в утверждении «Некоторые западные политики уже страшат нас не только санкциями» [там же], напротив, намекает на оценку этих угроз, что якобы они безоснова-

тельны и несправедливы потому, что исходят лишь от «некоторых западных политиков»: то, что лишь некоторые делают и говорят, – вероятнее всего неправильно [ср. также Radünzel 2015, 116–128].

Кроме того, в языке пропаганды темпоральные универсальные квантификаторы могут служить аксиологической ревальвации. В сакрализирующих речевых актах, как, например, «Ленин всегда был и будет...» или «Крым всегда был и остаётся...», наивысшая степень положительной оценки достигается уже посредством самого универсального квантификатора. В подобных формулах активизируется следующий топос: то, что есть всегда / очень долго / вечно, – хорошо. Тем не менее, аксиологию квантификаторов необходимо рассматривать во взаимосвязи с их референтами. Квантификаторы всеобщности усиливают аксиологию референта, то есть положительная аксиология того, что изначально оценивается хорошо, будет ещё более положительной (в предыдущих примерах это касается Ленина и Крыма). И наоборот: то, что изначально считается плохим, посредством квантификаторов всеобщности станет ещё хуже. Но поскольку в языке пропаганды квантор всеобщности, как правило, активизируется в отношении положительно оцениваемых объектов и явлений, он представляется символом блага.

Семантической аргументативностью обладают также интринистические (структурные) аксиологические маркеры. Это явно проявляется в эксплицитно оценочных выражениях, например, в однозначных аксиологических валюативах *хорошо*, *плохо*, *красиво* и т. д., но и дескриптивные выражения, такие как *богатый*, *бедный*, *вверху*, *внизу* и т. д., также несут в себе аксиологические маркеры (отчасти как концептуальные метафоры в смысле Дж. Лакоффа и М. Джонсона). Аргументативный потенциал аксиологических валюатив, с помощью которых объекты оцениваются по шкале хорошо – плохо, добро – зло, правильно – неправильно, истинно – ложно, состоит в том, что с их помощью строятся аргументы. Если что-то оценивается как *хорошее* или *красивое*, то такая оценка интринистически является про-аргументом. Если же что-то оценивается как *ужасное*, *злое* или *плохое*, то это является контраргументом. К тому же, дескриптивно аксиологические выражения, как проанализированный выше атрибут «*богатый*», генерируют топосы, которые в ходе аргументации могут использоваться как правила умозаключения.

Язык вражды, оскорбления, ругательства, девальвации, унижения или проклятия характеризует эксплицитная отрицательная

аксиологическая валюативность. Это является их определяющим признаком. Но к тому же они несут в себе аргументативный потенциал. С их помощью могут строиться оправдательные аргументы. Девальвация персоны или предмета служит оправданием агрессивного отношения к ним и даже осуществления над ними насилия. Так, в рамках дискуссии о том, следует ли сносить определенное здание или нет, решающую роль может играть уже его номинальное обозначение: *историческое здание* скорее будет сохранено, а вот *старую халупу* снесут точно.

Герхард Штраусс и Гизела Цифонун (Strauß/Zifonun 1986: 104–114) и вслед за ними Клаудиа Радюнцель (Radünzel 2017: 159–160) описывают особые категории политического дискурса: миранды (*miranda*) – то есть некоторые универсальные слова-якоря (фреймовые слова) с устойчивой положительной аксиологией (например, *свобода, безопасность, порядок, стабильность*), а также анти-миранды (*anti-miranda*) – настолько же универсальные слова-стигмы с устойчивой отрицательной аксиологией (например, *терроризм* и *террорист*). Их семантика порождает правила аргументации, с помощью которых можно обосновать положительные или отрицательные оценки персон, действий или событий либо оправдать некие действия. Такими правилами могут быть следующие: то, что служит свободе, – хорошо; если некое действие служит свободе, то оно хорошее; если поступки некоего человека служат свободе, то такой человек хороший; если некое действие является террором, то оно плохое; то, что предпринимается против терроризма, – хорошо; если некий человек является террористом, то всё, что он делает, – плохо; если кто-то является террористом, то он плохой и т. д.

Миранды и анти-миранды особенны тем, что их аксиологию разделяют все члены общества и все социальные группы, которые в остальном могут преследовать совершенно различные убеждения и быть сторонниками различных идеологий. Так, к примеру, несмотря на враждебное отношение к «буржуазной демократии», развивающейся по ту сторону советской границы, что отразилось уже в сталинском противопоставлении «демократии некоторых интеллигентов» и «демократии для партийных масс» [см. выше], понятие демократии само по себе осталось аксиологически положительным. То есть универсальное положительное значение демократии сохранилось вопреки тому, что и само противостояние, и его последствия были далеки от демократических представлений о свободе мнений, свободы дискуссии и свободы выбора. В свою оче-

редь, такие анти-миранды, как *террор, терроризм* и *террорист*, также не изменили свою универсальную отрицательную аксиологическую полярность даже при таких известных исторических обстоятельствах, когда террор как политический метод одобрялся и даже требовался (например, во время Великой французской революции и Гражданской войны в России после Октябрьской революции).

Так, в 1790 году Жан-Поль Марат в упоминаемой выше газете «Друг народа» («Ami du Peuple» – фр.) утверждал, что «состояние целительного террора совершенно необходимо для свершения великого дела Конституции» (цит. по Van den Heuvel 1985: 99. – Пер. с фр.). Лев Троцкий, в свою очередь, посвятил оправданию красного террора целую книгу, в которой, равно как и Марат, считал насилие безусловно необходимым для триумфа революции:

[Р]еволуция требует от революционного класса, чтобы он добился своей цели всеми средствами, какие имеются в его распоряжении: если нужно – вооруженным восстанием, если требуется – терроризмом. (...) Красный террор есть орудие, применяемое против обреченного на гибель класса, который не хочет погибать. (...) Без красного террора русская буржуазия совместно с мировой задушила бы нас задолго до наступления революции в Европе [Троцкий 1920].

Хотя в этой фразе чувствуется откровенное стремление к власти и насилию, всё же не оно становится главным аргументом, а значит и аксиологическая семантика *террора* остаётся неизменной. Здесь террор превращается в *инструментальную агрессию*, то есть в средство достижения поставленной цели. А значит, использование это средства вполне может быть оправдано независимо от того, плохое оно само по себе или хорошее.

Однако в отдельных случаях происходит так, что в текстах, дискурсах, а также вследствие определённых событий анти-миранды и выражения с неопределённой аксиологией подвергаются контекстуальным и даже устойчивым аксиологическим изменениям. В рамках российско-украинского конфликта это произошло с выражениями *киборг* и *укроп*.

Киборги – это кибернетические организмы, которые сочетают в себе признаки машины и человека и во многих научно-фантастических экшенах выступают не только как непобедимые, но и как отчасти непредсказуемые воины. Эти фигуры не обязательно

изначально отрицательные, но всегда опасные именно из-за своей неподконтрольности. В военном противостоянии между сепаратистами, российскими вспомогательными войсками, украинскими военными и украинскими добровольческими батальонами *киборгами* назвали украинских защитников донецкого аэропорта, бои за который с разной интенсивностью продолжались с сентября 2014 года по январь 2015 года. В 2017 году вышел посвященный этим событиям фильм «Киборги. Герои не умирают» режиссера Ахтема Сеитаблаева. Уже название фильма показывает, что понятие *киборг* стало синонимичным *герою*. Его неопределённая аксиология превратилась в украинском дискурсе в однозначно положительную. *Киборг* воплотил в себе непреклонность, мужество, храбрость, безграничную боеспособность и стал символом военного и морального престижа. Это наглядно иллюстрирует следующая фраза, произнесенная в середине октября 2014 года, когда бои за донецкий аэропорт ещё продолжались:

«Киборг – це істота, яка не відчуває страху, зайвих емоцій, а просто до кінця виконує те, що потрібно. Мабуть, тому так їх назвали. Це наші найсмівливіші хлопці. Я рада, що в одному підрозділі з ними», – сказала в ефірі телеканалу «Інтер» 12 жовтня 35-річна Олена Білозерська – блогер, снайпер Добровольчого українського корпусу [https://gazeta.ua/articles/opinions-journal/_hto-taki-kiborgi-i-chomu-nimi-nazivayut-zahisnikiv-doneckogo-aeroportu/589692 – Доступ: 07.12.2018].

«Киборг – это существо, которое не чувствует страха, лиш-них эмоций, а просто до конца выполняет то, что необходимо. Наверное, поэтому их так назвали. Это наши самые смелые парни. Я рада, что в одном подразделении с ними», – сказала в эфире телеканала «Интер» 12 октября 35-летняя Елена Белозерская – блогер, снайпер Добровольческого украинского корпуса [https://gazeta.ua/articles/opinions-journal/_hto-taki-kiborgi-i-chomu-nimi-nazivayut-zahisnikiv-doneckogo-aeroportu/589692 – Доступ: 07.12.2018 – Пер. с укр.].

Вторая номинация – *укроп* – дословно означает не что иное, как всем известную обычную зелень и, следовательно, коннотируется как нечто заурядное, примитивное. С другой стороны, укроп – это сокращение от *укропатриота* (*украинского патриота*), которое

в анти-украинском дискурсе имеет абсолютно девальвирующие коннотации. Его отрицательная аксиология была перевернута благодаря новому, проукраинскому прочтению *укропа* как аббревиатуры от *Український опір* (Украинское сопротивление – с укр.). Так возник патриотический шеврон с изображением укропа и соответствующей надписи (Рис. 21), ставший символом боевого духа защитников Украины [см.: Тараненко 2016: 16–17]. Президент Пётр Порошенко презентовал этот шеврон в Твиттере 8 сентября 2014 года под лозунгом: «УКРОП – це український опір!» («УКРОП – это украинское сопротивление!» – пер. с укр.) [https://twitter.com/poroshenko/status/508979135663058944?lang=de – Доступ: 07.12.2018]. В 2015 году в Украине была основана партия с названием *Українське об'єднання патріотів* (*Украинское объединение патриотов* – с укр.), использовавшая и аббревиатуру укроп в её первоначальной расшифровке, и данный шеврон как символ партии (Рис. 21).

Этот пример показывает, как новая расшифровка сокращения, а также новая (милитаристская) контекстуализация и демонстративное присвоение изначально оскорбительной номинации как престижного самоназвания изменили аксиологию понятия *укроп*.

Данная история отнюдь не уникальна. Пожалуй, самые известные примеры найдём в истории искусства: известно, что понятия *импрессионизм* и *фовизм* изначально возникли как оскорбления, но очень скоро стали престижными названиями направлений искусства.

Рис. 21: Шеврон с аббревиатурой УКРОП

5. Агрессивная аргументация

Все компоненты аргументации могут выражаться посредством агрессивных высказываний или импликаций. Даже *квесцио* может быть агрессивным, если с его помощью нарушается ранее установленный консенсус, распадаются сообщества, разрываются связи или ставятся под сомнения права оппонента. Как правило, подобные агрессивные *квесцио* подаются непосредственно в форме *тезисов*, в которых оспариваются права другого человека, отрицаются дружественные отношения с ним и вообще отрицается всё хорошее, что в нём есть. В основном это свойственно расистским дискурсам, априори отвергающим равноправие и равноценность всех людей. Тезисы могут строиться на откровенной лжи, формулироваться суггестивно, оскорблять, унижать, обвинять, но также могут содержать на первый взгляд положительные, но в действительности неискренние выражения, как, например, лесть с целью навредить адресату, обмануть его [см. подробнее: Раздел 7 «Перлокуции»]. Приводимые в ходе аргументации *аргументы* в пользу агрессивного тезиса могут быть такими же агрессивными, как и тезис (чаще всего в коммуникативной практике они такими и являются), то есть строиться на лжи, суггестии, оскорблениях, унижениях, обвинениях или лести. Обычно агрессивность правила умозаключения вытекает из агрессивности аргументов и тезисов, но иногда агрессивное правило умозаключения может формулироваться эксплицитно. В таких случаях говорящий оперирует агрессивными топосами, часто в форме негативных стереотипов, то есть в форме утверждений негативных качеств определённых групп: например, «строители много пьют», «политики коррумпированы», «таксисты – обманщики» или «украинцы – фашисты», «русские – рабы от рождения», «китайцам нельзя доверять» и т. д. [ср. например Ефремов 2018].

В следующих главах будут проанализированы некоторые ключевые агрессивные тезисы, которые выдвигались и обсуждались в рамках российско-украинского конфликта, затем агрессивные аргументы и, наконец, агрессивные правила умозаключений. Их теоретическое исследование вызывает особый интерес, поскольку в реальной конфликтной коммуникации, где аргументативные цепи выстраиваются произвольно, их не так легко дифференцировать, поскольку одно и то же высказывание может выполнять двойную

функцию. То есть в пределах комплексного коммуникативного действия это высказывание может одновременно выступать и как тезис, и как аргумент, а в последующих витках аргументации – уже пресуппонируется как правило умозаключения. Так, ранее приведённое в пример утверждение *Все политики – коррупционеры* [см.: Глава 4.4.] – это тезис, изначально нуждающийся в обосновании, чтобы затем его можно было использовать в качестве аргумента. Но в реальной коммуникации он может приводиться как аргумент в поддержку другого тезиса, минуя собственное обоснование:

Человек X (который является политиком) – коррупционер, поскольку все политики коррупционеры.

Необоснованный тезис также может занимать позицию пресуппонируемого правила умозаключения:

Человек X (который является политиком) – коррупционер, поскольку X является политиком.

Пу: тот, кто является политиком, – коррупционер или все политики – коррупционеры.

Яркие агрессивные тезисы, как, например, что все политики коррумпированы, могут оказывать огромное влияние на развитие целых дискурсов. В российско-украинском конфликте можно выделить два подобных дискурс-образующих отрицающих тезиса: отрицание территориальной целостности Украины [см.: Глава 5.2.] и отрицание украинского как отдельного языка [см.: Глава 5.3.]. Более того, определённые устоявшиеся агрессивные аргументы и правила умозаключения периодически возвращаются в конфликтные дискурсы. К таким относится, к примеру, аргумент родственной близости между русскими и украинцами и его оспаривание [см.: Глава 5.5] или обоюдная агрессивная стереотипизация русскими и украинцами друг друга, которая эксплицитно вербализируется в процессе агрессивной аргументации или имплицитно проявляется в ней в качестве правила умозаключения [см.: Глава 5.6.]. Этим феноменам посвящены следующие главы. Но прежде рассмотрим формы мультимодальной аргументации, реализуемой в различных знаковых формах. Особенно подробно остановимся на тех примерах, агрессивность которых на сегодняшний день не так очевидна.

5.1. Агрессивная мультимодальная аргументация

Как в агрессивных конфликтах агрессивные высказывания могут использоваться в качестве неоспоримых аргументов, наглядно иллюстрирует знаменитый предвыборный плакат периода информационной кампании перед референдумом в Крыму 16 марта 2014 года [см. также: Van Herpen 2016]. Визуальная метафора этого плаката невольно обнаружила нелегитимный характер самого референдума. На плакате изображаются два очертания полуострова. Слева – кроваво-красная, покрытая колючей проволокой и с изображением свастики территория, что с российской точки зрения должно апеллировать к профашистской Украинской повстанческой армии (УПА) времён Второй мировой войны. Справа изображён Крым в жизнерадостных цветах российского флага развивающегося на фоне ясного неба. На плакате читаем: «16 марта мы выбираем ... или ...». С помощью союза *или* предлагается выбрать будущее Крыма из двух возможных вариантов:

Рис. 22: Агитационный плакат перед референдумом в Крыму в марте 2014 года

Данный плакат – показательный пример визуализации агрессивного аргумента, в которой два изображения перформатируют тезис, что украинский Крым оказался бы фашистской тюрьмой. Это абсурдное, голословное утверждение было ничем другим как прямой диффамацией Украины и всех тех, кто не поддерживал присоединение Крыма к России. Этот тезис остался без обоснования (что, конечно, вряд ли стоит ожидать от подобного плаката), но он

приобрёл мнимую убедительность благодаря изображению на правой стороне. Как известно, конструкции с союзом *или* объединяют две альтернативы [Кибе 2009, 2013b]. Если правая сторона плаката отражает одну из реальных альтернатив будущего Крыма, то на левой стороне Крым нужно было бы изобразить в реальных цветах украинского флага. Но вместо этого в качестве реальной альтернативы подаётся нечто совершенно нереальное – фашистский Крым. Это делает всё мультимодальное высказывание абсолютно бессмысленным, поскольку если одна часть конструкции с союзом *или* отражает реальную альтернативу, то и вторая часть также должна быть эквивалентно реальной. На самом деле это только побочный эффект манипуляции, поскольку в данном случае первичная задача плаката состоит не в том, чтобы обосновать ложное утверждение на левой части плаката, а в том, чтобы использовать его как аргумент. Пустые фразы и диффамации не способны сформировать действенные аргументы. Плакат только демонстрирует видимость аргумента, а на самом деле выполняет апеллятивную функцию, что превращает его в не прямой коммуникативный акт. Первично он не информирует о положении вещей, а призывает сделать правильный выбор. Альтернатива предлагается не между Украиной и Россией, а между фашизмом и Россией. Тезис о том, что украинский Крым определённо станет фашистским, одновременно является аргументом в пользу России, ведь при подобном представлении обстоятельств выбор в пользу России очевиден. Подобная конструкция типична для агрессивной пропагандистской аргументации, в которой не поддающиеся обоснованию тезисы становятся либо аргументами в пользу других тезисов и оправданиями решений и поступков власти, либо побуждениями к определённым действиям народа.

Плакат апеллировал к избирателям пошло и грубо, но эффективно. Эффективной оказалась подмена рационального выбора политического будущего Крыма (в идеале – на основании реальных преимуществ, какие имел бы Крым в том или ином случае, что потребовало бы убедительного обоснования и, следовательно, больших усилий) эмоциональным мифически-героическим выбором, опыт которого уже существует в русской истории и который подаёт убедительную бинарную альтернативу между абсолютным злом и абсолютным добром [см.: Щербинина 2011; об обществе героического типа см.: Münkler 2015: 169–187; о типологии и функциях политических мифов см.: Шейгал 2004: 139–140].

Инсинуация того, что выбор Крыма в пользу Украины – это автоматически выбор фашизма и национал-социализма, опирается на исторический опыт фрустрации и травмы, пережитый в отдельных регионах Советского Союза во время немецкой оккупации 1941–1945 годов, а также на его злонамеренную экстраполяцию на современную ситуацию в Украине, в рамках которой новый проевропейский курс Украины представляется как возврат к тогдашней кооперации украинских националистов с немецкими национал-социалистами. В данном контексте эксклюзивно-дизъюнктивная конструкция (или А, или В) [Кузе 1998: 224–229, 450; Кузе 2013b] агрессивно стимулирует чувство страха и отвращения.

Подобные агрессивные формы пропаганды не остаются без ответа. Например, в интернете встречается видоизменённый крымский плакат, на котором оба поля окрашены в цвета российского флага с расположенными поверху поперёк колючей проволокой и свастики (Рис. 23).

Рис. 23: Видоизменённый крымский плакат

Аргументация предвыборных плакатов всегда опирается на визуальную составляющую. В случае крымского плаката аргумент в пользу призыва проголосовать за отсоединение от Украины формулируется через изображение полуострова в цветах флага УПА с колючей проволокой и свастикой. Альтернатива подается посредством дизъюнктивной конструкции с союзом *или*, противопоставляющей две карты. Таким образом, плакат содержит все три

канонические знаковые формы, выделенные Чарльзом Пирсом (1839–1914): иконические знаки (карты, колючая проволока), символические знаки (свастика, надпись) и индексальные знаки (цвета флагов и расположение карт на плакате). Если учитывать прочтение плаката слева направо, то расположение карт отражает высказывание, что тёмный фашистский Крым должен превратиться в светлый и освобождённый под российским протекторатом. Расположение карт можно также интерпретировать с точки зрения сторон света. В этом смысле, зашифрованное послание можно понять так, что Крым из «тёмного» Запада должен двигаться в сторону «светлого» Востока.

Крымский предвыборный плакат представляет собой мультимодальный текст, поскольку его смысловое и аргументативное содержание возникает именно из взаимосвязи вербального текста и индексального и иконического визуального ряда. Мультимодальность, включающая помимо названных компонентов также музыку, шумы или движения, в последние два десятилетия стала важной сферой исследования [напр.: Kress/Van Leeuwen 2001; LeVine/Scollon 2004; Forceville 2009; Kress 2010; Klug/Stöckl 2016; Чернявская 2012, 2013; Ариас 2015], поскольку, как утверждает Хартмут Стёкл, тексты «сегодня преимущественно являются конгломератами различных знаковых систем» [Stöckl 2004, v. – Пер. с нем.].

В мультимодальных вербально-визуальных формациях рисунки репрезентируют слова, высказывания, а также образный язык, выражающий метафоры [ср. также анализ кампании Brexit: Morozova 2017]. Поэтому внимание к мультимодальности возрастает в контексте образной коммуникации, имея в виду визуальность и языковую образность метафор, сравнений и метонимий [ср.: Maar/Burda 2004; Sachs-Hombach 2005; Scharlaj 2012: 107]. Сопроводительный текст может неожиданно изменить смысл рисунка, как и наоборот, рисунок может придать тексту смысл, как это было в случае крымского предвыборного плаката, в котором текст остался бы бессмысленным без иллюстрации. С точки зрения теории аргументации, эта взаимосвязь между различными знаковыми формами и есть аргументация, в которой визуальная или акустическая информация и произнесенный или написанный текст представляют собой переплетение тезиса, аргумента и конклюдента. Чаще всего подобные переплетения наблюдаются в персуазивных жанрах (например, в рекламе) и особенно в агрессивной публичной коммуникации.

Визуализация метафор, метонимий и стереотипов в вербально-визуальных сообщениях (как, например, в карикатурах) усиливает агрессивность и запоминаемость образного выражения. Подобное средство визуального усиления – это отнюдь не сегодняшнее изобретение. В европейской истории показательные примеры сохранились со времен Реформации. Самые известные из них – это оскорбительная карикатура Лукаса Кранаха Старшего (1472–1553), изображающая Папу Римского в виде осла (Рис. 24) и, как ответная реакция Петруса Сильвиуса (1470–1547), карикатура на Мартина Лютера, заключающего союз с дьяволом (Рис. 25).

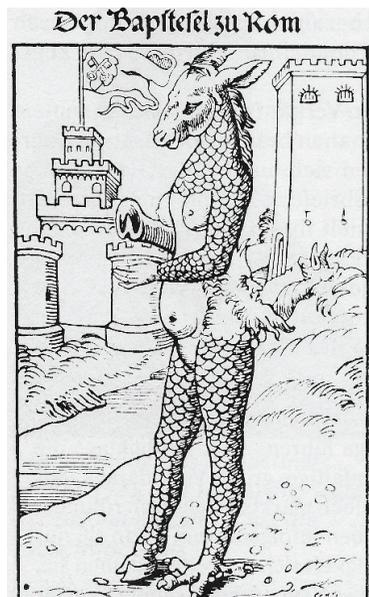

Рис. 24: Лукас Кранак Старший
«Папский осёл» (1523)

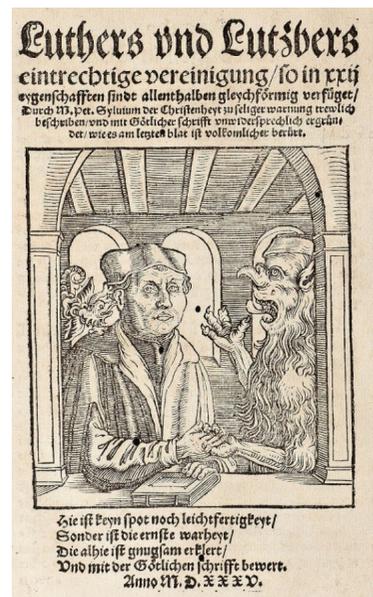

Рис. 25: Петрус Сильвиус
«Дружественный союз
Лютера и Люцифера»
(Лейпциг, 1535)

Аргументационную структуру этих карикатур понять несложно. В рамках конфессиональных споров XVI века «Папский осёл» и реформатор, пожимающий руку дьяволу, визуализируют агрессивные аргументы против отстаиваемых ими церковных взглядов и учений. Их изображения являются энтимемами, которые можно представить в виде силлогизмов, где рисунок выступает в роли второй посылки. В случае с «Папским ослом» первая посылка формулируется так: кто является ослом, тот не может быть правым. Вторая

посылка, изображённая на рисунке и эксплицированная в поясняющей подписи к нему, утверждает: папа является ослом. Из этого следует конклюзия: папа не прав. В случае с Мартином Лютером силлогизм выстраивается следующим образом. Первая посылка: кто состоит в союзе с дьяволом, тот не может быть правым. Вторая визуализированная посылка: лютер состоит в союзе с дьяволом. Конклюзия диаметрально противоположна первому случаю: лютер не прав.

В российской истории XX века особую известность получили агрессивные карикатуры Владимира Маяковского из серии «Окна роста», на которых, в частности, изображён «Капиталист» – монстр в стереотипном фраке, цилиндре и с избыточным весом, с существованием которого не может примириться народ рабочих и крестьян (Рис. 26).

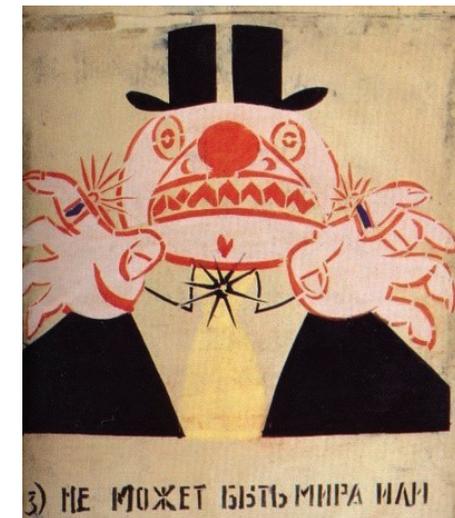

Рис. 26: Владимир Маяковский
«Капиталист» (фрагмент, «Окна
Роста», 1920)

«Капиталист» Владимира Маяковского (Рис. 26) воплощает не конкретную персону, а собирательный образ, узнаваемый по стереотипным признакам. В этом случае подпись под рисунком вербализирует выдвигаемый тезис: «Не может быть мира (или)», аргументом к которому выступает изображение противника как монстра. Этот пример также можно реконструировать в форме силлогизма. Первая посылка: с монстром не может быть мира; вторую посылку визуализирует рисунок: капиталист является монстром; а конклюзия сформулирована в подписи к нему.

Эти три примера из разных исторических и территориальных контекстов в доступной форме иллюстрируют аргументативную структуру мультимодальных текстов, в которых рисунки выступают в качестве аргументов или вторых посылок.

Далее рассмотрим агрессивные тезисы, аргументы и правила умозаключения, обнаруживающиеся в рамках российско-украинского конфликта. В этом контексте мультимодальные тексты также играют значительную роль, в особенности карикатуры, интернет-мемы, граффити, политическая реклама, перформансы на митингах, а также фиктивные геополитические карты, визуализирующие агрессивные тезисы о странах и нациях.

5.2. Первый агрессивный тезис: Украины не существует

«Украины не существует», – так звучит, пожалуй, наиболее агрессивный тезис российско-украинского конфликта, аргументируемый тем, что Украина с её сегодняшними границами образована искусственно. Следовательно, можно требовать «справедливого» распределения большей части её земель между соседями, как это в июле 2017 года на ток-шоу «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым» предложил российский политик Владимир Жириновский, на скорую руку «отобрав» в пользу России сразу несколько областей:

Результат я вижу один: северо-западная Украина – пусть Львов, НАТО, ЕС, кто угодно. Юг – это наше от Донбасса до Тирасполя [Россия 1, «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым», 10.07.2017].

Владимир Жириновский не единственный, кто представляет такой сценарий. Уже в 2014 году Владимир Путин завуалировано преподнёс подобную идею. С одной стороны, он не отрицал целостность Украины, но поставил под сомнение вопрос о её границах. В его представлении, Крым, естественно, к Украине не относится. Но, кроме того, в своей крымской речи 18 марта 2014 года он более чем доступно намекнул, что весь юго-восток Украины также ни этнически, ни с точки зрения языка не является украинским, а был ошибочно «отдан» Украине большевиками (данное высказывание уже цитировалось выше, см. Глава 4.1.):

После революции большевики по разным соображениям, пусть Бог им будет судья, включили в состав Украинской со-

юзной республики значительные территории исторического юга России. Это было сделано без учёта национального состава жителей, и сегодня это современный юго-восток Украины [Путин 2014а].

Вероятно, решение большевиков было настолько вопиюще несправедливым, что российский президент призывает к ответу за него перед Божьим судом. Во время своей Прямой линии 17 апреля 2014 года Владимир Путин ещё раз обратился к тезису о несправедливости украинских границ и одновременно ввёл в политическую игру «исторически правильное» название региона – Новороссия. Конечно, исключительно в контексте «исторического воспоминания»:

[В]опрос в том, чтобы обеспечить законные права и интересы русских и русскоязычных граждан юго-востока Украины – напомню, пользуясь терминологией ещё царских времён, это Новороссия: Харьков, Луганск, Донецк, Херсон, Николаев, Одесса не входили в состав Украины в царские времена, это всё территории, которые были переданы в Украину в 20-е годы советским правительством. Зачем они это сделали, бог их знает. Это всё происходило после соответствующих побед Потёмкина и Екатерины II в известных войнах с центром в Новороссийске. Отсюда и Новороссия. Потом по разным причинам эти территории ушли, а народ-то там остался [Путин 2014b].

Подобное представление событий характерно для непрямой, диффузной риторики российского президента. Он прямо не эксплицирует тезис, что юго-восток Украины принадлежит России, а преподносит двусмысленное историческое обоснование: во-первых, напоминает об историческом статусе Новороссии в XVIII веке и, во-вторых, утверждает, что советское установление границ было актом политического произвола. Благодаря фразе «Зачем они это сделали, бог их знает» исторические события переносятся в плоскость божественной ответственности. С одной стороны, как известно, Советский Союз в представлении В. Путина был прекрасным государством, и именно его распад, а не образование, – «крупнейшая, одна из крупнейших катастроф XX века» [Стоун 2017: 17]. Но с другой стороны, когда поднимается вопрос о границах, которые говорящего не устраивают, Советский Союз снова может стать

великим злом. Владимир Путин не аргументирует открыто в пользу российской оккупации юго-востока Украины, но даёт своей жаждающей публике пищу для размышлений и импульс для поддержки возвращения этого региона «домой». Националистическая идея лежит на поверхности: на первом месте стоят не реальные люди, проживающие на этих территориях, а всё те же абстрактные «русские», предполагаемое единодушное желание которых лежит в основе аргументации.

Наиболее простой и убедительный способ визуализации и символической манифестации подобных тезисов – это реальное или вымышленное изображение разделения страны на карте. Особенно в популярных геополитических спекуляциях карты воплощают собой упрощенный подход к политической географии и пытаются представить альтернативную политическую «реальность» на самом деле правдоподобной [см. Uffelmann 2016; Dodds 2007]. В таких случаях карта является тезисом того, как выглядит мир и как он должен выглядеть. В интернете можно встретить множество подобных фиктивных карт, на которых территория Украины существенно уменьшена или полностью разделена между соседними государствами. Один из подобных примеров, иллюстрирующий исторический тезис о постепенном расширении территории Украины, которая большей частью состоит не из подлинно украинских земель, а из «присоединённых», – это анонимный пост под названием «How Malorossia Was Turned into the Patch-quilt of Discord that is «Ukraine»» («Как Малороссия превратилась в лоскутное недоразумение под названием «Украина» – с англ.), опубликованный 27 февраля 2016 года на сайте <http://stanislavs.org> (Рис. 27).

Данная карта имеет исторические основания, но её агрессивность состоит в очевидной интенции: с её помощью выражается и одновременно обосновывается тезис о несуществовании Украины. С этой целью умалчиваются или, скорее, отрицаются другие ключевые фазы украинской истории, в особенности, основание украинской державы после Первой мировой войны. Кроме того, как следует понимать указание «Added in 1654–1917» («Добавлено в 1654–1917» – с англ.)? Кто, что и каким образом «добавлял» к территории Украины в течение 260 лет? Фиктивность и манипулятивность данной карты, которая на первый взгляд кажется информативной и правдоподобной, установить несложно. Даже

Рис. 27: «Как Малороссия превратилась в лоскутное недоразумение под названием «Украина»» (1)

дополнительные разъяснения к ней не оставляют сомнения, что для автора Украина как отдельное государство не существует. Исконно украинскими он считает только земли запорожских казаков в 1654 году, а современное государство – искусственным творением Ленина и большевиков. Автор данного поста выражается намного более радикально, чем Владимир Путин в 2014 году, но мысль его та же:

This map shows how the size of Ukraine changed through history. NOTE! What is shown here in yellow as 'Ukraine in 1654' was in fact the territory of the Zaporozhie Cossacks (Zaporozhskie Kazaki). There was no country or territory called Ukraine before Lenin and Bolsheviks created the Ukrainian Soviet Socialist Republic as part of the USSR [<http://stanislavs.org/category/ukraine-russia/page/2/> – Доступ: 22.03.2018].

Данная карта показывает, как размеры Украины менялись в течение истории. ВНИМАНИЕ! ТО, что на ней выделено желтым цветом как «Украина в 1654 году» – это по факту была территория запорожских казаков. Не существовало никакой страны или территории под названием Украина до создания Лениным и большевиками Украинской Советской Социалистической Республики как части СССР [<http://stanislavs.org/category/ukraine-russia/page/2/> – Доступ: 22.03.2018 – Пер. с англ.].

В подобных фиктивных картах Украина часто совершенно исчезает из геополитического пространства или же отодвигается на край могущественной «Новороссии» или славной «Малороссии». Именно так всё представлено на карте, опубликованной 10 января 2018 года на сайте *geopolitika.ru* со слоганом «Carthago delenda est» («Карфаген разрушен» – с лат.):

Рис. 28: «Carthago delenada est»

Автор соответствующего памфлета «There are no valid arguments against a liberation of Novorossia» («Не существует веских аргументов против освобождения Новороссии» – с англ.), подписанный как *Nicholas Nicholaides*, связывает разделение страны с дополнительными политическими импликациями. Уже в самом названии статьи пресуппонируется тезис, что Новороссия уже существует как единый регион (пресуппозиция существования), и что её необходимо освободить. Содержание самой статьи более чем ясно: речь идет о «Kiev nazi junta» («киевской нацистской хунте»), оккупировавшей Новороссию.

Другой вариант отделения Малороссии от Украины, хоть и в гораздо меньшем масштабе, предлагает пользователь портала *LiveJournal.com* под ником *arctick* в своем посте 15 марта 2014 года (Рис. 29).

На этой карте Крым уже маркирован цветами российского флага, а Галиция предполагается как отдельное государство, которое,

Рис. 29: «Новороссия»

как гласит пояснение, может остаться в составе Украины. Этот регион изображается не в цветах одного из трёх исторических флагов Галиции, а в цветах УПА, тогда как на гербе расположена галка, позаимствованная из Габсбургского герба Галицко-Волынского княжества, которая напоминает ворона или ворону. Приписывание подобного герба задумано, вероятно, как выражение крайнего пренебрежения, что видно уже из комментариев других пользователей. Так, 30.04.2014 *Стелла ВЛ* добавляет к посту объёмный комментарий под названием «Украина мае таланты!!! Ой, Стервозни таланты!!!» (здесь и в последующей цитате орфография автора сохранена, Рис. 30).

За рисунком и подписью к нему следует речь, разжигающая ненависть к Галиции и Украине в целом:

Вы будете смеяться, но это герб Галичины! Это каким над быть народцем что бы у себя на гербе изобразить ворону? (злую;

Рис. 30: «Галиция»

ГАЛИЦИЯ и пол-ВОЛЫНИ – это НАРОД ПАДАЛЬЩИК, у которого герб даже указывает на это – «ВОРОН».

Они и живут, как вороньё. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы не заметить стайные вороны повадки парадов, майданов, толпы, даже Рада этим говном заражена... И везде этот вороний карокрик гулом катится по незалежной, но до первого тумака, от которого они сразу затихают! Бросаются врассыпную – кто куда выпучив бельма!

И затихает постепенно эта эйфория беспредела и начинают головы уже лететь бандеровской своры от разборок междуусобицы, начинается психоз гибнущего зверя, который подыхая вершит своё гнусное дело пакостничая на столь исстрадавшемся теле своо организма... «Ну напастю... ну ще разок...», как в поговорке прям: «Не здим, так понадкусую!» [<https://www.liveinternet.ru/users/2458238/post322966915/> – Доступ: 21.03.2018].

В данном тексте также играют роль элементы суржика: Украина иронически называется субстантивированным украинским прилагательным незалежна (*независимая* – с укр.), притяжательное местоимение своего написано в стереотипной «украинизированной» форме *своо* (*свого* – укр.), а в конце стоит искажённая украинская поговорка. Весь текст написан с яростью, призванной вызвать к её объекту глубокое отвращение.

Насмешку над вороном на гербе и над особенностями языка и истории нужно, скорее, воспринимать как несуразное издевательство, но вот дальнейший текст комментария переходит в плоскость стереотипного представления о «фашистско-бандеровской Украине». Комментарий очень унижительный и оскорбительный. Заимствование повадок мнимого гербового животного – «Они и живут, как вороньё» – метафорически означает «Они – шайка разбойников». Это обвинение, прежде всего, касается новой популярности Степана Бандеры – предводителя украинских националистов до и во время Второй мировой войны, который с советской и с сегодняшней российской точек зрения считается военным преступником. В данном комментарии не только Галиция, но и все украинские сторонники Евромайдаана называются членами «бандеровской своры»: «начинают головы уже лететь бандеровской своры» [там же]. Утверждение о «разборках междуусобицы» делит Украину не только географически, но и подразумевает, что отдель-

ные её части придерживаются различных политических взглядов. Это иллюстрирует и сама карта (Рис. 29), где западная часть Украины маркируется как фашистское пространство при помощи цветов флага УПА. Нельзя отрицать, что в Украине действительно существует ностальгия по УПА, как и то, что во всей Европе и том числе в России существуют партии с ультраправыми идеологиями (например, Либерально-демократическая партия Владимира Жириновского). Но подобное цветовое зонирование карты Украины является диффамацией ещё и с точки зрения имплицитированного в нём квантора всеобщности. В целом, прочтение карты как комплексного мультимодального текста позволяет интерпретировать её как обвинение всех жителей Галиции в ностальгии по УПА и даже в поддержке Правого сектора.

Диффамация посредством раскрашивания карты может быть ещё более интенсивной и эксплицитоваться ещё более недвусмысленно, как это видим в следующем примере, где территория Галиции маркируется свастикой (Рис. 31):

Рис. 31: «Как Малороссия превратилась в лоскутное недоразумение под названием «Украина» (2)

Обвинение в фашизме автоматически легитимирует развязывание войны (разве не является любая война с фашизмом правильной?). Причём украинские фашисты могут прятаться не только в Галиции, но и в каждом уголке страны. 9 февраля 2015 года под хэштегом *#SaveDonbassPeopleFromKievNazisArmy* на сайте <http://www.e-news.su> была опубликована карта, на которой изображено, как русский сапог пинает нацистского волка прочь из Новороссии, и под ней надпись: «Нацистам нет места на нашей земле» (Рис. 32). Эта карикатура представляет собой ответ на речь Арсения Яценюка перед членами ООН 24 сентября 2014 года. Занимая в то время пост премьер-министра Украины, он описал события в Крыму и на Донбассе фразой «we received Russian military boots on Ukrainian soil» [Яценюк 2014; см. Radünzel 2017: 161]. Российский флаг на сапоге иронически визуализирует эту метафору. Автор данной фиктивной карты уже изначально видит Новороссию отдельным государством, но более примечательно то, что украшенный российским флагом сапог «освободителя» свидетельствует о том, что война на Донбассе – это, в конце концов, не гражданская война, а война, которую ведёт (или должна вести) Россия.

Рис. 32: «Нацистам нет места на нашей земле»

На описанных картах, представляющих собой мультимодальные тексты, агрессивный тезис «Украины не существует» конструируется посредством цветового маркирования государственной террито-

рии Украины, отрывания её частей друг от друга, приписывания этим частям новых наименований и новых символов (флагов, свастики) и т. д. Таким образом, визуализированный тезис о несуществовании Украины на картах и в комментариях подаётся в разных вариантах:

- исконная Украина – это только малая часть сегодняшнего государства;
- Украина – это искусственное формирование;
- Украина оккупирована фашистами и нуждается в освобождении.

Вывод всегда один – отрицание государственности. При этом не всё, что обозначается как украинское, полностью отрицается. Так, на сайте <https://vz.ru/opinions/2015/2/9/728609.print.html> встречаем утверждение, что Украина, когда будет освобождена от русофобной пропаганды и когда вернётся в империю русского мира, сможет сохранить своё фольклорное своеобразие. Естественно, в данном контексте Украина понимается не как отдельное государство, а как географическая Украина, как земля на краю империи:

Географическая Украина, освобожденная от русофобской пропаганды, может и должна оставаться частью русского мира при определенном фольклорном региональном своеобразии. [https://vz.ru/opinions/2015/2/9/728609.print.html – Доступ: 05.02.2018].

Данный тезис о фольклорном своеобразии, не имеющим ничего общего с государственностью, встречается не только в интернет-пространстве, но и выдвигается и обосновывается, пусть даже и не открыто, на высшем политическом уровне. Владимир Путин часто представляет Украину как маленький, довольно живописный придаток сегодняшней российской империи. В этом же ключе он говорит о братстве русских и украинцев, которые являются не только *братскими* народами, но и, в конце концов, *одним* народом [о метафорике родства и о прилагательном *братский* в риторике Советского Союза и в рамках российско-украинского конфликта ср.: Weiss 2017: 483–484; Radünzel 2017: 171; Мокиенко/Никитина 2005: 52–53; Земцов 2009: 60–62]. Так, 18 марта 2014 года Владимир Путин говорил о «братском украинском народе» и в этом контексте

снова применил известную формулу новояза «были и остаются и всегда будут»:

А отношения с Украиной, с братским украинским народом были и остаются и всегда будут для нас важнейшими, ключевыми, без всякого преувеличения [Путин 2014а].

В интервью Оливеру Стоуну Владимир Путин сделал следующий шаг и сказал, что русский и украинский народ – это не только родственные народы, но «практически одно и то же»:

Я уже много раз говорил и хочу повторить еще много раз: я глубоко убежден, что украинский и русский народ – близкие родственники, это практически одно и то же. Что касается языковых особенностей, культурных особенностей, исторических особенностей, это, безусловно, требует уважения и, кстати говоря, всегда уважалось в рамках единой страны [Стоун 2017: 231].

О близости с другим народом можно говорить в дружественном ключе, выражая взаимопонимание с ним, уважительные и дружеские отношения. Но подобным образом можно также вуалировать свои притязания на господство – что вполне естественно, ведь *самостоятельность*, которая признаётся за братским народом, связана с его языковой и культурной *уникальностью*, то есть с чем-то гораздо большим, нежели просто его диалектной и фольклорной особенностью. Именно в этом ключе оспаривается языковая и культурная уникальность и, следовательно, самостоятельность украинского народа. Владимир Путин оспаривает эту самостоятельность в форме *диффузных* сообщений, типичных для его риторики [см.: Глава 7.4.]. Они являются *диффузными*, поскольку их тезисы вызывают сомнения в том, какие собственно за ними скрываются цели: действительно ли речь идёт о настоящей дружбе между народами, или же с её помощью заранее легитимируется дальнейшая оккупация (ведь люди там – это «практически одно и то же»).

Однако притязания на господство можно формулировать и в более прямой форме. Если многотиражная газета «Коммерсантъ» в номере от 19 ноября 2008 года верно передала слова Владимира Путина, то в разговоре с Джорджем Бушем, занимавшим в то время пост президента США, он абсолютно эксплицитно опроверг статус Украины как легитимного государства. Говорят, в кулуарах саммита НАТО в Бухаресте Владимир Путин также предо-

стерегал Украину от вступления в НАТО. Как передает его угрозу «Коммерсантъ», это повлекло бы за собой конец Украины, аннексию Крыма и её восточных регионов:

Обращаясь к Бушу, он [Владимир Путин – Х. К.] сказал: «Ты же понимаешь, Джордж, что Украина – это даже не государство! Что такое Украина? Часть ее территорий – это Восточная Европа, а часть, и значительная, подарена нами!» И тут он очень прозрачно намекнул, что если Украину все же примут в НАТО, это государство просто прекратит существование. То есть фактически он пригрозил, что Россия может начать отторжение Крыма и Восточной Украины [https://www.kommersant.ru/doc/877224 – Доступ: 19.11.2018].

Отрицание украинской государственности может доходить до полной девальвации и отрицания всего украинского. В этом суть контента агрессивных антиукраинских сайтов, разжигающих ненависть. Например, на сайте <http://tribunalkrim.narod.ru/new/frankenshtein.htm> на ярком жёлтом фоне украинцы представлены в экстремально грубой карикатурной форме как монстры Франкенштейна с украинскими флагами на лбах (Рис. 33), как сборища обезьян (бандерлогов) – *майдаунов-мутантов*, опустошающих Киев (Рис. 34) и т. д.

Рис. 33: Франкенштейн

Рис. 34: Майдауны-мутанты

Раскрашенная в цвета украинского флага разъярённая обезьяна (Рис. 34) визуализирует выражение *бандерлоги*, которым на Прямой линии с Владимиром Путиным в декабре 2011 года президент России назвал противников режима и заподозрил в западном финансировании. К ним он обратился со словами, мгновенно ставшими прецедентным текстом с многократными цитированиями,

вариациями, используемыми и как ироничное самоназвание, и как агрессивное название противников: «Идите ко мне, бандерлоги! (...) С детства люблю Кипплинга» [ср. Иссерс 2015а: 242]. Изначально Бандар-лог – это дикий обезьяний народ из «Книги джунглей» Редьярда Кипплинга. Для противников Евромайдана это выражение стало знаком ненависти и сопоставимо с девальвирующей номинацией бандеровцы, с помощью которой украинскому демократическому движению регулярно приписывается фашистская идеология.

В контексте подобных рисунков и намёков на сайте <http://tribunalkrim.narod.ru/new/frankenshtein.htm> полностью отрицается этническое и культурное существование украинцев:

А что же Украина? Может быть, существует полиэтнический «украинский народ»? Нет, такого народа никогда не существовало, ибо не все этносы одинаково ощущают свою цивилизационную идентичность и судьбу. В основном это касается противостояния великороссов и галичан при колеблющейся самоидентификации малороссов. [...] На Украине нет единого народа, отдельного от народа остальной Руси, он существует лишь в конституции, подразумевая формальное гражданство [<http://tribunalkrim.narod.ru/new/frankenshtein.htm> – Доступ: 22.03.2018].

Независимо от степени двусмысленности самих высказываний, как это встречаем в речах Владимира Путина, отрицание украинской государственности имплицитно уже в выборе предлога *на* в конструкции *на Украине*. Как описывалось выше, предлог *на* указывает на земную или водную поверхность, тогда как по отношению к государствам обычно употребляется предлог *в*.

В англоязычном комментарии на сайте geopolitica.ru разделение мира происходит еще более жёстко и безапелляционно: существуют только фашисты в западной Украине и только русские или русскоговорящие украинцы в Новороссии:

There is no «Ukrainian people». There are the fascists in the west and the Russians and Russian-speaking ukrainians in Novorossia [<https://www.geopolitica.ru/en/article/there-are-no-valid-arguments-against-liberation-novorossia> – Доступ: 05.02.2018].

Не существует никакого «украинского народа». Есть только фашисты на западе и русские и русскоговорящие украинцы в Новороссии [<https://www.geopolitica.ru/en/article/there-are-no-valid-arguments-against-liberation-novorossia> – Доступ: 05.02.2018 – Пер. с англ.].

В идеальной коммуникации за тезисом должна следовать аргументация и доказательства. На некоторых сайтах мы встречаем это в форме исторической псевдо-аргументации, как, к примеру, в проанализированной выше статье «How Malorossia Was Turned into the Patch-quilt of Discord that is «Ukraine»» («Как Малороссия превратилась в лоскутное недоразумение под названием «Украина»» – с англ.). Однако в большинстве случаев аргументация движется по кругу и замыкает сама себя. Различные тезисы о несуществовании Украины подкрепляются фиктивными политическими картами, репрезентирующими границы и внутреннюю якобы фрагментированную структуру украинского государства. Такие карты бифункциональны. С одной стороны, они визуализируют тезисы и, с другой стороны, их доказывают. В особенности подобное функциональное движение по кругу наблюдается, когда на картах отображается строгая связь определённых территорий с определёнными политическими силами: предполагаемый тотальный фашизм на западе и тотальный русский мир на востоке. Циркулярность аргументации состоит в том, что тезис выдвигается посредством визуализации и в то же время визуализация автоматически доказывает тезис (якобы то, что мы видим на карте, отображает истинное положение вещей). Такой способ аргументации оказывается убедительным благодаря перформативной силе карт, поскольку они не только репрезентируют политические реалии, но могут их конструировать. Соответствуют ли они действительности, зависит от того, какими правовыми полномочиями обладают персоны или институты, создающие карты. Полноценной перформативной силой (схожей с силой перформативных речевых актов) обладают только те карты, авторы которых уполномочены на их создание. Фиктивные карты на самом деле не обладают такой силой, но они вводят в конфликт агрессивные тезисы (в данном случае о статусе Украины). Что ещё более важно, эти тезисы с лёгкостью могут использоваться как оправдание и даже легитимация гражданской войны и российского вторжения. Лежащее в их основе правило умозаключения формулируется просто и кажется очень убедительным. Его можно выразить в следующей формуле: ЕСЛИ ТЕРРИТОРИЯ ОККУПИРО-

ВАНА ФАШИСТАМИ, ЕЁ НУЖНО ОСВОБОДИТЬ. Автор памфлета «There are no valid arguments against a liberation of Novorossia» («Не существует веских аргументов против освобождения Новороссии» – с англ.; см. выше) выражает подобный аргумент вполне недвусмысленно, когда отклоняет все доводы против вторжения России в так называемую Новороссию:

«It is a trap to get Russia to war» – No! The trap is to fool Russia not to intervene, because if Russia intervenes the Kiev junta will fall and Russia and Novorossia will win quickly. So the trap is to scare Russia not to intervene [https://www.geopolitica.ru/en/article/there-are-no-valid-arguments-against-liberation-novorossia – Доступ: 26.03.2018].

«Это ловушка, чтобы втянуть Россию в войну» – Нет! Ловушка в том, чтобы одурачить Россию и заставить не вмешиваться, поскольку, если Россия вмешается, киевская хунта упадёт, и Новороссия очень скоро одержит победу. Таким образом, ловушка в том, чтобы напугать Россию и заставить не вмешиваться [https://www.geopolitica.ru/en/article/there-are-no-valid-arguments-against-liberation-novorossia – Доступ: 26.03.2018. – Пер. с англ.].

Конечно, не только антиукраинская сторона выдвигает агрессивные тезисы и их визуализирует. Не удивительно, что в ответ на тезисы о несуществовании Украины и существовании Новороссии утверждается, что Новороссия – это абсолютная химера и результат игры воображения *ватников*, т. е. русских националистических оккупантов, которые всё видят не так, как на самом деле. Такой ответный тезис визуализируется на сатирическом сайте <http://polit.reactor.cc>, где на карте, по аналогии с «типичной украинской» свастикой, изображается пиратский флаг, недвусмысленно идентифицирующий врага (Рис. 35).

Все дебаты вокруг Новороссии и карты, разделяющие Украину на части, были остроактуальными преимущественно в 2014 году после Евромайдана и во время аннексии Крыма. Сегодня они уже кажутся историческими, ведь проект Новороссии провалился, а тотальное российское вторжение не состоялось [см. Suslov 2017]. Но дебаты сами по себе и перформативное агрессивных тезисов с помощью карт может реактуализироваться в любой момент, пока российско-украинский конфликт продолжается.

Рис. 35: «Новороссия, как её видит ватник»

5.3. Второй агрессивный тезис: украинский язык – это не язык

История человеческих войн и угнетений, взлёта и падения империй, маргинализации 35) и геноцидов – это одновременно история языков, их конкуренции, развития, вытеснения, запрета и, наконец, смерти. Маргинализация языка, как правило, начинается со снижения его престижности. И, напротив, развитие и доминирование языка связаны с последовательным ростом его престижности вплоть до возникновения языкового шовинизма.

В истории, разумеется, ничто не случается окончательно. Маргинализованные народы и социальные группы выживают, а мало используемые языки возрождаются. В этой битве за доминирование с одной стороны и за выживание с другой стороны язык становится символом идентификации и средством разграничения и даже стигматизации «другого» как врага. По этой причине межгосударственные, межкультурные и межэтнические конфликты и, в конце концов, войны нередко оказываются языковыми конфликтами и языковыми войнами. Примером тому служат югославские войны в 90-х годах XX века, которые привели к разделению бывшего сербохорватского языка на четыре языка: хорватский, сербский, боснийский и черногорский.

Конфликт в Украине также не стал исключением, даже если его основные конфликтные линии – Евромайдан и Революция достоинства, российская аннексия Крыма и война на Донбассе – первично не являются языковыми конфликтами. Солидарность с той или другой стороной конфликта не может сводиться к принадлежности к русскоязычному или украиноязычному населению. В мно-

гоязычной Украине с её «языковой комплексностью» («linguistic complexity» – англ.) [Bowring 2014: 58; см. также Kulyk 2017] граждане страны занимают различные политические позиции независимо от того, каким языком они лучше владеют: русским, украинским или являются полными билингвами. Отношение к языку может влиять на выбор проукраинской или пророссийской стороны конфликта, но это не является обязательным условием [Kulyk 2014; Kulyk 2016, 600–601; Hentschel / Brüggemann 2015; Nedashivska 2015].

Тем не менее, не стоит упускать из виду, что вопрос о статусе русского и украинского языков является частью конфликта в Украине. Не удивительно, что при этом обострился украинский языковой патриотизм и вместе с ним антагонизм русского и украинского как своего и чужого [Moser 2017; Kulyk 2018]. Очевидно, что языковой конфликт существовал еще до 2012 года, поскольку сразу по окончании Революции начались дискуссии о принятом в 2012 году Законе «Об основах государственной языковой политики» (Закон «Про засади державної мовної політики» – укр.). Данный закон придавал языкам, носители которых «компактно» проживают на одной территории [Bowring 2014: 63; см. также Arel 2017: 289–293], статус официальных региональных языков, что привело к протестам среди украиноязычного населения. Аннулирование данного Закона в 2014 году привело, в свою очередь, к ещё более сильным протестам со стороны русскоязычного населения.

Аннулирование данного языкового закона, ещё до его вступления в юридическую силу, было воспринято как угроза России и как грубый акт насилия, ущемляющий права людей говорить на родном языке. Так, фото с протестной пророссийской демонстрации показывают агрессивное стремление людей говорить на русском языке, причём исключительно на нём. Участники протеста накрест заклеили себе рты полосками в цветах украинского флага и прикрепили на одежду постеры со слоганом «Я хочу говорить по русски» (который был написан почему-то без дефиса) (Рис. 36–37).

Формулировка желания «Я хочу говорить по-русски» и символика заклеенного украинским флагом рта имплицитно утверждает тезис о притеснении и запрете русского языка в Украине. Данный миф об угнетаемом русском языке зеркально переворачивает историю притеснения языка в Украине, объектом которого долгие годы был именно украинский язык. Стоит вспомнить хотя бы полный запрет на публичное использование украинского языка в Российской

Рис. 36: «Я хочу говорить по-русски» (1)

Рис. 37: «Я хочу говорить по-русски» (2)

империи в 1863 году, преследования и убийства украинских филологов и лингвистов во времена сталинских репрессий и, наконец, преследования украинских активистов-патриотов в 60-х годах XX века [Remy 2017; Shapoval 2017; Bellezza 2017].

В рамках языковой войны снова актуализировался тезис о несуществовании украинского как отдельного языка. Это утверждение было зафиксировано в Валуевском циркуляре 1863 года, запрещающем использование украинского (тогда – малороссийского) языка в публичной коммуникации [Kappeler 2017: 105]: «никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может» [цит. по: Александровский 2009: 51; Миллер 2013: 225–226].

Следующая цитата, взятая из группы социальной сети «ВКонтакте» с характерным названием «Антимайдан», является не только примером актуализации данного тезиса о несуществовании украинского языка, но и иллюстрацией глобального агрессивного дискурса о языках в русскоязычном интернете [Ефремов / Шарлай 2016]. Автор данной цитаты выдвигает тезис об «искусственности» украинского языка, которая «видна за километр» (именно так и называется его заметка: «Искусственность «украинского языка» видна за километр»):

Как-то спрашиваю одного шибко сведомого: «как будет на укромове «город»? Он мне: «мисто, и никак иначе». Ну тогда я говорю ему: «Давай на карту Украины посмотрим». Открываем, а там: УжГОРОД, ГрайГОРОД, МирГОРОД, ЧервоноГРАД, ГОРОДОК аж подо Львовом. В ответ бессвязное мычание и попытки свалить всё на ОГОРОД и т. п. Даже не смешно [https://vk.com/antimaydan?w=wall-41232698_1023733 – Доступ: 12.12.2017].

Аргументы в пользу своего тезиса, основанные на сравнении русского и украинского языков, автор подает в нарочито ироничной манере. Украинский собеседник характеризуется как *свидомый* (от *свідомий* – сознательный, с укр.). В девальвирующем контексте этот атрибут означает патриотический настрой, ультрапатриотизм, национальное самосознание и по отношению к украинцам используется как оценочно негативный. Автор также употребляет по отношению к украинскому языку девальвирующую (именно в его понимании) номинацию «укрмова», возникшую из слияния употребительного сокращения *укр.* и украинского эквивалента слова *язык (мова)*. Аспекты языкового влияния и существование нескольких корней, соответствующих одному лексическому значению, что распространено во всех языках мира и в том числе в русском языке, взяты в качестве доказательства для утверждаемой «искусственности» украинского языка. Доказательством служит один пример – российское слово *город*, которое, несмотря на существование украинского слова *місто*, сохранилось в некоторых украинских топографических названиях. При этом автор в один ряд с полногласной русской формой *город* ставит также церковнославянскую форму *град* («ЧервоноГРАД») и, скорее всего, не знает, что пуристский критический анализ украинского языка не видит различия между русским и «заимствованным» церковнославянским корнем.

Защитники украинского языка и его истории сравниваются с трансвеститами, что, с точки зрения широко распространённой в России дискуссии о гендере и о нетрадиционной сексуальной ориентации, является попыткой оскорбления со стороны автора:

На мой взгляд, совершенно очевидно (очевачно), что обычный русский язык просто изменяют каким-то противоестественным образом исключительно для отличия от оного. [...] смешно выглядят защитники его древности и просто почитатели, типа трансвеститов – вроде и мужик, но баба [там же].

В конце автор размышляет о том, какая же интенция может скрываться за «искусственным» созданием на самом деле несуществующего украинского языка, и предполагает, что он служит только для того, чтобы «говорить и думать глупости»:

А мне подумалось о том, что если думать на таком исковерканном, абсолютно неестественном языке, то какие ж мысли

могут в голову прийти?! Недаром кто-то сказал, что укрмова придумана только для того, чтобы говорить и думать всякую хрень. Дуже дякую! Очень ДАНКЭ. А что, звучит! [там же].

Завершающий фрагмент текста, в котором смешивается немецкий и русский языки («Очень ДАНКЭ»), – это не только иронизирование над широко распространённым смешением русского и украинского языков в речи (суржика), но и отсылка к воображаемым фашистским тенденциям, которые приписывались Евромайдану и Революции достоинства российской стороной, а именно президентом Владимиром Путиным, который в своей крымской речи 18 марта 2014 года сурово критиковал украинских активистов и новое правительство как националистов, неонацистов, русофобов и антисемитов [Путин 2014а].

Процитированный из группы «Антимайдан» социальной сети «ВКонтакте» аргумент репрезентирует довольно радикальное мнение, но в контексте, где подобный радикализм в принципе возможен, возникают также страстные ответные реакции в защиту украинского языка. Известный аргумент, что некий язык вообще не является отдельным языком, если состоит из элементов, заимствованных из других языков, используется и против русского языка. Это видим в следующей цитате из уже упомянутого текста на сайте *uainfo.org* (орфография сохранена).

Пояснить русскому, что его русский, это вообще не национальный язык, а целая заимствованная у различных народностей словестность (в русском преимущественные слова от угорского, финского, мордовского, болгарского, украинского, французского, немецкого, английского и латыни). Поэтому заявлять, что это их язык, русский, глупо и необразованно. И русский, на фоне русских бурятов, якутов и других вписанных ордой в РФ народностей, звучит, как-то странно. русский бурят. Русский грузин. Русский китаец. русский мордвин [Степова 2017].

Здесь аргумент языкового смешения дополнительно связывается с обвинением в колониализме, в результате чего различные языковые заимствования представляются не как феномены языкового контакта, а как «воровство». В глазах автора русский не язык – это собрание украденных сокровищ из языков колонизированных народов.

В таких экспрессивных дискуссиях тезис о несуществовании самостоятельного украинского языка не только выдвигается, но и опровергается, как это делает Владимир Селезнёв в книге «Мовні війни» («Языковые войны» – с укр.):

Наявні на сьогодні дані лінгвістичної науки дозволяють цілком упевнено стверджувати, що українська мова зовсім не зіпсована суміш якихось мов, а самостійна, самобутня і самодостатня мова. І вона з успіхом довела це своїм багатовіковим розвитком [Селезнёв 2016: 231].

Существующие на сегодняшний день данные лингвистической науки позволяют вполне уверенно утверждать, что украинский язык – это отнюдь не испорченная смесь каких-то языков, а самостоятельный, самобытный и самодостаточный язык. И он с успехом доказал это своим многовековым развитием [Селезнёв 2016: 231. – Пер. с укр.].

Защита украинского языка, в рамках которой авторы вступают в контраргументацию против тезиса о несуществовании украинского языка, имеет долгую историю. Уже Иван Франко (1856–1916) в своем стихотворении «Антошкові П. (Азь покой)» размышлял о том, чем же является украинский язык – диалектом или самостоятельным языком, и подчёркивал важность этого языка для миллионов его носителей:

Діалект чи самостійна мова?
Найпустіше в світі се питання.
Міліонам треба сього слова,
І гріхом усяке тут хитання.
[Иван Франко, Антошкові П. (Азь покой) – <http://poetyka.uazone.net/franko/pages .phtml?place=franko&page=semp er10> – Доступ: 17.03.2018].

Диалект или самостоятельный язык?
Наипустейший в мире этот вопрос.
Миллионы нуждаются в этом слове,
И грешно здесь любое колебание.
[Иван Франко, Антошкові П. (Азь покой) – <http://poetyka.uazone.net/franko/pages .phtml?place=franko&page=semp er10> – Доступ: 17.03.2018. – Пер. с укр.].

Ещё одним часто цитируемым на просторах интернета примером поэзии об украинском языке и культуре является стихотворение «Рідній мові» поэта Василия Диденко (1937–1990), жившего и занимавшегося литературной деятельностью в советскую эпоху (данное стихотворением часто публикуют под авторством Василия Сосюрченко, 1926–1998, который также писал стихи о языке). Автор приводит типичные критические замечания об украинском языке (якобы этот язык отсталый и немодный):

Мені казав один ханжа,
Що наша мова геть відстала, (...)
Що наша мова вже не в моді.
[Василь Диденко, Рідній мові – http://roditeli.ua/deti/development_poetry/den_ukrainskoi_movu – Доступ: 17.03.2018].

Мне говорил один ханжа,
Что наш язык совершенно отсталый, (...)
Что наш язык уже не в моде.
[Василь Диденко, Рідній мові – http://roditeli.ua/deti/development_poetry/den_ukrainskoi_movu – Доступ: 17.03.2018. – Пер. с укр.].

Данное стихотворение имеет подзаголовок «Я не останній з могікан» («Я не последний из могикан» – с укр.), подразумевающий, что носители украинского языка – это не умирающее поколение, а гордые представители великой культуры и великого народа:

Я – син Великого Тараса.
Як Прометей не вмер від ран,
Не вмер і мова – гарна зроду.
Я не останній з могікан,
Я – син великого народу! [там же].

Я – сын великого Тараса.
Как Прометей не умер от ран,
Не умрет и язык – прекрасный от природы.
Я не последний из могикан,
Я – сын великого народа! [там же. – Пер. с укр.].

Если смотреть в исторической перспективе, то защита и восхваление языка, которые показывают, что даже довольно ограниченное использование данного языка совершенно не свидетельствует о его дефектности в сравнении с другими более престижными языками, а наоборот – свидетельствует о его уникальных особенностях, – это неотъемлемая часть процесса становления нации [Stukenbrock 2005, Woldt 2010].

Дискурсы о защите языков породили особый панегирический жанр, который во всех культурах и во всех языках имеет универсальные аргументативные модели [Fishman 1997; Kuße 2008, 2016d]. Помимо тезиса о равнозначности языка в восхвалении языка артикулируется также тезис о его уникальности, в поддержку которого существует три типа аргументации: *интринсистическая* аргументация, *экстринсистическая* аргументация и аргументация в плоскости *идентичности*. Аргументация может фокусироваться исключительно на самом языке, восхвалять его красоту и богатство. В этом случае речь идёт об *интринсистических аргументах*, которые преобладают в романтических моделях восхваления языков, характерных в истории культуры не только для восточнославянских языков, но и для южно- и западнославянских [Garvin 1993: 51; Yavorska 2010: 167]. Восхваление языка может акцентировать его высокую функциональность для коммуникации и мышления, а также для престижа говорящего. Во этом случае речь идёт об *экстринсистических аргументах*, в соответствии с которыми язык *для чего-то* предназначен. Аргументы *идентичности* представляют собой переходную зону между интринсистическими и экстринсистическими аргументами. Так, при восхвалении языка может высказываться мысль, что использование и развитие определённого языка может способствовать усилению этнической или национальной идентичности его носителей. Ещё более эмоциональным является часто встречающийся тезис о неразделимости языка и идентичности, в котором одновременно язык понимается как признак этноса или нации, а этническая или национальная идентичность («характер народа») понимается как отличительный признак языка. Интринсистические аргументы находятся в эстетической плоскости, но способствуют лёгкому переходу аргументации в плоскость идентичности.

В таком восхвалении борьба за признание и равенство собственного языка легко переходит границы защиты и превращается в борьбу за его превосходство над другими языками, как это пока-

зывает высказывание немецкого педагога Фридриха Людвига Яна (1778–1852):

Wir Deutschen würden glücklicher und Deutscher sein, wenn wir uns nur den Fehler der Nachbarsvölker angewöhnen könnten: «Selbststolz». Recht haben wir dazu mehr als alle die andern – die doch so weit damit gekommen. Vorzüglich lassen die Dichter unsere Sprache und unser Volk über die Neuvölker hervorragen [Friedrich Ludwig Jahn, цит. по: Stukenbrock 2005: 306].

Мы, немцы, были бы более удачливыми и более немецкими, если бы смогли научиться ошибке соседних народов – «гордости». Мы на неё имеем больше права, чем другие, которые, всё же в этом очень преуспели. Наши писатели превосходно возвысили наш язык и наш народ над другими новыми народами [Friedrich Ludwig Jahn, цит. по: Stukenbrock 2005: 306 – Пер. с нем.].

Другими показательным примером подобного сдвига от защиты языка к претензии на его превосходство над другими является предисловие Михайла Ломоносова к его известной «Российской грамматике» 1755 года. Несколько иронично, но всё же довольно серьёзно М. Ломоносов восхваляет русский язык:

Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятельми, италиянским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображении краткость греческого и латинского языка. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Virгилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи [Ломоносов 1952: 391–392].

Главный аргумент М. Ломоносова в пользу русского языка состоит в признании его эквивалентным всем другим европейским языкам. Русский язык подходит не только для философских дискурсов («воображений и рассуждений») и для выражения любви и гнева, но даже более того, в нём комбинируются все качества европейских языков, уже авторитетно доказанные Карлом Пятым. Именно поэтому русский язык кажется даже «более эквивалентным», чем другие, и должен считаться лучшим языком среди всех европейских. Способ, которым М. Ломоносов восхваляет русский язык, очень типичен для периода становления языка как полифункционального стандартного языка: он показывает, что язык, который используется ограниченно и не во всех сферах коммуникации, не уступает другим, более престижным языкам. На втором этапе он уже восхваляется как лучший из всех языков, которые только можно представить, и, следовательно, как самый превосходный среди них. Подобные примеры можно найти и сегодня.

В патриотической книге «Мова і нація» («Язык и нация» – с укр.) Ярослава Радевича-Винницкого и Василя Иванишина аргументация направлена на доказательство особого отношения украинцев к своему языку. По мнению авторов, это особое отношение, выражающееся в наибольшем количестве украинских песен и, в частности, песен о языке, имплицитно подразумевает превосходство украинцев над другими народами и культурами. Откуда у авторов такие сведения, и насколько они реальны, в книге не сообщается, но это и не имеет никакого значения в рамках фантастического восхваления языка, выстраиваемого Я. Радевичем-Винницким и В. Иванишиным:

Останніми роками про українську мову з'явилося понад 300 пісень. Уже цей факт свідчить про те, як ставиться наш народ до своєї мови. Видається, що українці мають не тільки більше пісень, ніж будь-який інший народ у світі, але й найбільше пісень про мову [Радевич-Винницький / Іванишин 2012: 14].

В последние годы появилось более 300 песен об украинском языке. Уже сам этот факт говорит о том, как наш народ относится к своему языку. Оказывается, у украинцев не только больше песен, чем у любого другого народа в мире, но и больше всего песен о языке [Радевич-Винницький / Іванишин 2012: 14. – Пер. с укр.].

Защита языка, переходящая в утверждение его превосходства над другими языками (а, следовательно, и превосходства его носителей), может принимать агрессивные формы. Одним из примеров, уже несколько лет курсирующих в интернете, является плакат, показанный в 2012 году на протестном митинге, организованном партией Юлии Тимошенко «Батьківщина» против языкового закона (см. выше). Впервые этот плакат был опубликован в фоторепортаже интернет-издания *Korrespondent.net* 30 июля 2012 года (Рис. 38).

Рис. 38: «Мова – Нації! Язык – скоту!»

Пожилой мужчина в украинской национальной сорочке показывает на камеру самодельный плакат с надписью «Мову – нації! Язык – скоту!». В этом слогане противопоставление украинского и русского языков обыгрывается посредством слова *язык*, которое в русском языке имеет два значения – язык как знаковая система и язык как орган, и слова *мова*, которое в украинском означает только знаковую систему. В данном противопоставлении русский язык очевидно девальвируется как *скотский*. Это высказывание следует первично интерпретировать не как восхваление украинского языка (хотя это здесь тоже присутствует), а как оскорбление русского языка, подразумевающее также (если не в первую очередь) оскорбление его носителей.

Подобные девальвации иногда проникают в псевдонаучные лингвистические анализы, в которых языковые (как правило, лексические) особенности становятся аргументами негативного оценивания языковых общностей. В таких случаях мы имеем дело с агрессивной дилетантской лингвистикой. В посте автора *grzegorz_b*, опубликованном 14 апреля 2018 года на портале *urb-a.livejournal.com*, утверждается, что русское слово *повстанец* заимствовано из украинского. Это этимологическое наблюдение превращается в

аргумент в пользу стереотипа, что русским, оскорбительно называемым здесь *кацапами*, характерен дух верноподданничества. При этом автор пишет «русский» язык в кавычках или же совсем называет его *касабским* языком (очевидно, ошибочно написанным производным от оскорбительного этнофолизма *кацап*, которым называют русских).

Символично, что в-на касабском языке нет слова обозначающего человека восставшего

Вот скажите мне, кацапы и русофилы: «Повстанец» – это русское слово? Или точнее сказать, «Повстанец» – это слово русского языка? Да? А что оно означает? (...) Повстанец – это человек, участвующий, или просто участник «Восстания»!

(...) Но тогда у меня возникает резонный вопрос: почему же участник «Восстания» не «Восстанец»? (...) «Повстати», «Повстання», «Повстанец» – это действительно украинские слова, и в русском нет им аналогов. Нет, конечно, можно сказать, что есть в русском такие слова как: «Бунтарь», «Мятежник», «Заговорщик», «Смутьян», производные от слов: «Бунт», «Мятеж», «Заговор», «Смута», но я буду вынужден с вами не согласиться! Эти слова сильно отличаются от слов «Повстанец» и от «Восстание». И прежде всего потому, что по смысловой нагрузке - это совершенно разные слова, так как: «Мятеж», «Заговор», «Смута» - это незаконное или точнее антизаконное выступление группы лиц, ограниченное как количеством участников, так и целью. Мятежник, смутьян и заговорщик – это человек, или часть общества, так или иначе преследующая исключительно собственную выгоду, выступающая в угоду личным интересам, но не общественным! Восстание же – это выражение открытое массовое выражение протеста режиму, массовое негодование народа!

И знаете, что я думаю, это не просто символично, что в «русском» языке нет слова обозначающее человека восставшего, а точнее уже будет сказать повставшего против режима, власти! Заметьте у россиян есть только бунтари, смутьяны и мятежники. А потому, мне кажется, что россияне не просто так используют в своем языке слово украинского языка, и делают они это исключительно, потому что повстанец – это именно украинец, а не россиянин! [<https://urb-a.livejournal.com/15425721.html> – Доступ: 25.11.2018].

Мнимые недостатки русского языка (то, что в нём, как минимум, на одно ключевое слово меньше, чем в украинском) в данном высказывании должны свидетельствовать о культурной и ментальной слабости русских и, соответственно, о превосходстве над ними украинцев. В то же время в истории защиты языков, сравнения языков и языковых панегириков существуют примеры восхваления языков без притязания на их превосходство. Язык становится ценностью как таковой, поскольку он «свой» язык, даже если он менее важен и менее функционален, чем другие. Так восхваляет Янка Купала (1882–1942) белорусский язык, который, хоть и бедный, но очень любимый, поскольку родной:

Загнанае слова, ты, роднае слова!
Грымі ж над радзімай зямлёй:
Што родная мова, хоць бедная мова,
Мілей найбагатшай чужой.
[Янка Купала, цит. по: Neureiter 1983: 54–55].

Загнанное слово, ты, родное слово!
Греми же над родимой землёй:
Что родной язык, хоть и бедный язык,
Милее самого богатого чужого.
[Янка Купала, цит. по: Neureiter 1983: 54–55. – Пер. с белорус.].

Часто встречаются примеры, в которых выражается подобное отношение и к украинскому языку. В них подчёркивается, что восхваляемый язык – родной язык, а значит, его ценность состоит не в его качестве, а в принадлежности. В стихотворении «Антошкові П. (Азь покой)» Иван Франко выражает свои глубокие чувства к своему, украинскому языку, утверждая, что чужие богатства он не смог бы полюбить:

На чуже багатство ми не ласі,
Ласа лиш твоя душа жебрацька.
Бідні ми, як коні на припоні,
Збагатись нас труд на рідній ниві.
В діалекті чи хоч би в жаргоні
Будемо багаті і щасливі.

[Иван Франко, Антошкови П. (Азь покой) – <http://poetyka.uazone.net/franko/semper10> – Доступ: 17.03.2018].

На чужое богатство мы не падки,
Падкая лишь душа твоя нищенская.
Бедные мы, как лошади на привязи,
Обогати нас труд на родной ниве.
В диалекте или хоть бы в жаргоне
Будем богатые и счастливые.

[Иван Франко, Антошкови П. (Азь покой) – <http://poetyka.uazone.net/franko/semper10> – Доступ: 17.03.2018. – Пер. с укр.].

Здесь снова повторяется известный мотив: при отождествлении языка с национальной идентичностью и государственностью точно так же отрицается многоязычная индивидуальная идентичность, как и юридически закреплённое многоязычие в государстве.

Сегодня предполагаемая тесная связь языка и нации визуализируется различными способами. Одним из наиболее популярных в интернете символов является сердце, изображённое в цветах украинского флага и со слоганом «Мова – серце нації» («Язык – сердце нации» – с укр.) (Рис. 39).

Сердце представляет собой очень традиционную метафору, но встречаются также новые креативные метафоры. В специальном интернет проекте, посвящённом украинскому языку, язык метафоризируется как ДНК нации (Рис. 40).

В книгах могут приводиться научно-популярные доказательства в пользу тезиса о неразделимости языка и государства. Подобные встречаются в книге Я. Радевича-Винницкого и В. Иванишина. Авторы цитируют или, лучше сказать, перефразируют в пользу предмета своего повествования некоторые положения из авторитетных научных источников по истории лингвистики и философии, в частности, цитируют Вильгельма фон Гумбольдта и Мартина Хайдеггера:

«Мова народу – це його дух, і дух народу – це його мова» (В. фон Гумбольдт).

Рис. 39:

«Язык – сердце нации»

Рис. 40: «Язык – ДНК нации»

«Мова – оселя духу» (М. Гайдеггер).
[Радевич-Винницкий / Иванишин 2012: 71–72].

«Язык народа – это его дух, и дух народа – это его язык» (В. фон Гумбольдт).

«Язык – обитель духа» (М. Хайдеггер).
[Радевич-Винницкий / Иванишин 2012: 71–72. – Пер. с укр].

Источники этих цитат не указаны, да и слова Мартина Хайдеггера перефразированы неверно, поскольку он говорит не о *Духе*, а о *Бытии*, домом которого является язык. Оригинальный перевод этих цитат на русский язык звучит следующим образом: «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – трудно себе представить что-либо более тождественное» [Гумбольдт 1984: 88]; «Язык есть дом бытия» [Хайдеггер 1947].

Конечно, для Я. Радевича-Винницкого первично не добросовестное изложение философских позиций, а высказывания и известные имена их авторов, которые можно использовать как авторитетное подкрепление тезиса, что язык и нация или язык и народ неотделимы друг от друга, причём в витальном, биологическом смысле. Наконец, язык называется *генетическим кодом* нации:

Мова – це генетичний код нації, який поєднає сучасне з минулим, програмує майбутнє і забезпечує буття нації у вічності [там же: 75].

Язык – это генетический код нации, который объединяет прошлое с будущим, программирует будущее и обеспечивает бытие нации в вечности [там же: 75. – Пер. с укр.].

В подобном контексте собственный народ и нация дистанцируются от других народов и наций. Это не обязательно должно приводить к агрессии и обособлению, но опасность существует. Патрик Серио в одной из своих ранних статей очень подробно описал возможные последствия отождествления таких неопределённых и расплывчатых концептов, как народ, язык и государство. Патрик Серио резюмирует:

In this subtle mixture of Positivism and Romanticism, geopolitics is dissimulated under ethnolinguistics, sociology is replaced by ethnography, democracy by ethnocracy. In other words, linguistics acts as a fig leaf for politics [Sériot 2017: 210].

В этой тонкой смеси позитивизма и романтизма геополитика скрывается под этнолингвистикой, социология заменяется этнографией, демократия – этнократией. Другими словами, лингвистика действует как фиговый листок для политики [Sériot 2017: 210 – Пер. с англ.].

Такой исход вероятен независимо то того, пережил ли язык долгую историю угнетения, как это было с украинским языком, или на протяжении многих столетий был средством имперского господства, как это было с русским языком.

Не все аргументы в рамках восхваления языка являются *аргументами идентичности*. Одним из *экстринистических* аргументов является единение нации благодаря языку. Примером может служить популярный сегодня в Украине слоган «Нас еднає мова» («Нас объединяет язык» – с укр.), встречающийся как в онлайн, так и в офлайне – на рекламных щитах и стенах домов (Рис. 41 и Рис. 42).

Сравнение двух примеров показывает, как графическая форма может стать аргументом в пользу тезиса. Плакат на Рис. 42 остаётся простым слоганом и вместе с тем утверждением, которое можно интерпретировать как непрямую директиву. Тогда как графика на Рис. 41 сама превращается в перформативный аргумент: лента с написанным слоганом (тезисом) оборачивается вокруг паззла Украины, который символически держится как единое целое благодаря этой ленте. Таким образом, надпись воспринимается как очевидно истинная, а тезис – как обоснованная конклюдия.

Подобные формы перформативных аргументов – то есть аргументов, выстроенных при помощи экстралингвистических симво-

Рис. 41: «Нас объединяет язык» (1)

Рис. 42: «Нас объединяет язык» (2)

лов – это эффективное персуазивное средство на общественных демонстрациях. Слоган «Нас объединяет язык», подкрепляющий требование оставить единственный государственный язык в Украине без каких-либо других языков с административным статусом, появился задолго до Евромайдана. Масштабная протестная кампания возникла в ответ на появление уже упоминаемого языкового закона 2012 года: тогда её участники повязали на лбы белые ленты с этим слоганом. На сайте *Korrespondent.net* появилось фото с демонстрации, на котором запечатлена молодая пара с повязками, которая языком тела демонстрирует единство и благосклонность друг к другу (Рис. 43).

Это фото показательно иллюстрирует, как в публичном пространстве люди могут эффективно объединять символы и фразы с движением в пространстве, и таким образом превращать перформанс в аргументативный комплекс. Здесь симпатия двух молодых людей друг к другу, выраженная в языке тела, превращается в наглядный аргумент объединяющей силы языка.

Рис. 43: «Нас объединяет язык» (3)

Но экстринистические аргументы могут также обнаруживать агрессивный потенциал. Это происходит тогда, когда функциональным экстринистическим аргументом выступает приобретение или сохранение власти. Это иллюстрирует граффити националистической группы «Автономний опір» («Автономное сопротивление» – с укр.), сделанное во Львове в 2012 году (Рис. 44).

Рис. 44: «Чей язык, того и власть»

Данный слоган – «Чия мова, того влада» («Чей язык, того и власть» – с укр.) – на официальном сайте организации подкрепляется известными словами украинской поэтессы Лины Костенко (*1930): «Нації вмирають не від інфаркту. Спочатку їм відбирають мову!» («Нации умирают не от инфаркта. Сначала у них отбирают язык» – с укр.). Заимствуя цитату Лины Костенко, «Автономний опір» её изначально перефразирует, но при этом существенным образом меняет смысл послания и прямо указывает на некие третьи силы, которые насильственным путём лишают нацию языка:

Нація вмирає не від інфаркту – спочатку в неї відбирають мову! Мова-душа українського народу. Її століттями забороняли та всіляко намагались знищити [<http://opir.info/2012/06/17/chuua-mova-toho-vlada/> – Доступ: 17.03.2018].

Нация умирает не от инфаркта – сначала у неё отбирают язык! Язык – душа украинского народа. Его столетиями запрещали и всячески пытались уничтожить [<http://opir.info/2012/06/17/chuua-mova-toho-vlada/> – Доступ: 17.03.2018. – Пер. с укр.].

Ещё одним часто цитируемым на разных интернет-порталах авторитетом является филолог Оксана Пахлёвская с её знаменитым высказыванием «Рабы – це нація, котра не має Слова» («Рабы – это нация, которая не имеет Слова» – с укр.):

Рабы – це нація, котра не має Слова. Тому й не зможе захистити себе [там же].

Рабы – это нация, не имеющая Слова. Поэтому и не сможет защитить себя [там же. – Пер. с укр.].

Из этого следует моральная обязанность защищать свой язык. Для Я. Радевича-Винницкого и В. Иванишина язык – это не роскошь и не достоинство, а в первую очередь долг и обязанность:

Володіння рідною мовою – не заслуга, а обов'язок патріотів [Радевич-Винницький / Іванишин 2012: 204].

Владение родным языком – не заслуга, а обязанность патриотов [Радевич-Винницький / Іванишин 2012: 204. – Пер. с укр.].

Данный аргумент является экстринистическим. Борьба за язык – это борьба за независимость и идентичность:

Отож навіть в умовах омріяної державної незалежності українцям доводиться і далі боротися за рідну мову, а тим самим за свою ідентичність і свою державність, без якої народ не може мати повноти життя [там же: 21].

Поэтому даже в условиях вожделенной государственной независимости украинцам приходится и дальше бороться за родной язык, а вместе с тем – за свою идентичность и свою государственность, без которой народ не может иметь полноценной жизни [там же: 21. – Пер. с укр.].

В этом смысле Владимир Селезнёв убеждён, что в особенности жители восточных регионов Украины должны побороть российскую имперскую мифологизацию украинского языка, чтобы защитить страну и нацию:

Сьогодні українцям, і особливо українцям південно-східних регіонів України, слід побороти міф, нав'язаний імперською політикою асиміляції, що змушує принизливо ставитися до української мови, нібито народженої шляхом ополячення або вигадкування галичанами, і почати ставитися до неї як до гідної, рівної серед рівних мов, що має власну історію і свій особливий шлях розвитку [Селезнёв 2016: 231].

Сегодня украинцам, и особенно украинцам юго-восточных регионов Украины, необходимо побороть миф, навязанный имперской политикой ассимиляции, заставляющий унижительно относиться к украинскому языку, якобы рождённому путём ополячивания или придуманному галичанами, и на-

чать относиться к нему как к достойному, равному среди равных языков, имеющему собственную историю и свой особый путь развития [Селезньов 2016: 231. – Пер. с укр.].

Данный аргумент также визуализируется в интернете. «Зупинимо русифікацію... Продовження не буде!» («Остановим русификацию ... Продолжения не будет» – с укр.) – такой слоган графически представлен на одном из сайтов в виде карты Украины в цветах украинского флага и руки в цветах российского флага, проливающей красную краску на восточные регионы Украины и Крым. При этом подпись говорит о том, что это не «русская» краска, проливающаяся на Украину, а советская. То есть в этом контексте русификация означает (ре)советизацию. Данное изображение сопровождается словами В. Иванишина, одного из авторов цитируемой ранее книги «Мова і нація» («Язык и нация» – с укр.). Главная мысль состоит всё в том же: защита языка – это одновременно защита нации (Рис. 45).

Рис. 45: «Остановим русификацию»

Апеллятивную графику сопровождает цитата с настоятельным обоснованием необходимости защиты языка:

Мова – запорука існування народу. Захищаючи рідну мову, ти захищаєш свій народ, його гідність, його право на існування, право на майбутнє. Не ухиляйся від цієї боротьби... Це наш історичний обов'язок, виправдання нашого перебування на цьому світі. Василь Іванишин [https://streebogblog.wordpress.com/2016/10/09/захисти-українську-мову-нема-мови/ – Доступ: 17.03.2018].

Язык – условие существования народа. Защищая родной язык, ты защищаешь свой народ, его достоинство, его право на существование, право на будущее. Не уклоняйся от этой борьбы... Это наша историческая обязанность, оправдание нашего существования в этом мире. Василий Иванишин [https://streebogblog.wordpress.com/2016/10/09/захисти-українську-мову-нема-мови/ – Доступ: 17.03.2018. – Пер. с укр.].

Аналогичную мотивацию содержит рекламный постер *Движения защиты украинского языка* (*Рух захисту української мови* – укр.) с прямыми апеллятивными призывами к украинцам переходить на украинский язык и говорить на государственном и национальном языке. Необходимость этого также обосновывается тем, что «Украинский язык – это оружие в борьбе с агрессором» (с укр., Рис. 46).

Рис. 46: «Украинцы! Переходите на украинский язык!»

Другой постер *Движения защиты украинского языка* изображает девочку на руках у солдата. Текст над ними объясняет причину войны на Донбассе: «Война там, где не было украинского государственного языка» (с укр.). За утверждением следует совет от счастливо улыбающихся героев постера с апеллятивным вопросом: «А мы уже выучили украинский язык и говорим на нём. А Вы?» (с укр.). Внизу постера повторяется слоган из предыдущего постера *Движения защиты украинского языка*: «Наш язык – это оружие в войне с агрессором» (с укр., Рис. 47).

Российско-украинская война последовательно отражается на восхвалении украинского языка. Аргументация от обоснования его

эквивалентности, восхваления его красоты и богатства движется к обоснованию его значимости для украинской идентичности и далее – к его функции как оружия в войне.

Таким образом, «горячая» война превращается в языковую войну. Это характерно не только для украинской стороны, где украинский язык выполняет функцию оборонительного оружия. Российская сторона также функционально использует русский язык в этой борьбе, но, скорее, как средство укрепления политической мощи и не только обороны, но и нападения. В этом смысле Лара Рязанова-Кларк говорит о *weaponization of language*. Подобная милитаризация языка осуществляется по модели аргументативной ценностно-целевой ориентации, в соответствии с которой русский язык, с одной стороны, декларируется как гордость нации и как интринсистическая наивысшая культурная ценность, а с другой стороны, восхваляется экстринсистически как средство экспансии и распространения власти, что потенциально может приводить к реальному разжиганию войны [Ryazanova-Clarke 2016].

Рис. 47: «Война там, где не было украинского государственного языка!»

5.4. Агрессивные аргументы

Однозначно агрессивной является аргументация посредством *агрессивных аргументов*, то есть таких аргументов, которые не только призваны оправдывать агрессию (то есть выполнять агрессивную функцию), но и сами по себе являются *интринсистически агрессивными* и, следовательно, представляют собой вербальные агрессивные действия. Агрессивные аргументы строятся на прямых девальвирующих номинациях, атрибутах и предикатах, содержащих стереотипы, оскорбления, унижения и многое другое, а также на иронии, разделении общества на своих и врагов, навешивании ярлыков при помощи девальвирующих этнонимов и антропонимов и т. д. [ср.: Шейгал 2004: 121–133]. К примеру, интринсистически агрессивной является не только номинация *придурки*, но и модифицированная агрессивная номинация *так называемые беженцы* [см. пример из Главы 2]. Такие номинации выстраивают эксплицитно агрессивные аргументы, то есть их употребление уже само по себе является актом агрессии, и к тому же их употребление может легитимировать дальнейшую агрессию по отношению к обозначенным референтам. За агрессивными аргументами непосредственно следуют агрессивные правила умозаключения: например, кто является придурком, тот не прав; кто является так называемым беженцем, тот не настоящий беженец и не нуждается в помощи; кто является так называемым беженцем, тот не настоящий беженец и поэтому его можно презирать и т. д. Такими же агрессивными являются предикаты *насколько же вы больные, вы разжигаете ненависть* из того же примера [<https://www.facebook.com/wirsinduebigau/> – Доступ: 10.07.2017. – Пер. с нем.].

Функционирование девальвирующих номинаций в рамках агрессивных аргументов можно проиллюстрировать примером из последнего сочинения русского философа Владимира Сергеевича Соловьёва (1853–1900) «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», изданного в 1899 году и изданной в 1900 году. Данное сочинение отражает дискуссию, в которой участвуют следующие лица: либеральный политик, консервативный и поддерживающий монархию генерал, князь и убеждённый пацифист (предполагаемо, Лев Николаевич Толстой), а также господин Z. (прототип самого автора). Дискуссия разворачивается вокруг заявленных в названии сочинения тем и модерируется некой дамой. В первом разговоре генерал, защищая войну и военных, рассказывает историю из кавказской кампании русско-турецкой войны

1877-1878 гг. В одной сожжённой армянской деревне он стал свидетелем нечеловеческих преступлений башибузуков, иррегулярных военных отрядов Османской империи, которых в скором времени смог догнать, окружить и полностью уничтожить с помощью своей армии. Заупокойная служба по своим погибшим осталась в памяти генерала как светлое, священное таинство [Соловьёв 1988: 660-664]. После вдохновлённого рассказа князь спрашивает генерала, как же его войско поступило с погибшими противниками:

Генерал. Ну, слава Богу, что мы успели двинуться дальше прежде, чем эта падаль не стала о себе напоминать.

Дама. Ах, вот и испортили все впечатление. Ну, можно ли это? Генерал (обращаясь к князю). Да чего бы вы, собственно, от меня хотели? Чтобы я давал христианское погребение этим шакалам, которые не были ни христиане, ни мусульмане, а черт знает кто? [Соловьёв 1988: 664].

Отказ хоронить погибших врагов подаётся не как абсолютно правильное действие, которому не существует никакой альтернативы (как если бы было необходимо сразу же после победы над врагами скрыться с поля боя в безопасное место, или если бы подобное жестокое обращение с врагами даже после их смерти было обязательным правилом). И всё же генерал не соглашается с осуждением его решения не хоронить погибших врагов («Да чего бы вы, собственно, от меня хотели?») по двум причинам: во-первых, из-за их предыдущих нечеловеческих преступлений, на основании которых он и называет их *шакалами*, а во-вторых, из-за их неясной религиозной принадлежности («ни христиане, ни мусульмане, а черт знает кто»), что имплицитно позволяет отказать им в погребении. *Шакал* – это не просто грубое ругательство в сторону того, кто совершил ужасные преступления. Поскольку шакалы не обитают в России, оно также указывает на абсолютную чуждость этих преступников. В данном контексте использование по отношению к башибузукам номинации *шакалы* и замечание, что они не принадлежат ни к одной из основных религий, выводит их за пределы человеческого общества. Генерал не чувствует необходимости упоминать об их деяниях, ведь номинация (*шакалы*) и предикат (*ни христиане, ни мусульмане*) являются для него достаточными аргументами, оправдывающими его собственные действия. В данном случае как номинация, так и предикат, выражающие также

мотивацию к агрессии (некий комплекс из запугивания, мести и отвращения), представляют собой агрессивные аргументы в пользу оправдания совершённого агрессивного действия. Следовательно, оправдание агрессии само по себе является актом агрессии.

Воспоминания об ужасной картине, свидетелем которой он стал, мотивируют генерала на употребление слова *шакалы*. Его возмущение («Да чего бы вы, собственно, от меня хотели?») тоже вполне понятно и оправдано, ведь воспоминания погружают его в экзистенциальное состояние психического конфликта, завязанного не только на понимании жизни и смерти, но и понимании мучений, пыток, страданий и сомнений. Но бывают и обратные ситуации. Употребление экзистенциально девальвирующих обозначений или экстремально негативных предикаций может провоцировать экзистенциальные ситуации. Так, к примеру, название кого-либо террористом может породить атмосферу смерти, страданий и преступлений, в рамках которой собственные акты насилия будут безусловно оправданными. Подобный эффект имело высказывание Владимира Путина в сентябре 1999 года (за несколько месяцев до его назначения и. о. президента России), когда он пообещал, что террористов (в том историческом контексте – чеченских) будут «мочить в сортире» [Вепова 2002: 167; Fleischmann 2010: 341–342]:

Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймаем, мы и в сортире их замочим, в конце концов. Всё, вопрос закрыт окончательно [<https://ria.ru/politics/20080507/106744531.html>] – Доступ: 11.03.2018].

Эта фраза стала очень известной, и ей даже посвящена отдельная страница в Википедии. Вопрос о том, насколько уместен тюремный жаргон для политика такого высокого уровня, уже множество раз обсуждался [Литневская 2010], но стилистика политической речи здесь стоит на втором плане. Более важно то, что предупреждение о будущих действиях одновременно является их убедительной предварительной легитимацией. Любой даже самый brutalный акт насилия будет оправдан, если он функционально достиг намеченной цели, ведь жертва этого насилия – совсем не жертва, а террорист, который должен быть уничтожен. Поэтому во Второй чеченской войне, которая началась за месяц до того, как были про-

изнесены эти исторические слова, были легитимированы все возможные военные действия.

Техника активации фреймов (когнитивных структур, фиксирующих и предлагающих реципиенту определённые знания и способы интерпретаций [Lakoff / Wehling 2009: 73]), в рамках которых реципиенты должны будут воспринимать, понимать и акцептировать все дальнейшие действия и события, успешна именно потому, что она не только добивается согласия реципиентов, но и вызывает у них чувство тревоги. В качестве исходного пункта здесь можно говорить о принципе *языкового релятивизма* Эдварда Сепира и Бенджамина Ли Уорфа, который Джордж Лакофф и Элизабет Веллинг описывают следующим образом:

Sprache kann unsere Wahrnehmung von der Wirklichkeit bestimmen und wird damit zur Grundlage politischen Handelns. Hat sich erst einmal die Auffassung von Terroristen als niederen Kreaturen in unseren Köpfen gefestigt, so liegt der nächste Schritt eines inhumanen Umgangs mit diesen Menschen, nur einen Steinwurf entfernt [Lakoff / Wehling 2009: 115].

Язык может определять наше восприятие действительности и в результате становится основой политических действий. Как только в наших головах закрепился образ террористов как низжайших созданий, то до следующего этапа, позволяющего любое антигуманное обращение с этими людьми, подать рукой [Lakoff / Wehling 2009: 115 – Пер. с нем.].

Данный эффект легитимации неразрывно связан с эффектом тревоги, который Дж. Лакофф и Э. Веллинг описывают на примере риторики Джорджа Буша младшего:

Die Bezeichnung ‚Krieg gegen den Terror‘ hat nicht das Ziel, jemandem Angst zu nehmen; sie dient dem Ziel, Angst zu schüren. Dahinter steht ein simpler kognitiver Mechanismus. Nehmen wir an, Sie sagen einem Menschen: ‚Hab keine Angst!‘ Was passiert? Der Mensch bekommt Angst. Denn das Negieren eines Frames erweckt den Frame [Lakoff / Wehling 2009: 121].

Обозначение «война против террора» не преследует цель избавить кого-либо от страха; оно призвано сеять страх. За этим скрывается простой когнитивный механизм. Представьте, Вы

говорите какому-то человеку: «Не бойся!» Что затем происходит? Он начинает бояться. Поскольку отрицание фрейма сти-мулирует фрейм [Lakoff / Wehling 2009: 121. – Пер. с нем.].

В связи с этим следует заметить, во-первых, что страх и отвращение могут быть вызваны отрицанием фрейма (например, призывом «Не бойся!») только при условии, что ни страха, ни других негативных чувств до этого не было. В этом смысле ни Владимиру Путину, ни Джорджу Бушу младшему не нужно было вызывать у граждан чувство страха, поскольку террористические акты уже состоялись, и война (в Чечне) уже началась. Но их высказывания способствовали усилению тревожной атмосферы и ощущения угрозы в обществе. Во-вторых, следует заметить, что о справедливости и правомочности употребления номинации *террористы* следует судить в каждом случае отдельно. Кем был идейный вдохновитель Крестьянской войны в Германии XVI века Томас Мюнцер (1489-1525) – террористом раннего нового времени или борцом за свободу и революционером? Атаки отчаяния, которые индейцы племени апачи под предводительством Джеронимо (1829-1909) в 60-х годах XIX века предпринимали против армии США и против поселенцев, – это были акты сопротивления или терроризма? Таким образом, обозначение *террорист* всегда политически опосредовано, поскольку исключает возможность интерпретировать акты насилия как легитимные. Югославских и итальянских партизан, французское сопротивление во время Второй мировой войны мы не называем террористами, потому что они боролись против национал-социализма, а значит, действовали легитимно. Констатация акта насилия, без которого назвать человека *террористом* в принципе семантически невозможно, ещё не является достаточной мотивацией для использования этой номинации. Ещё необходимо оценить легитимность этого акта насилия, и его оценка даже более важна, чем характер самого акта [см.: Глава 3.3.]. Поэтому террористы – это всегда «другие», «враги». Этим утверждением в 1991 году Ноам Хомский начал одну из своих медиа-политических критических статей: «Мы начинаем с тезиса, что терроризм – это сфера ответственности определённых официально признанных врагов» [Chomsky 1991: 12; см. также: Чернявская / Молодыхенко 2017: 54-55]. В упоминаемых ранее исторических примерах, в которых террор оправдывается как действие, совершаемое собственной группой – во время Великой французской революции и Гражданской войны в России [см.: Глава 4.5. Аргументация в языке] – в каждом

случае речь идёт об оправдании террора особыми обстоятельствами, которые не оставляли никакого другого выбора. В этих примерах террор представляется необходимым условием выживания.

Употребление в речи номинации *террорист* неизбежно актуализирует оппозицию «Мы – Другие», где последние представляются воплощением абсолютного зла, перед которым не нужно оправдываться. Если необходимо декларировать кого-либо как врага (как внешнего, так и внутреннего), то обвинение его в терроризме – это очень эффективное средство. Это показательно проявляется в сегодняшнем глобальном обвинении в терроризме. Например, в Турции и в других тоталитарных и полутоталитарных государствах существуют «террористы», террористическую деятельность которых никак невозможно доказать, то есть слово *террорист* используется практически синонимично *противнику режима*. Называние таких противников режима *террористами* становится аргументом в пользу легитимации их беспощадного преследования. В Сирийской войне практически все воюющие группы называют друг друга террористами, а с точки зрения актов насилия как таковых сложно сказать, кто же выступает худшим террористом: атакующие с воздуха российско-сирийские бомбардировщики или воюющие на земле различные антирежимные группировки. Список примеров можно продолжить, но все они показывают одно: слово *террорист* делегитимирует действия противника и легитимирует собственные действия против него, то есть используется как аргумент, оправдывающий акты насилия. Поэтому, как и взаимное обвинение в пропаганде [см. выше], обвинение в терроризме является показательным маркером современных смысловых войн во всём мире, к которым относится и война на востоке Украины [Тараненко et al. 2016; см. также Van Herpen 2016]. Со стороны Украины она официально называлась *анти-террористической операцией*, а с 30.04.2018 – *операцией объединённых сил*. Противоположная сторона и её российские союзники в самопровозглашённых Донецкой и Луганской народных республиках говорят о *защите родины* и *ополчении*. Когда в начале 2014 года произошла эскалация протестов на киевском Майдане, в российской бульварной газете «Вечерняя Москва» появился заголовок:

Террористы с Майдана. Кровавый Рубикон пройден [<http://vm.ru/news/2014/01/22/terroristi-s-majdana-krovavij-rubikon-projden-231984.html> – Доступ 04.08.2018].

Терроризм – это всегда удел «Других». Подобная война номинаций не ограничивается одним словом. Она, как правило, полностью пронизывает репрезентацию событий, и негативная атрибуция врага всегда дополняется другими приёмами. Одновременно с этим позитивные самоназвания очень редко бывают изолированными и чаще всего выстраивают комплексную систему позитивной самопрезентации. Таким образом, с одной стороны, Евромайдан – это *Революция достоинства* и *Народная революция*, а с другой стороны, *терроризм*, *незаконный* и *насильственный переворот*. В речах Арсения Яценюка, Петра Порошенко, Сергея Лаврова и Владимира Путина на 69 Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2014 года и 70 Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2015 года, которые были подробно проанализированы Клаудией Радюнцель [см.: Radünzel 2017], противоположность номинаций оказалась более чем очевидной. В 2014 году занимавший в то время пост премьер-министра Украины Арсений Яценюк говорил о «терроризме» («terrorism» – англ.), «террористах» («terrorists» – англ.), «управляемых Россией террористах» («Russian-led terrorists» – англ.), а также о «военном вмешательстве со стороны Российской Федерации» («invasion that was made by Russian Federation» – англ.), описывая события на востоке Украины, и о «противозаконной аннексии» («illegal annexion» – англ.) в отношении Крыма [Яценюк 2014]. Те же выражения использовал Пётр Порошенко на 70 Генеральной Ассамблее ООН в 2015 году: война на территории восточной Украины была для него результатом «внешней агрессии» («external aggression» – англ.), «открытой и неспровоцированной агрессией» («open and unprovoked aggression» – англ.), «агрессивной войной против моей страны» («aggressive war against my country» – англ.) и «террористической атакой» («terrorist attack» – англ.) [Poroshenko 2015]. Как и следовало ожидать, совершенно другой взгляд на события был у российского министра иностранных дел Сергея Лаврова. В 2014 году свою речь в ООН он начал с тотального обвинения «западного альянса во главе с США» во всех кризисах и войнах, начиная с войны в Югославии, Сирии и вплоть до событий в Украине. Предшествующие события в Украине он назвал «государственным переворотом», а их протагонистов – «самопровозглашёнными киевскими властями». Уже самым этим названием он косвенно оспорил их легитимность и, в том числе, право Арсения Яценюка представлять интересы Украины в ООН. Конфликт на востоке Украины он назвал «внутренним конфликтом», а не «вой-

ной». Аннексию Крыма с последующим референдумом Сергей Лавров охарактеризовал как «выбор в пользу самоопределения» [Лавров 2014]. Как и президент Пётр Порошенко в сравнении с премьер-министром Арсением Яценюком, Владимир Путин также обострил тон своей речи в сравнении с Сергеем Лавровым и в сентябре 2015 года говорил уже о «вооружённом перевороте в Киеве» и о «гражданской войне на востоке Украины», а его требования «уважения к выбору» относилось уже не только в Крыму, но и к Донецкой и Луганской областям [Путин 2015с].

Подобные перспективные обозначения с лёгкостью выполняют функцию оправдательных аргументов. Почему Российская Федерация не только могла, но и должна была совершить крымскую интервенцию, Владимир Путин обосновал в контексте Евромайдана, который из мирных, вполне обоснованных протестов превратился в насильственный переворот и привёл к террору, убийствам и погромам. Главных актёров нового политического курса Украины российский президент обозначил целым каскадом девальвирующих номинаций: *националистами, неонацистами, русофобами и антисемитами*:

Повторю, хорошо понимаю тех, кто с мирными лозунгами вышел на майдан, выступая против коррупции, неэффективного госуправления, бедности. Права на мирный протест, демократические процедуры, выборы для того и существуют, чтобы менять власть, которая не устраивает людей. Но те, кто стоял за последними событиями на Украине, преследовали другие цели: они готовили государственный переворот очередной, планировали захватить власть, не останавливаясь ни перед чем. В ход были пущены и террор, и убийства, и погромы. Главными исполнителями переворота стали националисты, неонацисты, русофобы и антисемиты. Именно они во многом определяют и сегодня еще до сих пор жизнь на Украине [Путин 2014а].

После подобной репрезентации обстоятельств несложно сделать вывод о необходимости защитить от этой «дикой орды» многочисленную часть русского народа в Крыму и в Украине, который после развала Советского Союза стал «самым большим разделённым народом в мире», – как утверждает В. Путин [там же]. Поэтому присоединение Крыма к России вполне можно сравнивать с воссоединением Германии. Поскольку Россия способствовала её вос-

соединению, то именно граждане Германии, как никто другой, должны поддержать «стремления русского мира, исторической России к восстановлению единства» [там же].

В данной речи, составленной из ключевых оправдательных аргументов, на смену универсальным, выходящим за рамки актуальных событий, легитимирующим утверждениям приходит недвусмысленная девальвация постулируемого противника и врага, чтобы затем снова смениться дружественными признаниями и поиском взаимопонимания и одобрения. Изменение границ милитаристским путём – это несомненный акт агрессии, но стратегия речи В. Путина заключается в том, чтобы представить происходящее не как агрессию, а, наоборот, как защитные меры и как попытку приостановить предшествующую агрессию и пережитую несправедливость.

Чем сильнее конфликт, тем более интенсивную смысловую войну он порождает [Тараненко et al. 2016]. В этой смысловой войне одним и тем же объектам контрагенты приписывают противоположные аксиологические качества. Российско-украинский конфликт и война это отчётливо показали. С точки зрения своего гибридного характера – это война людей, слов и медиа, как утверждает лингвист Борис Норман [Норман 2015], а также война, которая лингвистически инструментализируется в медиа, как пишет коммуникативист Елена Тараненко [Тараненко 2016]. Базисом смысловой войны является строгая поляризация всех объектов референции по парадигме «Мы – Они», причём это осуществляется путём приписывания негативно коннотируемых признаков лингвистического и экстралингвистического характера [ср.: Новосёлова 2016: 98–99].

Данная оппозиция аксиологически положительных «Мы» и аксиологически отрицательных «Они» (или «Другие») во всех конфликтах выстраивается по одной и той же модели и отличается только спецификой того, кто именно в этот раз будет «Мы», а кто – «Они». Елена Шейгал в книге «Семиотика политического дискурса» привела целый перечень стереотипных оппозиций агрессивных националистических и даже отчасти расистских дискурсов, которые не только использовались в прошлом, но и остались актуальными в начале XXI века в рамках дискурса о «кавказской национальности» [Шейгал 2004: 126]:

- а) мы белые, высокие, голубоглазые; они смуглые, низкорослые; б) наш мир – это свет, у нас светло-солнечное мироощу-

щение; у них – тусклый мирок, талмудическое пространство тьмы; в) мы устремлены вперед, в будущее – они пятятся назад, в прошлое; г) мы красивые, чистые, одухотворенные; они – уроды; д) мы полноценные, они – выродки, ущербные, болезненные, неполноценные; е) мы нравственные, благородные, доброжелательные; они подлые, безнравственные, злобные; ж) для нас характерна острота ума, сила духа, лихость, честность; для них – изворотливость, наглость, коварство, склонность к жульничеству [Шейгал 2004: 126–127].

В рамках смысловой войны обе стороны российско-украинского конфликта выстроили эквивалентные оппозиции, наполненные в первую очередь агрессивными номинациями [Норман 2015; Тараненко 2016; Белов 2016]. Наиболее известными агрессивными номинациями, используемыми украинской стороной по отношению к вражескому лагерю, являются: *ватники* (= люди, которые носят определенную модель утепленных ватой курток) – русские националисты, метонимически девальвированные с помощью определённого типа одежды [Норман 2015; Новосёлова 2016, 98–99]; исторические этнофолизмы *москаль*, *москали* и *кацап* (от «как цап», т. е. от метонимического производного по признаку «козлиной бородки», которую носили русские в XVII веке); *колорады* – двойная аллюзия на колорадских жуков и цвета Георгиевской ленты; *сепары* – сокращённое от сепаратисты; *федерасты* – композита от слияния слов *федерация* и *педерасты*. Распространёнными ответными оскорбительными номинациями украинцев являются: *хохол*, *хохлы* – метонимия от названия казацкой причёски; *майдауны* – композита от слияния слов *майдан* и *синдром Дауна*; *укропы* – пренебрежительное сокращение от *укропатриота* (*украинского патриота*), которое впоследствии было деконнотировано украинской стороной и начало использоваться как положительное самоназвание [см. выше Глава 4.2.; Тараненко 2016: 16]; *фашисты*, *бандеровцы* и уже упомянутые выше *бандерлоги* или *бендерлоги* – слияние обезьяньего народа из «Книги джунглей» Редьярда Киплинга и *сторонников Степана Бандеры* или *людей типа Остапа Бендера*. Причём в последнем случае и от тех, и от других не стоит ожидать ничего хорошего. В процитированной выше статье сайта *ukraina.ru*, рассуждая о том, почему не следует ненавидеть украинских националистов (см. Глава 4.3.), автор Андрей Манчук говорит об «Остапах Бендерах» и «Степанах Бандерах»:

[Они] совсем уже карикатурные проходимцы, Остапы Бендеры от Степана Бандеры, превратившие патриотизм в выгодный высокодоходный бизнес. Все они в полной мере заслужили антипатию своих соотечественников, и могут винить в этом только самих себя [Манчук 2018].

Уже одно референциальное употребление всех данных номинаций потенциально может служить оправданием агрессивных действий по отношению к объектам номинации.

В отличие от слова *террористы*, подобные метафористические обозначения не нуждаются в обязательном обсуждении правильности оценки, выраженной в номинации. Они являются чистыми девальвациями, легитимирующими агрессивные действия в отношении тех, к кому применяются данные номинации. В истории человеческого насилия такие обозначения имеют долгую традицию: нам известны значения слов *нигер*, *косоглазый*, *макаронник*, *лягушатник*, *чурка*, *фриц* и т. д. и стоящие за ними контексты. Для тоталитарных режимов характерно употребление метафоры смерти, фекалий и болезни, даже в их смягчённой форме, а также девальвирующей животной метафоры по отношению к «Другому» с целью его оскорбить и унижить, как это показал Даниэл Вайс на примере риторики Никиты Хрущёва [Weiss 2000b; ср. также: Kummer 2000]. Существует множество экстремальных примеров проявлений тоталитаризма, таких как судебные речи немецкого нацистского деятеля и председателя Народной судебной палаты Роланда Фрейслера, идеологические обоснования массовых репрессий советского государственного обвинителя Андрея Вышинского и др. Принципиально здесь то, что если жертвы так называемых «чисток» называются «погаными псами», которых необходимо расстрелять – как в часто цитируемом высказывании А. Вышинского, – то это, как нам известно, была не просто тоталитарная метафорика, а оглашение и легитимация предписанных государством убийств:

Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продававших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов!
Требует наш народ одного: раздавите проклятую гадину! [Вышинский 1955: 511].

То, что обвинения *изменников* и *шпионов* были абсолютно фиктивными, а их оскорбления *погаными псами* и *проклятой гадinouй* – исключительно произвольными, не нуждается в дополнительных разъяснениях. Этот пример остался бы только ретроспективным взглядом на ужасы истории, если бы подобная риторика не стала снова актуальной. В последние годы Россия, как минимум на уровне официальной и полуофициальной (медийной) риторики, снова оказалась наполнена внешними и внутренними врагами: ЕС, НАТО, Запад в целом и его сообщники в соседних государствах (в особенности, в Украине), гомосексуалисты и феминистки, угрожающие русским семьям и, следовательно, целому народу [Sperling 2015: 54–55], криптофашисты, притворяющиеся демократами [там же: 115–116], Пятая колонна, подрывающая целостность государства [Шарлай 2018] и т. д. Таким образом в медиа и в политической риторике инсценируется тотальная угроза, легитимирующая любые ответные действия.

Случай, когда спорный и агрессивный тезис не подлежит обоснованию, а используется как необоснованный аргумент, является типичным для конфликтной, агрессивной и пропагандистской аргументации вплоть до речевого разжигания ненависти. К их языковым инструментам относятся адверсативные и дизъюнктивные синтаксические конструкции, недвусмысленная аксиологическая поляризация добра и зла, хорошего и плохого, правильного и неправильного и т. д. В процитированной выше речи Дональда Трампа [см. Глава 2] функция подобного риторического противопоставления состоит в полной девальвации всего политического истеблишмента в целом и предыдущего политического курса, а также в обосновании необходимости радикальных политических изменений:

The establishment protected itself, but not the citizens of our country; (...) an education system, flush with cash, but which leaves our young and beautiful students deprived of knowledge; and the crime and gangs and drugs that have stolen too many lives and robbed our country of so much unrealized potential [Trump 2017].

Истеблишмент защищал себя, но не граждан страны; (...) система образования переполнена деньгами, но наши молодые и великолепные студенты лишены знаний; и преступность, и криминальные группировки, и наркотики, укравшие слиш-

ком много жизней, украли у нашей страны ее нереализованный потенциал [Trump 2017 – Пер. с англ.].

Также для агрессивных тезисов, функционирующих как агрессивные аргументы, характерны *девальвирующие предикаты*, приписывающие противнику предосудительные действия:

Такова демократия по-украински. Так в Славянске украинская армия убивает народ Донбасса [цит. по: Taranenko 2016: 25].

Украинские матери, не отводите глаза, вот что ваши сыновья делают с мирными людьми Донбасса [цит. по: Taranenko 2016: 25].

В данных примерах предикаты «убивать» и «делать с мирными людьми» выражают и обосновывают недвусмысленно негативное оценивание действий украинской власти.

В смысловой войне, как и ожидается, обе противоборствующие стороны пользуются аналогичными формами аргументации. В следующем примере с помощью конструкции «по заветам Сталина» военные действия сепаратистов маркируются как бесчеловечные, что, в свою очередь, может пониматься как не прямое оправдание любых военных контрмер:

По заветам Сталина. Российское оккупационное командование издало приказ «Ни шагу назад!» [цит. по: Taranenko 2016: 25].

В предикатах трёх предыдущих примеров посредством негативного оценивания поступков противника выражается моральное негодование. Подобное морализаторство – также нередкий феномен агрессивных аргументаций. При этом не имеет значения, насколько искренними или фиктивными являются моральные упрёки, ведь не сам по себе упрёк или негодование составляет суть квесцио и нуждается в обосновании. То есть они являются не предметами агрессивной риторики, а её средствами. Такое имплицитное отрицание спорности может быть настолько сильным и убедительным, что даже реальное положение вещей, приводимое как контраргумент, не может уменьшить его воздействие. Так, обвинения украинцев в фашизме, выраженные на крымском плакате или в речи В. Путина 18 марта 2014 года, воздействуют очень эффек-

тивно, хотя одновременно с этим, как утверждает историк стран Восточной Европы Эндрю Уилсон, пророссийские силы более соответствуют критериям фашистских действий: «По факту, именно про/российская сторона более чем реально представляется фашистской» [Wilson 2014: 126 – Пер. с нем.]. Реальность в этом случае не имеет никакого влияния на акты оправдания.

5.5. Конвергентные агрессивные аргументы: поэто-политическая война

Одним из самых ярких примеров, в котором аккумулированы агрессивные предикаты, функционирующие как аргументы в пользу агрессивного тезиса, является знаменитое стихотворение Анастасии Дмитрук «Никогда мы не будем братьями» [см. также: Stahl 2015; Kemnitz 2017], опубликованное как видеоролик в марте 2014 года на Facebook и вскоре ставшее «гимном Майдана» (Рис. 48).

Рис. 48: «Никогда мы не будем братьями»

Название формулирует антитезис по отношению к российской и, прежде всего, путинской риторике семейных и братских отношений, а всё стихотворение обосновывает данный тезис путём аккумуляции конвергентной аргументации с однозначными аксиологическими оппозициями: украинцы – *свободные, бесстрашные, мятежные*, а русские – *подневольные, безликие, лицемерные*:

НИКОГДА МЫ НЕ БУДЕМ БРАТЬЯМИ

Анастасия Дмитрук

Никогда мы не будем братьями!
 Ни по родине, ни по матери.
 Духа нет у вас быть свободными —
 нам не стать с вами даже сводными.
 Вы себя окрестили «старшими» —
 нам бы младшими, да не вашими.
 Вас так много, а, жаль, безликие.
 Вы огромные, мы — великие.
 А вы жмете... вы всё маетесь,
 своей завистью вы подавитесь.
 Воля — слово вам незнакомое,
 вы все с детства в цепи закованы.
 У вас дома «молчанье — золото»,
 а у нас жгут коктейли Молотова,
 да, у нас в сердце кровь горячая,
 что ж вы нам за «родня» незрячая?
 А у нас всех глаза бесстрашные,
 без оружия мы опасные.
 Повзрослели и стали смелыми
 все у снайперов под прицелами.
 Нас каты на колени ставили —
 мы восстали и всё исправили.
 И зря прячутся крысы, молятся —
 они кровью своей умоются.
 Вам шлют новые указания —
 а у нас тут огни восстания.
 У вас Царь, у нас — Демократия.
 Никогда мы не будем братьями
 [http://dmytruk.com.ua/nykohda-myi-ne-budem-bratyamy/ –
 Доступ: 09.08.2018].

Данное стихотворение с его агрессивными аргументами, однозначно поляризующими «своих» и «чужих» и враждебно направленными против последних, вызвали целую волну не менее агрессивных поэтических ответов, которые в своей совокупности образовали *вирусный поэто-политический дискурс (viral poet-*

politischer Diskurs – нем.) по старому образу поэтических диалогов между поэтами [Stahl 2015: 444].

Поэто-политические ответы на стихотворение А. Дмитрук представляют собой про- и контр-обоснования в ответ на первоначальный тезис «Никогда мы не будем братьями». Они не просто выражают согласие или несогласие с тезисом, а дополнительно обосновывают или опровергают его. Помимо прямых *опровержений* этого тезиса посредством антитезиса о продолжающемся братстве украинского и русского народов и соответствующих подходящих контраргументов, в данном дискурсе наблюдается взаимообмен антирусскими или антиукраинскими аргументами в поддержку тезиса А. Дмитрук, а также аксиологическое реверсирование аргументов (то, что изначально было подано отрицательно, будет оцениваться положительно и наоборот). Особенного внимания заслуживают именно формы аргументативного согласия с агрессивным тезисом, среди которых можно выделить: (1) формы *негативного согласия* – я СОГЛАСЕН С ТЕЗИСОМ, НО НЕ СОГЛАСЕН С АРГУМЕНТАМИ. Я ПРИВОЖУ ДРУГИЕ АРГУМЕНТЫ; (2) формы *позитивно-негативного согласия* – Я СОГЛАСЕН И ТЕЗИСОМ, И С АРГУМЕНТАМИ, НО ОЦЕНИВАЮ АРГУМЕНТЫ ИНАЧЕ.

Один из примеров негативного согласия следует непосредственно за стихотворением А. Дмитрук на поэтическом сайте *stihi.ru*. Автор этого стиха, подписавшийся как *Владимир Солженицын*, в экстремально воинственной манере объединяет агрессивные номинации с агрессивными предикатами:

МЫ НЕ БРАТЬЯ БАНДЕРОВСКИМ РОЖАМ
(Песня. Автор и исполнитель в ролике не указаны)

Мы не братья бандеровским рожам,
мы не братья убийцам людей,
чьи дела и поступки безбожны,
кто носитель фашистских идей. (...)
[<https://www.stihi.ru/2015/11/09/4971> – Доступ: 10.12.2017].

Автор подтверждает тезис о том, что украинский и русский народ – это не братские народы, но приводит аксиологически противоположные аргументы. Он возражает А. Дмитрук и отрицательно оценивает революцию в Украине, её актёров и политические последствия. Таким образом, тезис формулируется как не прямой ответный упрёк.

В своём «Ответе украинской девочке Насте Дмитрук на её стихи «Никогда мы не будем братьями»» русский певец Юрия Лоза также отвергает любую родственную связь с А. Дмитрук и её единомышленниками. В этом негативном согласии Лоза пускает в ход обвинение в фашизме и утверждает, что русский и украинский народ действительно никак не могут быть братьями, но именно потому, что украинцы – фашисты с рождения:

Вас растили, наверное, не матери,
И не с сестрами, и не с братьями,
Вам фашистскую, черную свастику
При рождении дарили каратели.
С детства вам забивали головы
Профашистскими «супер-героями»,
Вот и жжете коктейли вы Молотова,
А не учите Правду истории...
[<https://www.liveinternet.ru/users/5358879/post321210249/>
– Доступ: 26.03.2018].

Следующее обвинение Ю. Лозы и вместе с тем следующий аргумент, доказывающий, почему тезис А. Дмитрук действительно правильный, – это обвинение украинцев в предательстве, который со времён восстания гетмана Ивана Мазепы (1639–1709) против Петра Первого принадлежит к негативным стереотипам об украинцах [Kappeler 2017: 63–66]:

Вы давно свои земли продали!
Вы и предков своих тупо предали.
[<https://www.liveinternet.ru/users/5358879/post321210249/>
– Доступ: 26.03.2018].

Из этого обвинения следует, что А. Дмитрук и её сторонники не любят Украину, что они нацисты и вообще не имеют права называться украинцами:

Украину вы вовсе не любите!
И святыни её не цените!
Если сук свой отцовский рубите!
Если Родину свастикой метите!
Никогда вы не будете братьями!

Нам – нацисты – враги беспородные,
И не смейте себя, предатели,
Называть Украинцами кровными [там же].

В конце своего стихотворения Юрий Лоза разделяет украинцев-изменников и настоящих украинцев.

В целом ряде стихотворений конверсивные про- и контраргументации базируются на подобном топосе разделения, бинарный характер которого мы уже рассматривали на примере фиктивных географических карт. По аналогии с картами, в поэто-политическом дискурсе Украина разделяется на «плохую» – фашистскую и предательскую, и «хорошую» Украину, которая считается частью русского мира. В этой же концепции написано опубликованное пользователем *Dino MC47* на сайте *Wikirap.ru* ответное стихотворение «Никогда мы не будем братьями (ОТВЕТ)». В нём автор негативно соглашается с тезисом А. Дмитрук и своё согласие обосновывает обвинением украинцев в предательстве и их ложными представлениями о демократии. Защищаемые А. Дмитрук ценности девальвируются и объявляются антиценностями:

Никогда мы не будем братьями
Вы звёзды героев даёте предателям
То законами, то по понятиям
Вы пугаете нас демократией
[<http://wikirap.ru/lyrics/3463-dino-mc47-otvet-na-stih-nikогда-my-ne-budem-bratiyami> – Доступ: 26.03.2018].

Иногда согласие с аргументами А. Дмитрук обыгрывается иронично:

Москали мы, кацапы мы, ватники,
Мы рабы вечно пьяно-голодные,
Не друзья мы вам, не соратники,
Раз вы люди такие свободные [там же].

Как видим, в данном примере тезис подтверждается, но аргументы опровергаются. То есть речь идёт также о негативном согласии. Интересно (и в целом для анализируемого поэто-политического дискурса необычно), что здесь появляется аргумент пропаганды, тотально затуманившей разум. Причём не только Анастасии

Дмитрук и сторонникам Майдана, но и пророссийской стороне, противникам Майдана и самому автору *Dino MC47*, как это вскользь упоминается в стихотворении:

Говорите, у нас нету духа?
Вы, наверное, просто забыли.
В головах у всех нынче разруха
Сплошь пропаганда, покрытая пылью [там же].

В конце появляется мотив некоей другой Украины, отличающейся от сегодняшней Украины, чужой для автора и его коллективного «МЫ»:

Украина моя, незалежная,
Я же знаю, что ты не такая,
Но ты совсем теперь зарубежная,
Ты совсем теперь нам чужая [там же].

Стихотворение завершается своеобразным признанием в дружбе. «Дружественное» расположение к украинцам подчёркивается их приглашением в Крым, что в рамках этого отчасти ироничного стихотворения следует интерпретировать не иначе как издёвку:

Не хотите быть больше братьями
«ни по родине, ни по матери»,
Но а мы всё равно вас ждём с любовью в России
Приезжайте к нам в Крым, ласково просимы [там же].

С помощью деления Украины на правильную и хорошую, с одной стороны, и неправильную и злую (Украину Евромайдана), с другой стороны, негативное согласие с поэто-политическим тезисом А. Дмитрук может формулироваться в виде кажущегося противоречия. Так, автор Роман Дикусар (председатель Молодёжного парламента при Законодательном Собрании Севастополя) в своём стихотворении «Отвечает Крым» прямо аргументирует при помощи геополитических категорий, перекликающихся с фиктивными географическими картами:

Кто был нам братом – братом и остался,
не склонил головы, не сдался.

Как всегда стали бок-о-бок
 Крым и братский нам юго-восток.
 Не учите нас быть свободными,
 растоптав все законы народные.
 [http://strannik.biz/?p=1300 – Доступ: 17.12.2018].

Принципиальное несогласие с тезисом «Мы никогда не будем братьями», строящееся на соответствующих контраргументациях, выражается в постулировании нерушимых братских отношений между украинским и русским народами. Так, автор Юрий Ефременко, который является ведущим членом Молодой Гвардии, южной организации партии «Единая Россия», вступает в диалог с А. Дмитрук в своём видео, опубликованном на Youtube. В этом видео он читает свой «Севастопольский ответ на поэтическое обращение «Никогда мы не будем братьями» на фоне севавтопольского монумента в память о погибших в годы Великой Отечественной войны (Рис. 49):

Рис. 49: «Севастопольский ответ на поэтическое обращение «Никогда мы не будем братьями»

Он начинает с антитезиса, опровергающего тезис А. Дмитрук. Двойное отрицание *ни ... ни...* в стихотворении Дмитрук отражается в двойном утверждении *и... и...*:

Мы всегда с вами будем братьями
 И по родине, и по матери
 [http://www.youtube.com/watch?v=2INmW5-ugkk – Доступ: 26.03.2018].

Так же и Роман Дикусар в одной из строк своего ответного стихотворения уверяет в нерушимости единства украинского и русского народов и называет тех, кто отвернулся от этого единства, «несчастливыми» и «осколком страны прекрасной»:

Много нас на земле родимой,
 сто народов в семье единой,
 в чём-то разные, чем-то похожи,
 нас никто разделить не может!
 В чём завидовать вам, несчастным?
 Вы – осколок страны прекрасной
 самый красивый и дорогой –
 сейчас с протянутой рукой.
 [http://strannik.biz/?p=1300 – Доступ: 07.12.2018].

Роман Дикусар формулирует антитезис к тезису Анастасии Дмитрук и подкрепляет его внутренне циркулярным обоснованием «Мы – едины, и нас никто не может разделить». Все, кто не желают разделить эту точку зрения, в глазах Романа Дикусара предстают попрошайками.

В рамках развернувшего дискурса Юрий Лоза также формулирует антитезис, утверждая, что русские и украинцы принадлежат к одному этносу, аргументируя это тем, что в данном факте убеждён не только он, но и все его знакомые:

Я никогда не считал украинцев чужими, потому что как раз мать-то у нас, если говорить об истории этносов, одна. И, что самое удивительное, среди моих знакомых россиян нет никого, кто бы думал иначе [https://www.liveinternet.ru/users/5358879/post321210249/ – Доступ: 26.03.2018].

В конце своего выступления он еще раз настоятельно напоминает о братском отношении к украинцам, поучительно объясняет значение слова *демократия* и, подобно литературному крику, завершает в жанре разгромного критического отзыва, выделяя последний абзац текста жирным шрифтом (при цитировании выделение жирным шрифтом не сохраняется):

А теперь самое главное: не хотите быть братьями – дело ваше.
 Мы вас из братьев пока не исключали, никаких угроз в вашу сторону от нас не было и нет.

То, что мы помогли крымчанам высказать волю народа и поступить соответственно их воле – именно это и называется демократией (др.-греч. δημοκρατία – «власть народа», от δῆμος – «народ» и κράτος – «власть»), о которой вы неумело пытаетесь говорить.

Так что социально – плохонький получился текст, поэтическая составляющая вообще никуда не годится. Выкиньте вы эту «агитку» в мусорную корзину, большего она не заслуживает! [там же].

Менее безапелляционно, но от этого более эмпатийно, отвечает на сайте *livejournal.ru* автор Анна Гайдукова, продающая в своём интернет-магазине «Ностальгия» вязаные изделия ручной работы. В стихотворении «Мой ответ на стихи Насти Дмитрук «Никогда мы не будем братьями»» она выражает свою глубокую убеждённость в том, что украинцы и русские навеки останутся братьями:

Да навеки мы будем братьями,
И по Родине и по Матери,
И по Батюшке и по разуму
[<https://www.liveinternet.ru/users/4110034/post321935781/>
– Доступ: 26.03.2018].

Это стихотворение отличается патетическим и архаическим стилем. Уже в приведенной цитате видим экспрессивную частицу *да*, наречие *навек*, а также устаревшую лексику *батюшка*, означающую сегодня священника. В конце патетика стихотворения возрастает, а призыв к единству народов подкрепляется их непобедимостью:

Наши крови и судьбы единые,
Мы в ЕДИНСТВЕ НЕПОБЕДИМЫЕ!!! [там же].

В своём стихотворении А. Гайдукова выражает твёрдую уверенность в братстве русских и украинцев и тем самым противоречит центральному тезису А. Дмитрук. Её главный аргумент – это ценность единства, которое делает братские народы непобедимыми. При выражении этой идеи экспрессия автора достигает своей кульминации, что видно в её выделении заглавными буквами и несколькими восклицательными знаками. Между тем в стихотво-

рении расставляются аксиологические акценты, и страна делится на «хорошую» и «плохую» по принципу политических взглядов и убеждений:

Украина-Страна разная...
Украина Шевченко-Великая!
Украина Бандеры-безликая,
Украина майдана-продажная,
Украина Шахтеров-отважная! [там же].

При описании «хорошей» Украины активизируются стереотипные представления об украинском романтическом и единовременном боевом духе. Романтический дух воплощает Тарас Шевченко как национальный украинский поэт, а боевой дух – шахтёры Донбасса, под которыми в данном контексте могут пониматься как горнорабочие, так и игроки одноимённого футбольного клуба в Донецке (к этой двусмысленности приводит написание слова «Шахтерь» с большой буквы). «Плохую» Украину олицетворяет Степан Бандера и Евромайдан. Бандера несомненно оценивается как фашист, так что обвинение в фашизме, которое вместе с бинарным делением на «хорошую» и «плохую» Украину красной нитью проходит сквозь большинство поэтических ответов, обнаруживается и в этом стихотворении, хотя оно изначально постулирует братство украинского и русского народов. Таким образом, в середине стихотворения происходит поворот, и автор начинает негативно поддерживать тезис А. Дмитрук с оговоркой, что именно фашисты никогда не будут братьями:

Нам фашисты не будут братьями
Ни по совести ни по партии [там же].

Кроме того, автор утверждает, что сами сторонники Майдана, которых поддерживает А. Дмитрук, разрушают свою страну:

Вы же САМИ Страну РУШИТЕ!!! [там же]

Подобным образом аргументирует также автор Инна Гарбузова в стихотворении «Мы всегда с вами будем братьями!», опубликованном на сайте *stihi.ru*. В этом примере всё украинское правительство на скорую руку отождествляется с Правым сектором:

Мы всегда с вами будем братьями!
 Наш народ духовой!!! Не порвать его!
 Те, кто к власти дорвались – Кровавые!
 Уничтожили в вас дело правое!
 Дело правое – это сплочение!
 Не вводите себя в заблуждение!
 Правый сектор не прав - он кровав!
 [https://www.stihi.ru/2016/12/21/685 – Доступ: 26.03.2018].

Помимо обвинения в фашизме, украинцы обвиняются в предательском сговоре с «Западом» ради «его денег» и в подчинении «чужой силе», как это видно уже в предыдущих примерах: «Вы давно свои земли продали!», «Украина майдана-продажная» (см. выше). В следующем стихотворении, опубликованном на сайте *novosti-ru.ru*, это обвинение комбинируется с подавлением инакомыслия. Если в других стихотворениях неприязнь к западной демократии и ценностям свободы выражается преимущественно косвенно, то в этом стихотворении отвращение выражено прямо и обуславливает полное разделение мира на Запад и Восток:

«Свобода» ваша – это в том, что убивать
 Тех, кто под Запада «дуду» плясать не хочет,
 А по ночам «свободно» Раду штурмовать? –
 Ну да, зачем ещё нужны в Украине ночи!

В «евроворонку» с буквами «ЕС»
 «Свобода» ваша утечёт «свободно»...
 Ну, «интегрируйтесь», кто «правый» — браво, «йес»,
 И будет ВАМ «свобода» жить, как ИМ угодно!...
 [https://novosti-ru.ru/community/11448-na-temu-rusofobii-ob-ukrainskoy-poetesse-natsionalistke-anastasii-dmitruk.html
 – Доступ: 26.03.2018].

Бинарное разделение мира, которое наблюдается и у А. Дмитрук, но в данном примере маркируется противоположными аксиологическими ценностями, приводит к *позитивно-негативному* согласию, то есть к аксиологически полностью реверсированным тезисам и аргументам. Особенно часто реверсируются отчаянные строчки А. Дмитрук «У вас дома молчанье – золото, / а у нас жгут коктейли Молотова». Не удивительно, что её попытка представить «коктейли

Молотова» как положительную альтернативу российскому «молчанию» провоцирует обвинение и Майдана, и самой А. Дмитрук в насильственности. Так, Юрий Лоза в своём комментарии к её стихотворению задаёт закономерный вопрос:

И по-вашему, жечь «коктейли Молотова» в двадцать первом веке — не дикость и не варварство? [https://www.liveinternet.ru/users/5358879/post321210249/ – Доступ: 26.03.2018].

В своём ответном стихотворении он противопоставляет коктейли Молотова «правде истории»:

Вот и жжете коктейли вы Молотова,
 А не учите Правду истории...
 [https://www.liveinternet.ru/users/5358879/post321210249/
 – Доступ: 26.03.2018].

Часто встречающийся аргумент, что Евромайдан привел только к хаосу, насилию и несправедливости, играет в рамках поэто-политического дискурса ключевую роль. В этом смысле Юрий Ефременко «царя» приравнивает гуманности, а Майдан – насилию. В этом противопоставлении он также отталкивается от мотива коктейлей Молотова. Таким образом, аргументы А. Дмитрук толкуются аксиологически противоположно. Это на самом деле несложно, ведь по крайней мере один аргумент А. Дмитрук – коктейли Молотова – действительно невозможно коннотировать положительно.

Да, у нас дома «молчание – золото»,
 Для чего нам смеси убийства, – молотова?
 Когда надо у нас душа горячая,
 А сегодня, за Вас, плачем мы.
 Ненавижу я эту братию
 Что именует себя демократией
 У «царя» без жертв все обходится,
 А у вас? На каждого пуля находится!
 [http://www.youtube.com/watch?v=2INmW5-ugkk
 – Доступ: 26.03.2018].

Защищаемые А. Дмитрук ценности, такие как свобода, демократия и право на самоопределение, девальвируются разрушительным образом, а все характеристики, которые она в негативной перспек-

тиве приписывает русским, оцениваются положительно. Роман Дикусар в своем стихотворении подаёт их следующим образом:

Ваш враг русский язык и дедушка Ленин,
Уничтожая их, вы встали с коленей?
И после баррикад на площадях и в парках
Всем стало лучше жить при новых олигархах?
Обманывайтесь снова, день за днем,
Себе врагов придумывайте дальше
А мы тогда, пожалуй, прочь пойдём –
От бесконечных выборов, от фальши.
Что сила в правде, с детства нас учили,
Слова мы эти помним с братьями.
И дом родной наш мы не позабыли –
Лучше с Царем, чем с Псевдodemократией.
[<http://strannik.biz/?p=1300> – Доступ: 07.12.2018].

В данных строфах поэто-политическая аргументация Р. Дикусара снова представляет собой позитивно-негативное согласие. Он подтверждает тезис о том, что защищаемый Анастасией Дмитрук мир не имеет ничего общего с ценностями и миром её единомышленников, однако аксиология аргументов полностью реверсирована: демократия А. Дмитрук – это псевдodemократия, а значит, должна оцениваться отрицательно. А русский «царь» как минимум лучше этой псевдodemократии: «Лучше с Царем, чем с Псевдodemократией» [там же].

В завершение можно сделать вывод, что все три аргументативных типа поэтических ответов на стихотворение Анастасии Дмитрук – негативное согласие, противоречие и позитивно-негативное согласие – пронизывает один общий мотив: деление Украины на «хорошую» и «плохую». Данная оппозиция перекликается с представленными в предыдущей главе [см.: Глава 5.2.] фиктивными политическими картами, в которых преимущественно западные части Украины маркированы как фашистские. Посредством данного топоса разделения в рамках российско-украинского конфликта конструируется конкретный образ врага. Как правило, враг – это «чужой», поскольку именно чуждость легко вызывает чувство неуверенности и страха [Marchenko / Kurbatov 2016], но в российско-украинском конфликте враг – это отнюдь не «чужой». С точки зрения идеологии братского родства, а также с точки зрения

фиктивного географического деления Украины на западную и восточную части, этот враг и на фиктивных картах, и в политической коммуникации, и, наконец, в политической поэзии по-прежнему актуализируется как брат – но как брат, который желает жить иначе и отдельно, желает следовать собственным представлениями и намерениям. Следовательно, конструирование образа врага происходит по правилу КТО НЕ СО МНОЙ, ТОТ ПРОТИВ МЕНЯ.

5.6. Агрессивные правила умозаключения: топосы

По своей базовой форме правила умозаключения являются кондициональными. Если в классическом примере С. Тулмина о Гарри говорится, что он, вероятнее всего, является британским гражданином, поскольку родился на Бермудах, тогда правило умозаключения можно сформулировать следующим образом: ЕСЛИ КТО-ТО РОДИЛСЯ НА БЕРМУДАХ, ТО ОН, ВЕРОЯТНО, ЯВЛЯЕТСЯ БРИТАНСКИМ ГРАЖДАНИНОМ. Возможность сформулировать правило умозаключения в кондициональной форме – это предпосылка того, что пропозиция может функционировать как правило умозаключения. Но в то же время правила умозаключения могут формулироваться не в кондициональной форме. К примеру, сам С. Тулмин использует форму обычного утверждения в простом предложении: «A person born in Bermuda will generally be a British subject» («Родившийся на Бермудах человек будет, как правило, британским поданным» – с англ.) [Toulmin 2003 [1958]: 97]. Особенность данного примера, как уже описывалось выше, состоит в том, что он является валидным только в рамках действующего закона в определённый момент времени, то есть не универсальным, а обусловленным эпохой. Он касается актуальных знаний и определённого контекста. Тем не менее, содержания множества имплицитных правил умозаключений не обуславливаются ни временем, ни особым контекстом. По крайней мере, именно так они понимаются и транслируются аргументирующими субъектами. В таком случае следует говорить о топосах (др.-греч. τόπος; известных в понимании Аристотеля еще со времён античной риторики) или *общих мест* (лат. *locus communis*; известных в латинской риторике). Топосы – это элементарные предикаты, в которых формулируются вероятностные взаимосвязи обстоятельств [Ueding/Steinbrink 1994: 238-253; Kuße 1998: 361-401], например: *в больших городах загрязнённый воздух; русские говорят по-русски; немцы усердные*. Подобные высказыва-

ния имплицитно генерализации, благодаря которым они могут выступать в роли правил умозаключений в ходе аргументации. Например, «С твоей астмой я бы не советовал тебе жить в большом городе» [правило умозаключения: если данный город является большим городом, то его воздух вреден для астматиков]; «Говорит ли Х по-русски? – Конечно, он же русский» [правило умозаключения: если кто-то является русским, он говорит по-русски]; «Ты уверен, что Х всё сделает? – Конечно, он же немец» [правило умозаключения: если кто-то является немцем, он очень усердный и много работает].

Правила умозаключения строятся по аналогии. В то же время они опираются на различные типы топосов, имеют различную степень вероятности и, следовательно, различную степень плаузибельности аргументаций, в которых выступают эти топические правила умозаключений. На самом деле, взаимосвязь между размером города и загрязнённостью его воздуха обуславливает множество дополнительных факторов: географическое положение, реальное количество жителей, тип индустрии и т. д. То есть данный *топос места* может варьироваться. Очевидный на первый взгляд вывод о взаимосвязи языка и национальности может оказаться не таким уж очевидным для украинца и еще менее очевидным – для белоруса. Вывод о немецкой исполнительности построен на национальном стереотипе, который приписывает людям некие свойства на основании их национальной принадлежности. В социальных группах и обществах подобные топосы репрезентируют общее универсальное социальное знание, иначе они не могли бы выполнять функции правил умозаключений. Но как социальное знание они принципиально подвержены изменениям и вне своих социальных обществ часто оказываются непонятными. К примеру, что означает топос: из Назарета не выходит ничего хорошего? Знатоки Библии поймут, что в этом высказывании перефразирован риторический вопрос из Евангелия от Иоанна, относящийся к Иисусу из Назарета. В первой главе Евангелия описан короткий диалог между будущими учениками Филиппом и Нафанаилом:

Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета. Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойд и посмотри [Иоан 1, 45–46].

Реакция Нафанаила показывает, что в то время в еврейском обществе должен был существовать некий топос, в соответствии с которым, происхождение из города Назарета обуславливало бы негативную оценку. Здесь имплицитно следующее правило умозаключения: если человек из Назарета, он не может быть хорошим человеком. Данный эпизод также показывает, что этот вывод можно опровергнуть, если на то есть готовность. Это проявляется в призыве «Пойди и посмотри». В целом данный пример показывает, что конкретное наполнение топоса, с одной стороны, является вариабельным, а с другой стороны, может быть непонятным. Но, независимо от этого, форма топоса всегда остаётся прозрачной: в данном случае мы понимаем, что речь идёт о топосе происхождения, который во времена Иисуса вероятно был стереотипным.

Топос происхождения может быть очень локальным и мотивированным актуальными событиями. Начало войны в восточной Украине заставило многих жителей Донбасса и, в частности, Донецка бежать в центральную и западную Украину. Эти граждане Украины – не беженцы, а внутренне перемещённые лица – стали жертвами недоверчивого и подозрительного отношения. В интервью украинскому русскоязычному онлайн-изданию «Фокус» в апреле 2016 года поэтесса из Донецка Ия Кива рассказала, как люди реагируют на её происхождение:

Когда я говорю людям, что приехала из Донецка, никогда не знаю, какой будет реакция. Иногда приходишь в больницу, а врачи думают, что ты пережил обстрел, и смотрят на тебя так, будто ты сейчас умрёшь. Бывает, общаешься с человеком, а потом он говорит: «Странно. Ты из Донецка, но нормальная». Хозяйка одной из квартир, которую я снимала, сначала очень хорошо относилась, а потом вдруг спросила: «Почему вы не едете к себе домой в Россию?» Я не обижаюсь, когда кто-то говорит мне: «Ты из Донбасса, значит, с тобой что-то не так». Просто делаю выводы [Кива 2016].

Топос происхождения из Донецка провоцирует различные реакции по отношению к этим людям: от сочувствия (тот, кто из донецка – жертва войны) до враждебности (тот, кто из донецка – ненастоящий украинец / скорее русский / предатель и т. д.). Но в любом случае этот топос выделяет их из «нормальной» окружающей среды. Адверсативная конструкция с союзом *но* показательна иллюстрирует такое восприятие. Во фразе «Ты из Донецка, *но* нормальная»

имплицитно негативный топос происхождения, что все люди из Донецка в каком-то смысле ненормальные. То, что для говорящего подобное умозаключение вполне тривиально (а значит, в целом стереотипно), подчеркивает вступительное «Странно» [там же].

Уже само наименование человека может провоцировать определённые умозаключения в отношении его качеств, причём даже в тех случаях, когда это наименование само по себе аксиологически нейтрально (в отличие от анти-миранд и оскорбительных слов, которые уже изначально представляют собой аксиологически негативные оценки). Так, журналистка Лариса Лисняк в своей статье, опубликованной 5 сентября 2017 года на интернет-портале издания «Донецкие новости», перечисляет ассоциации, связанные со словом *переселенец*:

Вот мне стыдно где-то говорить, что я переселенец. Мне не стыдно говорить, что я из Донецка... А «это» – переселенка... бррр... Это как далее играем в ассоциацию: беженец – бомж – побирушка – нищенка – асоциальная личность... А я не такая. Как все мои друзья, выехавшие из Донбасса, не такие. (Естественно, есть среди нас и «такие», но они были и до 2014 года в каждом более-менее приличном городе. Но это их образ жизни, их романтика) [Лисняк 2017].

В целом выводы о человеке на основании его происхождения или особых обстоятельств, в которых он находится, являются ситуативно специфическими и исторически изменяемыми, хотя существует множество стереотипов, особенно в отношении отдельных наций, которые сохраняются на протяжении долгих периодов времени. Эти топосы можно обобщить и классифицировать. Традиция подобных обобщений и классификаций берёт своё начало в Античности. В своей «Риторике» Аристотель различает *общие* и *специфические* или *особые* топосы, относящиеся «к отдельным родам и видам явлений» [Аристотель 1978, 24 (1358a)]. К последним можно причислить топосы места, происхождения, пола и т. д. [Ueding/Steinbrink 1994: 238-253; Kuße 1998: 362-365; Jost 2007: 175-176, 183-187], тогда как общие топосы представляют собой абстрактные формы умозаключений, такие как умозаключение путём от причины к следствию или наоборот, от общего к его частностям, от рода к виду и т. д. К этим общим топосам принадлежат также топосы авторитета: То, что говорит квалифицированный человек, скорее всего, правда; а также топосы большинства: Что большинство считает правильным, то ско-

рее всего правильно [Kienpointner 1992; Kuße 1998: 373; Wengeler 2007: 168–169; Ефремов/ Пиотровская/Лёвина 2018, 114–116].

В качестве форм умозаключений, которые могут наполняться каким угодно содержанием, топосы выстраивают «структуру общественной фантазии», как это представляется в одной из старых публикаций о топике [Bornscheuer 1976]. Это делает их амбивалентными. С одной стороны, топосы в рамках коммуникации имеют практический характер. Они быстро понимаются реципиентом даже тогда, когда их конкретное содержание неизвестно реципиенту из-за культурной или исторической дистанции (как в показанном примере из Евангелия от Иоанна). С другой стороны, топосы позволяют сформироваться и укрепиться стереотипам и предубеждениям. Так, стереотипным является вывод о владении определённым языком исходя из национальности человека, а показательным предубеждением – влияние происхождения на его личные качества.

С этой точки зрения поэто-политическая война вокруг тезиса А. Дмитрук «Никогда мы не будем братьями» – это война стереотипов, в ходе которой выстраивается *специфический* топос национальности (влияние национальности человека на оценочные выводы о его образе мышления, поступках, личных качествах и т. д.) и *общий* топос родовидовых отношений (общие качества рода проецируются на каждый отдельный вид этого рода: Что можно сказать о роде в целом, то же справедливо и по отношению к каждому его виду). В стихотворении А. Дмитрук стереотипы занимают позицию аргументов. С их помощью обосновывается тезис о том, что «Мы» и «Они» никогда не станут братьями. Вместе с тем они порождают топосы на уровне имплицитных умозаключений. Если говорится «Воля – слово, вам незнакомое», то это значит, что слово *воля* и её ценность незнакомы каждому человеку, принадлежащему к группе «Они». Таким образом, аргументация при помощи стереотипов не только обосновывает агрессивные тезисы, но и одновременно генерирует топосы, которые в дальнейшем используются как агрессивные правила умозаключений. При этом укрепляются и усиливаются уже существующие стереотипы. Но кроме того, в этом процессе могут возникать и новые стереотипы, если они подаются в виде аргументов. Негативное согласие с тезисом Дмитрук в одном из ответных стихотворений – «Мы не братья Бандеровским рожам» – предполагает утверждение, что все демонстранты Майдана, сторонники Революции достоинства и даже все украинцы являются последо-

вателями С. Бандеры и, более того, очень несимпатичными последователями. Данную аргументацию можно реконструировать по схеме (Рис. 50).

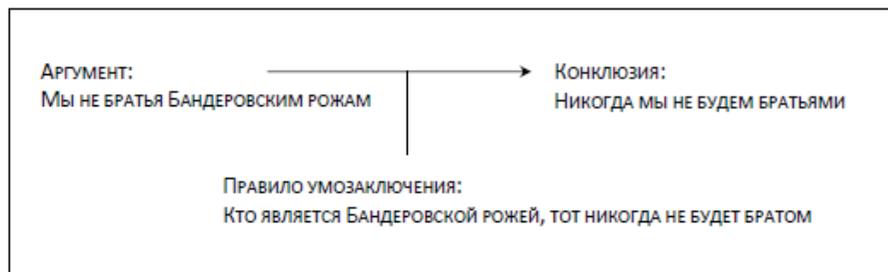

Рис. 50: Схема аргументации «Мы не братья Бандеровским рожам» (1)

Ответ на тезис А. Дмитрук только тогда имеет аргументативный смысл, когда адресаты этого ответа идентифицируются с «Бандеровскими рожам». Следовательно, мы имеем дело с имплицитной связанной аргументацией, в которой второй имплицитный аргумент содержит в себе утверждение: «Вы – Бандеровские рожки» (Рис. 51).

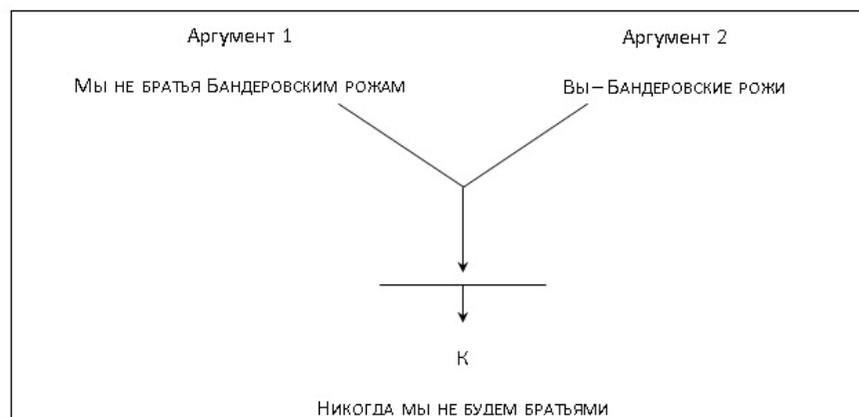

Рис. 51: Схема аргументации «Мы не братья Бандеровским рожам» (2)

Оба связанных аргумента относятся друг к другу как первая и вторая посылки дедуктивного силлогизма (Рис. 52).

Имплицитный аргумент связанной аргументации (или же вторая посылка силлогизма) создает такой стереотип, который в рам-

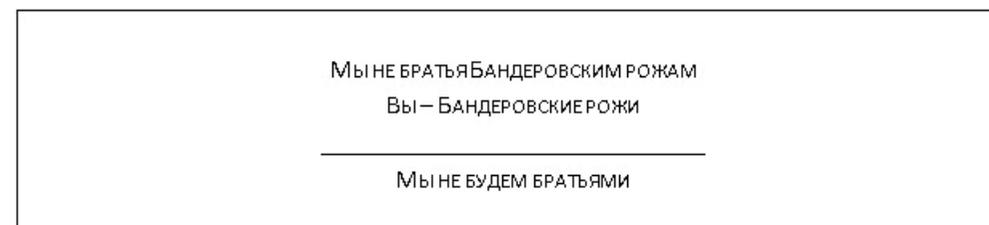

Рис. 52: Силлогизм «Мы не братья Бандеровским рожам»

ках всего российско-украинского конфликта выстраивает наиболее распространённый топос. В том числе и В. Путин использовал его в своей речи 18 марта 2014 года. Но создателем этого стереотипа является отнюдь не поэт, вступивший в поэто-политическую войну в интернете. Стереотип о бандеровцах имеет давнюю историю и изначально связан с подозрением украинцев в коллаборационизме с немецкими нацистами во время Второй мировой войны. В сегодняшних обстоятельствах он не только реактуализировался, но и продолжил подкрепляться другими историческими доказательствами вплоть до восстания гетмана Ивана Мазепы против Петра Первого. В этом контексте в качестве стереотипного обозначения украинцев как предателей используется слово *мазеповцы* [Karpelev 2017: 123]. Стихотворение «Мы не братья Бандеровским рожам» последовательно продолжает эту традицию. В смысле стереотипизации оно не выражает ничего нового, но его название показывает, каким образом в ходе элементарной аргументации стереотипы способствуют формированию топосов. Если данные стереотипы агрессивны, то и построенный на их основании топос также является агрессивным, как в данном случае топос предательства.

Не только специфические, но и *общие* топосы могут использоваться агрессивно. В поэто-политической войне аргументация направлена не только на содержание стихотворения «Никогда мы не будем братьями», но и на его автора Анастасию Дмитрук. На основании этического аргумента (не)доверия оппоненты ставят под сомнение право А. Дмитрук выражаться от имени Украины и всех украинцев и оперируют при этом её молодостью, незначительным жизненным опытом и лёгкой внушаемостью. Здесь вступает в игру топос авторитета, а точнее, топос *отсутствующего* или *негативного авторитета*, выраженного в формуле: то, что говорит неквалифицированный человек, скорее всего, неправда. В одном из уже процитированных выше стихотворений говорится:

Тебе – лишь двадцать три. Да кто ты есть?:
 Живёшь, впитав зародыш мизантропства,
 В младом бесстыдстве, наплевав на честь,
 От «Юльки» вашей заразившись русофобством
 [<https://novosti-ru.ru/community/11448-na-temu-rusofobii-ob-ukrainskoy-poetesse-natsionalistke-anastasii-dmitruk.html>
 – Доступ: 26.03.2018].

Автор отнимает у Анастасии Дмитрук право выступать от имени всей страны. В подобных контекстах часто снова возникает мотив предательства, как это видим в стихотворении Анны Гайдуковой:

Ты коктейли бросаешь Молотова,
 А Шахтер добывает золото...
 Ты за всю Страну не рассказывай,
 И позором ее не замазывай.
 Кто вскормил тебя к Брату злобою?
 Тот кто кормит майданы сдобой!
 [<https://www.liveinternet.ru/users/4110034/post321935781/>
 – Доступ: 26.03.2018].

В ответных поэзиях часто прослеживается чувство превосходства над А. Дмитрук, как, к примеру, у Леонида Корнилова, который в своём «Ответе украинке» обращается к ней в покровительственном тоне: «моя украинка» и вместе с тем отстаивает тезис «Мы никогда не будем братьями»:

Да, вы – крайние, мы – бескрайние.
 Но я рядом с тобой стою.
 И я знаю, моя украинка,
 Каково тебе на краю.
 [<https://pandoraopen.ru/2014-04-07/otvet-ukrainke-leonid-kornilov/> – Доступ: 26.03.2018].

В этих строфах А. Дмитрук не обвиняется в предательстве, но под сомнение ставится её способность делать правильные умозаключения, якобы молодая девушка в состоянии испуга и растерянности просто не может правильно выразиться:

Ты напугана и растеряна
 И не те говоришь слова [там же].

Тезис о том, что украинцы и русские не могут быть братьями, доводится до абсурда: они действительно не могут быть братьями, потому что она – сестра. В конце концов автор просто насмехается над поэтессой:

Я тебя к груди притяну,
 И за счастье твоё, украинка,
 Я пойду на твою войну.
 Ты нашла во мне виноватого.
 Я желаю тебе добра.
 Никогда ты не станешь братом мне,
 Потому что ты мне – сестра [там же].

Как показывают примеры, аргументация осуществляется по следующей модели: тезис является неправильным, поскольку говорящая не обладает достаточной компетентностью для того, чтобы делать вывод по спорному вопросу (потому что она юная или потому что она предательница). Данный топос, активированный в виде правила умозаключения, можно сформулировать следующим образом: ЕСЛИ ГОВОРЯЩИЙ НЕ ОБЛАДАЕТ ДОСТАТОЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИЕЙ, ЧТОБЫ СУДИТЬ О ВЕЩИ ИЛИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕ, ТО ЕГО ВЫВОД НЕПРАВИЛЬНЫЙ.

В дискурсах правила умозаключений, выраженные в форме агрессивных топосов происхождения, возраста или социального статуса, оспаривающие компетентность говорящего, не только вербализируются, но и визуализируются, причём часто в особо агрессивных формах. Они могут отрицать не только компетентность, но и честность и добросовестность говорящего. Подобный случай мы уже видели на плакате Владимира Маяковского из серии «Окна РОСТА», где капиталист изображён в виде монстра, с которым не может быть мира (Рис. 26): что бы не сказал капиталист, вследствие карикатурно визуализированного топоса это будет считаться ложью, направленной против честного социалистического народа. В рамках российско-украинского конфликта возникла масса обоюдных карикатур, от просто неприятных до исполненных максимальной ненавистью, которые призваны выполнять ту же функцию. Среди них сравнительно безобидно выглядят особенно популярные визуализации слова *ватник*, которым оскорбитель-

но называют русских националистов. По своей форме карикатура *ватника* напоминает известного мультяшного персонажа Спанч-Боба и изображает нищего, слабоумного, грубого, примитивного и пьяного мужчину средних лет, квадратное тело которого выглядит как стёганая ватная куртка – ватник. *Ватник* в заплатках, кое-где из дыр торчит вата. На его происхождение указывает фон в цветах российского флага, а на идеологическую ориентацию – серп и молот на красном фоне (Рис. 53). Эта фигура немного видоизменялась, и так возникли *малорашка* на фоне флага сепаратистского Народного ополчения (Рис. 54) и *малорашка-даунбасовец* на фоне самопровозглашённой Донецкой народной республики (Рис. 55). Во втором случае снова используется оскорбительная языковая игра с синдромом Дауна, но уже не в отношении протестующих на Евромайдане (*майдауны*), а в отношении сепаратистов восточной Украины. Особые атрибуты *малорашки* – это кепка и сигарета, а внешне он напоминает скорее кожух, а не ватник.

Рис. 53: Ватник

Рис. 54: Малорашка

Рис. 55: Малорашка-даунбасовец

Среди всевозможных вариантов осмеяния врага возникла также карикатура *вышиватника*, имя которого позаимствовано от названия традиционной украинской вышитой сорочки – вышиванки. Фигура *вышиватника* изображается на фоне украинского флага (Рис. 56) или красно-чёрного флага УПА (Рис. 57), а к его атрибутам относятся казацкий чуб, усы и шаровары. Всё это стереотипно визуализирует украинского националиста. Тем не менее, его голова визуально напоминает не вышиванку, а кусок сала, которое также стереотипно воспринимается как символ украинской кухни.

Карикатуры *ватника*, *малорашки* и *вышиватника* представляют собой визуализации негативных стереотипов экстремально

Рис. 56: Вышиватник (на фоне украинского флага)

Рис. 57: Вышиватник (на фоне флага УПА)

девальвирующего характера. Эти рисунки чаще всего сопровождаются различными высказываниями-цитатами, в которых имплицитно выводятся топические умозаключения. Комический эффект достигается именно посредством этих цитат. На основании *топоса отрицательного авторитета*, девальвированная фигура говорящего превращается в аргумент в пользу негативного оценивания его высказывания. Ход аргументации можно обобщить следующим образом:

Высказывание принадлежит *ватнику* / *малорашке* / *вышиватнику*, а следовательно оно неверное, или бессмысленное, или смешное, или злое.

Или:

Высказывание неверное, или бессмысленное, или смешное, или злое, поскольку оно принадлежит *ватнику* / *малорашке* / *вышиватнику*.

В подобных аргументациях топос отрицательного авторитета активизирует правило умозаключения:

ЕСЛИ ВАТНИК / МАЛОРАШКА / ВЫШИВАТНИК НЕЧТО ВЫСКАЗЫВАЕТ, ТО ЭТО ВЫСКАЗЫВАНИЕ НЕВЕРНОЕ, ИЛИ БЕССМЫСЛЕННОЕ, ИЛИ СМЕШНОЕ, ИЛИ ЗЛОЕ.

Энтимемная мультимодальная форма данных карикатур, в которых девальвирующее изображение выступает в роли аргумента и конструирует правило умозаключения для негативного оценивания высказывания, приводит к обоюдной дискредитации и говорящего, и его высказывания. Иными словами, негативное оценивание высказывания усиливает негативное оценивание самой

Рис. 58: «Запад загнивает!
Россия возрождается!»

Рис. 59: «В ДНР жизнь налаживается, а у хохлов идёт под откос»

фигуры: эта фигура не только выражается глупо и зло, но и выглядит так же (Рис. 58–59).

Ватник на Рис. 58 формулирует топос «загнивающего Запада», известный еще с XIX века, но сама фигура *ватника* противоречит его высказыванию, чем и достигается комический эффект.

На Рис. 59 фигура *малорашки* утверждает, что жизнь в ДНР идёт гораздо лучше, чем в Украине («у хохлов»), но его внешность, как и в предыдущем примере, свидетельствует об обратном.

Вышиватник на Рис. 60 заявляет, что российское телевидение превращает людей в «путинских зомби», тогда как украинские каналы показывают только правду. Но и его безобразная фигура не вызывает доверия к его словам.

Пример на Рис. 61 более комплексный, чем в предыдущих случаях. В нём истинность и осмысленность высказывания отрицается не только изображением, но и самим высказыванием. *Вышиватник* пытается сформулировать, что нет причин ненавидеть украинцев и называть их хохлами, но правомерность его высказывания подрывается выбором агрессивных номинаций, которые он сам употребляет по отношению к своим обидчикам.

В ситуации не только политического, но и военного противостояния между Россией и Украиной агрессивность фигур и их высказываний возрастает, как и следовало ожидать. Фигуры изображаются не только как слабоумные и примитивные, но и как грубые и агрессивные. Топос отрицательного авторитета, который в основе своей ставит под сомнение или отрицает истинность высказываний, проводит аналогию между фигурой и высказыванием и тем самым

Рис. 60: «Вы все путинские зомби...»

Рис. 61: «Нас окружают пшеки, жиды, москали...»

усиливает его аксиологическую нагрузку. Данная аналогия имеет топическую форму:

ЧТО МОЖНО СКАЗАТЬ О ЧЕЛОВЕКЕ, ТО МОЖНО СКАЗАТЬ О ЕГО
ВЫСКАЗЫВАНИИ

или

ЧТО МОЖНО СКАЗАТЬ О ВЫСКАЗЫВАНИИ, ТО МОЖНО СКАЗАТЬ И О ЧЕЛОВЕКЕ.

Её также можно конкретизировать в нашем контексте:

ПЛОХИЕ ЛЮДИ ПРОИЗНОСЯТ ПЛОХИЕ СЛОВА

или

ПЛОХИЕ СЛОВА ПРОИЗНОСЯТСЯ ПЛОХИМИ ЛЮДЬМИ

Это иллюстрируется на рисунках 62 и 63. Данные фигуры и их слова представляют собой единый аргумент, что группы, которые они собой олицетворяют, – *ватники*, *вышиватники* и т. д. – грубые и агрессивные. Кроме того топос отрицательного авторитета содержится в аналогиях между говорящими и их высказываниями, в которых фигуры не противоречат форме и содержанию высказываний, а их подкрепляют. При условии сформированного топоса отрицательного авторитета, уже сама фигура дискредитированного говорящего представляет собой аргумент в пользу отрица-

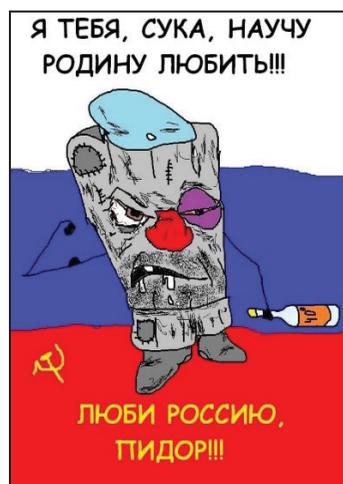

Рис. 62: «Я тебя, сука, научу родину любить!!!»

Рис. 63: «Всех кацапов депортируем в Сибирь»

тельного оценивание его высказываний. Это видим в примерах на Рисунках 62 и 63. Из этого топоса следует правило умозаключения:

ЕСЛИ ВАТНИК / ВЫШИВАТНИК НЕЧТО ПРОИЗНОСИТ, ТО ЕГО ВЫСКАЗЫВАНИЕ ПЛОХОЕ.

Инверсия данного правила умозаключения принимает следующую форму:

ЕСЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЕ ПЛОХОЕ, ТО ОНО ПРОИЗНОСИТСЯ ВАТНИКОМ / ВЫШИВАТНИКОМ.

С точки зрения логики подобная инверсия недопустима и приводит к ложному умозаключению, но именно на неё и намекает аналогия между говорящим и его высказыванием. Всё это составляет базис циркулярной враждебной риторики, опирающейся на два ключевых топоса:

ТО, ЧТО ГОВОРИТ ВРАГ, ПЛОХО

И

ВСЁ ЗЛО ИСХОДИТ ОТ ВРАГА.

В подобных циркулярных топических формулировках одновременно имплицитно оправдания собственных действий и выска-

зываний, которые потому априори представляются хорошими, что исходят не от врага. Оправданиям будет посвящена следующая глава. Она начинается с погружения в один известный пример из чешской литературы, чтобы затем снова вернуть читателя к примерам конфликтной коммуникации из новейшей российской и украинской истории.

6. Оправдания

6.1. Война с саламандрами: агрессивные оправдания

В течение 1935 и 1936 годов в чешской газете «Lidové noviny» в нескольких частях был опубликован роман Карела Чапека «Война с саламандрами» («Válka s mloky» – чеш.). Во времена растущего национального и этнического шовинизма и аккумулирующейся в обществе агрессии, что немногим отличалось от сегодняшней ситуации, этот роман сатирическим и, к сожалению, пророческим образом предвещал чудовищные события Второй мировой войны. В этом романе агрессия, приводящая к тотальной войне всех против всех, имеет инструментальный и генуинный характер. Её корни кроются в капитализме и в расистских, этнических и национальных идеологиях. Насилие оправдывается инструментальной экономической выгодой, а также борьбой за выживание и чувствами страха и отвращения. Большей частью роман построен как собрание документов. Действие романа подаётся в отрывках газетных статей, протоколах заседаний, научных трактатах, политических речах. Благодаря этому книга представляет собой своеобразную литературную лабораторию с множеством жанров и дискурсов – политических, религиозных, научных, военных и т. д. [Куве 2005a], а также демонстрирует в рамках данных дискурсов целую типологию оправданий насилия и агрессии, которые можно назвать агрессивными оправданиями.

Пересказ сюжета не займёт много времени. В первой части рассказывается об открытии около Суматры нового вида интеллигентных амфибий – саламандр, – которых люди начинают использовать в добыче жемчуга. Вторая часть в основном состоит из отдельных газетных статей, в которых освещается порабощение этих разумных саламандр и их разведение для работы в европейских портах, рыболовной промышленности и т. д. Третья часть повествует о злоупотреблении саламандрами в военных целях, в результате чего они восстают против человечества и постепенно отвоёвывают у людей и подтапливают европейскую сушу, расширяя для своей растущей популяции океаническое пространство. Только благодаря тому, что саламандры, в конце концов, начинают воевать друг против друга и уничтожать самих себя, удаётся спасти

человечество от полного исчезновения. Таким образом, в романе развиваются несколько линий агрессии: люди против саламандр, люди против людей, саламандры против людей и саламандры против саламандр.

Документы, свидетельствующие о капиталистической эксплуатации саламандр, содержат множество инструментальных актов оправдания агрессии. К примеру, председатель синдиката «Саламандра» Г. Х. Бонди объясняет, как он представляет себе будущее своего концерна с миллионами выращенных саламандр:

Správní rada vás žádá, pánové, abyste jí udělili plnou moc k uzavření tohoto obrovitého koncernu, jehož úkolem bude racionální pěstování a exploatace mloků (Potlesk a hlasy protestu.)

(...) Mločí syndikát nebude dodávat jenom mloky, ale také veškeré nářadí a krmivo pro mloky, to jest kukuřici, škroboviny, hovězí lůj a cukr pro miliardy přikrmovaných zvířat; dále dopravu, asekuraci, veterinární dohled a tak dále vesměs za nejnižší sazby, které nám zaručí ne-li monopol, tedy aspoň naprostou převahu nad každou budoucí konkurencí, která by chtěla mloky prodávat. (...) Salamander-Syndicate bude na celém světě vyhledávat práci pro milióny mloků. Bude dodávat plány a myšlenky na ovládnutí moří. Bude propagovat utopie a gigantické sny. Bude dodávat projekty na nové břehy a průplavy, na hráze spojující kontinenty, na celé řetězy umělých ostrovů pro oceánské lety, na nové pevniny vybudované uprostřed oceánů. Tam leží budoucnost lidstva. Pánové, čtyři pětiny zemského povrchu jsou pokryty mořem; je to nesporně příliš mnoho; povrch našeho světa, mapa moří a zemí se musí opravit. My dáme světu dělníky moře, pánové [Čapek 1981: 107–108].

Правление просит вас, господа, предоставить ему полномочия, необходимые для создания этого исполинского концерна, задачей которого будет рациональное разведение и эксплуатация саламандр. (Аплодисменты и возгласы протеста.) (...) Синдикат «Саламандра» будет поставлять не только саламандр, но также все инструменты и корм для саламандр, то есть кукурузу, крахмалистые вещества, говяжье сало и сахар для миллиардов подкармливаемых животных; далее синдикат берет на себя перевозку, страхование ветеринарный надзор и прочее, причем все это – по самым низким тарифам,

обеспечивающим нам если не монополию, то, во всяком случае, абсолютный перевес над любым конкурирующим предприятием, которое захотело бы продавать саламандр. (...) Синдикат будет подыскивать на всем земном шаре работу для миллионов саламандр. Он будет разрабатывать идеи и общие планы покорения моря. Будет пропагандировать утопию и грандиозные мечты. Будет поставлять проекты новых берегов и каналов, плотин, связывающих между собой целые континенты, искусственных островов для трансокеанской авиации, новых материков, воздвигаемых среди океана. В этом – будущее человечества. Господа, четыре пятых земной поверхности покрыты морем; это, бесспорно, слишком много; карта распределения суши и моря на нашей планете должна быть исправлена. Мы дадим миру рабочих моря, господа... [Чапек 1975: 533].

Мечты, утопии и в особенности саламандры, которых необходимо разводить и использовать, для говорящего являются исключительно инструментами увеличения капитала. Для него саламандры – это твари, о которых он даже не знает, как они выглядят, уже не говоря о том, как они думают и что чувствуют:

(...) A k jinému se ty potvory nehodí, pane Weissberger, než aby se s nimi podnikla nějaká utopie. (...) Víím já, co je to mlok? Nač bych to měl vědět? Mám já čas se starat, jak to vypadá? Já musím být rád, že jsme ten Mločí syndikát dostali pod střechu [Čapek 1981: 109].

Больше эти твари ни на что не годятся (...) разве только для какого-нибудь фантастического предприятия. (...) Знаю ли я, что такое саламандра? А зачем мне это знать? Разве есть у меня время заниматься вопросом о том, как они выглядят? Я должен радоваться, что мы сколотили этот синдикат [Чапек 1975: 535].

На вопрос читателя газеты «Daily Star» «Есть ли у саламандр душа?» Генри Бонд (подразумевается господин Бонди) отвечает:

Nemají duši. Kdyby ji měli, museli bychom jim přisoudit ekonomickou rovnost s člověkem, což by bylo absurdní [Čapek 1981: 142].

Души у них нет. В противном случае мы были бы обязаны признать за ними право на экономическое равенство с человеком, что было бы абсурдом [Чапек 1975: 572].

Инструментальная агрессия, оправдывающая насилие выгодой, остаётся в экономически-административном управлении концерна виртуальной, бесплотной. Страдающие существа – это только название и цифры на рынке капиталов. Но эта инструментальная агрессия, как в её историческом прототипе – трансатлантической работоторговле, всё же связана с физическим насилием, тотальным подчинением и распоряжением телом жертвы по собственному усмотрению [см.: Глава 3.2.]. Саламандр легально и нелегально транспортируют в танкерах, собственники и экипаж которых превратились в садистов и работоторговцев, оправдывающих своё насилие полной деперсонализацией тех, кого они транспортируют. Внешне скромный и благородный человек, но на самом деле абсолютный пират и нелегальный торговец саламандрами господин Беллами откровенно признаётся в своих убеждениях одному журналисту и бывшему матросу:

Dva měsíce nato jsem hrál v šachy s panem Bellamy v hale hotelu France v Saigonu; to už jsem ovšem nebyl najatým námořníkem. «Koukejte se, Bellamy,» řekl jsem mu, «vy jste slušný člověk, a jak se říká, gentleman. Není vám někdy proti srsti, že sloužíte něčemu, co je v podstatě nejmizernější otrokářství?» Bellamy krčil rameny. «Mloci jsou Mloci,» bručel vyhýbavě. «Před dvěma sty lety se říkalo, že negři jsou negři.» «A nebyla to pravda?» řekl Bellamy. «Šach!» Tu partii jsem prohrál. Připadalo mi najednou, že každý tah na šachovnici je starý a byl už kdysi někým hrán. Snad i naše dějiny už byly kdysi hrány, a my taháme své figurky stejnými tahy k stejným porážkám jako kdysi [Čapek 1981: 134].

Через два месяца после описанной облавы я сидел с Беллами за шахматной доской в вестибюле «Отель де Франс» в Сайгоне; я уже не был, конечно, наемным матросом.

– Слушайте, Беллами, – сказал я ему, – вы порядочный человек и, как говорится, джентльмен. Неужели вам не противно служить делу, которое по существу не что иное, как гнуснейшая работоторговля?

Беллами пожал плечами.

– Саламандры – это саламандры, – уклончиво проворчал он.

– Двести лет тому назад говорили, что негры – это негры.

– А разве это было не так? – ответил Беллами. – Шах!

Эту партию я проиграл. Меня вдруг охватило такое чувство, будто каждый ход на шахматной доске не нов и был уже когда-то кем-то сыгран [Чапек 1975: 561–562].

Инструментальная агрессия и агрессивные оправдания полного распоряжения телом объекта проявляются не только в экономическом дискурсе. Один из вымышленных документов романа – это немецкий научный отчет «Сообщение о соматических предрасположениях саламандр», который ужасающим образом через несколько лет воплотился в реальных опытах над человеком, проводимых врачами в концентрационных лагерях. Превращение жертвы в безвольный объект говорит само за себя. В конце эксперимента подопытная саламандра была съедена, что показывает максимальное распоряжение телом жертвы. Ничего большего представить невозможно. Инструментализация жертвы, на что часто указывается в тексте отчета (якобы, все опыты «преследовали точно поставленные цели», в них исследовалась «практическая применимость» и т. д.), направлена не только на чисто научное познание, но и на дальнейшую выгоду: будущее применение в военном секторе. То есть инструментальное насилие над телом служит дальнейшему приумножению насилия.

Pokusy, které jsem s pacifickým velemlokem (Andrias Scheuchzeri Tschudi) podnikl ve své hamburské laboratoři, se nesly za zcela určitým cílem: vyzkoušet vzdornost Mloků vůči změnám prostředí a jiným zevním zásahům a tím prokázat jejich praktickou upotřebitelnost v rozličných zeměpisných oblastech a za různě obměňovaných podmínek. (...) Rovněž maso Mloků bylo považováno za nepoživatelné, ano za jedovaté (...) Dr. Hinkel zjistil po mnoha pokusech, které konal sám na sobě, že tyto škodlivé účinky se ztrácejí, je-li pokrácené maso spařeno horkou vodou (podobně jako u některých muchomůrek) a po důkladném vyprání naloženo po čtyřiaadvacet hodin ve slabém roztoku hypermanganu. Potom se může vařit nebo dusit a chutná jako špatné hovězí. Snědli jsme takto Mloka, kterému jsme říkali Hans; bylo to vzdělané a chytré zvíře se zvláštním nadáním

pro vědeckou práci; pracovalo v oddělení dr. Hinkela jako jeho laborant a mohly se mu svěřit i jemnější chemické analýzy. Besedovali jsme s ním po dlouhé večery, bavíce se jeho neúkojnou vědyčtivostí. Museli jsme našeho Hanse s lítostí utratit, protože oslepl po mých experimentech s trepanací. Jeho maso bylo tmavé a houbovité, ale nezanechalo žádných nepříjemných následků. Jisto je, že v případě válečné potřeby může být mločí maso vítanou a levnou náhražkou za maso hovězí [Čapek 1981: 138–141].

Эксперименты с тихоокеанской Исполинской саламандрой (Andrias Scheuchzeri Tschudi), которые я производил в своей гамбургской лаборатории, преследовали точно определенные цели: установить степень сопротивляемости саламандр по отношению к перемене среды и к другим внешним, воздействиям и тем самым выяснить их практическую применимость в различных географических зонах и при различных условиях. (...) мясо саламандр было признано несъедобным и даже ядовитым (...) После многих опытов, которые д-р Хинкель производил на самом себе, он выяснил, что эти вредные последствия отпадают, если ошпарить нарезанное мясо кипятком (подобно тому, как это делается с некоторыми видами мухоморов) и после основательного промывания положить его на двадцать четыре часа в слабый раствор марганцевого калия. Будучи потом приготовлено в вареном или тушеном виде, оно имеет вкус плохой говядины. Мы съели в таком виде саламандру по кличке Ханс; это было умное и развитое животное, отличавшееся большими способностями к научной работе; оно работало в отделении д-ра Хинкеля в качестве лаборанта, и ему можно было доверять самые тонкие химические анализы. Мы подолгу беседовали с ним в свободные вечера, забавляясь его ненасытной любознательностью. К сожалению, нам пришлось расстаться с нашим Хансом, так как он ослеп после моих экспериментов с трепанацией черепа. Мясо у него было темное и ноздреватое, но не вызвало никаких неприятных последствий. Не подлежит сомнению, что в военное время саламандровое мясо может служить желательной и дешевой заменой говядины [Чапек 1975: 567–570].

Инструментальное оправдание агрессии и насилия может продолжаться вплоть до полного уничтожения. Так, в войне сала-

мандр против людей предводитель саламандр обращается к людям по радио и аргументирует интервенцию саламандр тем, что им просто нужно больше земли, а по отношению к людям у них нет никакого враждебного настроения, им просто нужно отступить вглубь континента:

Hallo, vy lidé! Zachovejte klid. Nemáme vůči vám nepřátelských úmyslů. Potřebujeme jenom víc vody, víc břehů, víc mělčin pro svůj život. Je nás příliš mnoho. Už pro nás není dost místa na vašich březích. Proto musíme odbourat vaše pevniny. Uděláme z nich samé zálivy a ostrovy. Tím se dá délka světových břehů zpětinasobit. Budeme stavět nové mělčiny. Nemůžeme žít v hlubokém moři. Budeme potřebovat vašich pevnin jako materiálu k zasypání hlubin. Nemáme proti vám nic, ale je nás příliš mnoho. Můžete se zatím odstěhovat do vnitrozemí. Můžete se uchýlit do hor. Hory se budou bourat až na konec. Vy jste nás chtěli. Vy jste nás rozšířili po celém světě. Nyní nás máte [Čapek 1981: 220].

Алло, люди! Сохраняете спокойствие. У нас нет враждебных по отношению к вам замыслов. Но нам нужно для жизни больше воды, больше берегов, больше отмелей. Нас слишком много. Нам уже не хватает места на ваших побережьях. Поэтому мы должны взламывать ваши континенты. Мы превратим их в острова и бухты. Таким путем общая длина береговых линий всего мира увеличится в пять раз. Мы будем сооружать новые отмели. Мы не можем жить в глубоких водах. Ваши континенты понадобятся нам как материал для засыпания глубоких мест. Мы ничего не имеем против вас, но нас слишком много. Вы можете пока перебраться во внутренние области. Можете укрыться в горах. Горы мы будем разрушать в последнюю очередь.

Вы хотели нас. Вы распространили нас по всему свету. Получайте же, что хотели [Чапек 1975: 649].

Подобная аргументация, заключающаяся в том, что необходимость заботиться об интересах собственной группы оправдывает любые действия, давно известна, от фактов геноцида в мировой истории до оправданий А. Гитлера, что немецкому народу необходимо «пространство на востоке». Исторические примеры пока-

зывают, что инструментальная аргументация, как правило, идёт рука об руку с выражением чувства страха и отвращения, то есть с геноцидной агрессией, и нередко подпитывается морально (необходимостью обороны и защиты) и метафизически (апеллированием к наивысшим ценностям и целям). В начале войны между саламандрами и людьми герой романа, аноним X, предостерегает об опасности, исходящей от саламандр. Чувство угрозы он соединяет с отвращением к ним:

Lidé proti Mlokům! Je načase, aby to už jednou bylo takto formulováno. Vždyť, upřímně řečeno, normální člověk instinktivně Salamandry nenávidí, štítí se jich – a bojí se jich. Na celé človecenstvo padá cosi jako mrazivý stín hrůzy [Čapek 1981: 209].

Люди против саламандр! Пора уж наконец формулировать это положение. Ведь, положи руку на сердце, нормальный человек инстинктивно ненавидит саламандр, питает к ним отвращение и... боится их. Какая-то леденящая тень ужаса пала на все человечество [Чапек 1975: 638–639].

После того как саламандры практически уничтожили человечество, разгорается война между самими саламандрами, поделившись на лемурских и атлантских. В разговоре с самим собой автор строит нарратив этой войны и жонглирует каскадом милитаристских оправданий захвата и геноцида:

Heslo je Lemurie Lemurům. Pryč s cizáky a podobně. Mezi Atlanty a Lemury se prohlubuje propast nedůvěry a odvěkého nepřátelství. Nepřátelství na život a na smrt.

«Čili stávají se z nich Národy.»

Ano. Atlantové pohrdají Lemury a nazývají je špinavými divochy; Lemuři pak fanaticky nenávidí atlantské Mloky a vidí v nich imperialisty, západní ďábly a porušovatele starého, čistého, původního Mloctví. Chief Salamander se domáhá koncesí na březích lemurských, prý v zájmu exportu a civilizace. Vznešený kmet King Salamander, byť nerad, musí povolit; je totiž méně ozbrojen. V zátoce tigridské nedaleko někdejšího Bagdadu to praskne: domorodí Lemuři přepadnou atlantskou koncesi a zabijí dva atlantské oficíry, prý pro nějakou nacionální urážku. Následkem toho –

« – dojde k válce. Přirozeně.»

Ano, dojde k světové válce Mloků proti Mlokům.

«Ve jménu Kultury a Práva.»

A ve jménu Pravého Mloctví. Ve jménu národní Slávy a Velikosti. Heslo je: Buď my, nebo oni! [Čapek 1981, 246].

– Лозунг гласит: «Лемурия – лемурам! Долой инородцев!» – и тому подобное. Между атлантами и лемурами растёт пропасть взаимного недоверия и наследственной вражды. Смертельной вражды.

– Другими словами, они превращаются в Нации.

– Да. Атланты презирают лемунов и называют их «грязными дикарями»; а лемуны фанатически ненавидят атлантских саламандр и видят в них осквернителей древней, чистой, исконной саламандренности. Верховный Саламандр домогается концессий на лемурских берегах якобы в интересах экспорта и цивилизации. Благородный старец Король Саламандр волей-неволей вынужден согласиться; дело в том, что его вооружение хуже. В заливе Тигра, недалеко от того места, где некогда был Багдад, произойдет вспышка: туземные лемуны нападут на атлантскую концессию и убьют двух офицеров, якобы оскорбивших национальные чувства лемунов. В результате...

– Начнется война. Естественно.

– Да, начнется мировая война саламандр против саламандр.

– Во имя культуры и права.

– И во имя истинной саламандренности. Во имя национальной славы и величия. Лозунг будет: «Мы или они» [Чапек 1975: 674].

В итоге война, приводящая к вымиранию саламандр, оправдывается обеими сторонами при помощи моральных и метафизических аргументов, а также аргумента выживания.

Противоположная сторона всегда представляется аморальной: атланты называют лемунов дикарями, а лемуны атлантов – империалистами. Борьба и победа над врагом становится моральным долгом обоих лагерей. Собственный лагерь в каждом случае идеологически переоценивается посредством метафизических аргументов истинности и величия («исконная саламандренность», «национальная слава и величие»), так что война становится на

службу этой наивысшей истинности. Выживание возможно только при условии полного уничтожения врага, а значит, его уничтожение полностью оправдано.

Данный арсенал агрессивных оправданий, которые постольку являются агрессивными, поскольку они в своих девальвирующих формах непосредственно выражают агрессию против других, – это в наименьшей степени является плодом творческого воображения Карела Чапека и в наибольшей – точным воспроизведением военной риторики Первой мировой войны и визионерским взглядом в бездну будущей Второй мировой войны. К сожалению, этот взгляд отражается и в современности. Агрессия и её аргументация в рамках конфликта между Россией и Украиной и между Россией и «западным миром» (отчасти и внутри самого Европейского Союза) легко сопоставима с расколом популяции саламандр на лемунов и атлантов с их обоюдными обвинениями, отвращением и агрессией.

6.2. Моральные и метафизические аргументы

Моральные и метафизические аргументы выступают в обоснованиях агрессивных оценок и в оправданиях агрессивных действий, в контексте чего эти оправдания сами могут становиться частью агрессивных действий. Моральные аргументы обосновывают, почему противоположная сторона должна оцениваться негативно, какие моральные изъяны необходимо ей приписать и в каких аморальных действиях обвинить. В рамках оправданий моральные аргументы выстраивают деонтические аргументации, в которых они могут формулироваться как негативно (злость врага легитимизирует ответные негативные действия против него), так и позитивно (как обязанность обеспечить помощь и защиту «своим», поддержать и защитить слабых и т. д.). Здесь возникают специфические топосы, которые могут формулироваться кондиционально и выстраивать правила умозаключения с целью оправдания агрессии, например: если некий человек / некий народ подвергнулся нападению, то он имеет право себя защищать; если некий человек / некий народ находится под угрозой, его нужно защитить; если люди просят о помощи, им нужно помочь и т. д.

Метафизической является не та аргументация, которая сводится к аргументу защиты экзистенциального блага (жизни, свободы, здоровья), а та, в рамках которой определённым концептам (народ,

земля, язык, история) приписывается вневременная и абсолютная ценность, в результате чего они становятся интринсически положительными (благом в самом себе) и потенциально могут оправдывать агрессию и насилие.

Рассмотрим пример из немецкого контекста: в одной частной гимназии около города Баутцена в Саксонии в 2016 году некий анонимный спонсор повесил табличку следующего содержания:

Lehret deutsches Gut und deutsche Güte, damit Gott dieses Haus behüte [цит. по: Chrismon. Das evangelische Magazin, 07.2018: 16].

Учите немецким ценностям и немецкой доброте, чтобы Бог оберегал этот дом [цит. по: Chrismon. Das evangelische Magazin, 07.2018: 16. – Пер. с нем.].

Это выражение может показаться богохульным, но не в этом дело. Обучать школьников ценностям и доброте – это не только в целом правильно, но и конкретная обязанность школы. Но что здесь подразумевается под «немецкими ценностями» и, прежде всего, что означает «немецкая доброта»? В чём принципиальное отличие немецкой доброты от французской или русской? Вероятно, автор этой надписи сам не смог бы дать убедительный ответ на этот вопрос, если бы его спросили. Речь идёт не об особом виде ценностей или качеств, а о ревальвации атрибута *немецкий* как аксиологически абсолютно положительной оценки. Конечная цель этой ревальвации заключается в том, что всё, что будет декларироваться как *немецкое*, будет автоматически считаться абсолютно положительным. Таким образом *немецкое* становится метафизической величиной, наивысшим атрибутом, которое не дескриптивно описывает признаки реальных предметов или обстоятельств (например, что *немецкая* гимназия – это полная средняя школа в рамках *немецкой* школьной системы), а строит оценочные суждения, которые находят свои обоснования по ту сторону земных реалий. Прямое апеллирование к Богу, который должен «оберегать» это атрибутивное (что якобы всё немецкое – это абсолютное благо), не оставляет сомнений в метафизическом характере выстраиваемой аксиологии. Несложно догадаться, что подобная национально ориентированная метафизика является националистической

и, следовательно, не абсолютно положительной, а потенциально агрессивной. Очевидно, что в этом послании имплицировано, что вне «немецкого» мира очень мало или совсем нет ничего ценного и качественно положительного, а значит маловероятно, что Бог может «оберегать» такой мир.

Моральные и метафизические утверждения, притязания и аргументации (оправдания и обоснования) в рамках конфликтов усиливают противостояние между группами с различными языковыми, национальными, этническими или любыми другими признаками. Поэтому моральные и отчасти метафизические обоснования в поэто-политической войне вокруг тезиса Анастасии Дмитрук [см.: Главы 5.4. – 5.5.] наиболее сильно демаркируют границы между сторонами конфликта. Её стихотворение и поэтические ответы затрагивают ключевой вопрос: «На чьей же стороне правда?», а это значит, что подаваемые в поэтической форме аргументы в пользу превосходства русских над украинцами или украинцев над русскими обосновывают взаимные положительные или, соответственно, отрицательные оценки обеих сторон.

Моральными являются обвинения в рабской покорности, с одной стороны, и в предательстве и фашизме, с другой стороны. Каждая из противоборствующих сторон обвиняет другую в моральных недостатках или в конкретных аморальных поступках. В своих ответах на тезис А. Дмитрук авторы оперируют героическим стереотипом народа-победителя, отважно защищающего свою страну. В этом контексте воспоминания о Великой Отечественной войне и почитание её ветеранов – представляются как крайне важная моральная ценность, которую, по мнению (про)российской стороны, не разделяет А. Дмитрук и её сторонники. Так, Юрий Ефременко в своём «Севастопольском ответе» апеллирует к празднику 9 мая:

Быть не надо для этого сводными
Силу мы миру всему показали,
Свободу свою кулаком отстояли!
9 мая – праздник победы,
Слезы пускают старые деды,
Смотрят на это, очень им больно,
Задумайся друг ты об этом невольню.
[<http://www.youtube.com/watch?v=2INmW5-ugkk> – Доступ:
26.03.2018].

Именно эти ценности, по мнению Юрия Ефременко и его единомышленников, предала Революция достоинства. Обвинения формулируются прямо: «Вы и предков своих тупо предали» (Юрий Лоза), «Вы звёзды героев даёте предателям» (*Dino MC47*). Хранить память о героическом прошлом – это моральный долг живущих поколений, связанных с прошлыми поколениями. В этом смысле Роман Дикусар аксиологически реверсирует тезис А. Дмитрук «Вы себя окрестили старшими» в форме позитивно-негативного согласия. Воспоминания о подвиге предков он ведёт от первого лица – «Мы», чем нивелирует дистанцию между пошлым и настоящим:

Мы свободу свою отстояли -
у дедов на груди медали.
Старшими нас окрестила история,
необъятной страны территорию
отстоял в бою, в чистом поле
мужик русский, на то божья воля.
[<http://strannik.biz/?p=1300> – Доступ: 07.12.2018].

Живые и мёртвые объединяются в единое воинство героев, морально возвышающееся над противником. Это метафизическое сообщество можно сравнить только с религиозным представлением о единении верующих и ангелов, которое воспевается в молитве «Малый входъ» Божественной литургии: «Сотвори со входомъ нашимъ, входуу свѣтыхъ ангеловъ, быти». В единении предков и потомков притязание на моральное превосходство превращается в историко-мифическую национальную метафизику, в которой *история* становится субъектом: «Старшими нас окрестила история». Именно здесь аргументация из плоскости морального переходит в плоскость метафизического.

В метафизических аргументациях наивысшие ценности, такие как *отечество*, *семья* и др., приводятся в качестве неделимых и аксиологически абсолютно положительных аргументов, которые выступают как неизменные и неоспоримые данности, как сущность бытия, как божественное творение и даже как сам Бог. *Великая Отечественная война*, *9 мая*, *Отечество*, *Родина-мать*, *Россия*, *семья*, а также особые ценности, такие как *культура*, *великая литература*, *великая музыка*, *язык* и т. д., изначально задают определённые аксиологические оценки событиям или мнениям.

То, что, по мнению говорящего, служит наивысшим ценностям, то является добром, а то, что им вредит – злом. Если утверждается, что кто-то не чтит надлежащим образом Великую Отечественную войну и её героев или не любит Родину-мать, тот может оцениваться только негативно. Причём негативно будет оцениваться не только его мнение и позиция, но и сам человек. В ответах на стихотворение А. Дмитрук тому есть множество примеров.

Метафизические наивысшие ценности с аксиологически абсолютно положительными оценками являются неделимыми. К примеру, в подобных контекстах такое комплексное событие, как Великая Отечественная война, не будет подвергаться дифференцированию, не будет определяться, из каких фрагментарных событий оно состоит и как эти фрагментарные события следует оценивать. Точно так же не будет уточняться, какие критерии должны быть выполненными, чтобы можно было некий объект – Россию или Украину – представить как ценность. Так, призыв «Слава Україні!», и ответ на него «Героям слава!» не нуждаются ни в каком дифференцировании уже изначально на основании формы и предписанного апеллятивного употребления лозунга.

Однако концептуализация предмета или явления как неделимой ценности не исключает перечисление его признаков. В патристической книге «Катехизм Українця ХХІ століття» («Катехизис Украинца ХХІ столетия» – с укр.), вышедшей в 2016 году, её авторы Владимир Романенко и Георгий Коваленко перечисляют, что значит Украина для украинца:

Україна для Українця – це все.
Це – Земля, Народ, Мова, Віра, Воля, Родина, Праця, Власність, Історія, Культура, Держава.
Повного й вичерпного визначення України нема і бути не може. Як для християнина Бог Отець, так для Українця Україна Мати [Романенко / Коваленко 2016: 7].

Украина для Украинца – это всё.
Это – Земля, Народ, Язык, Вера, Воля, Семья, Труд, Собственность, История, Культура, Держава.
Полного и исчерпывающего определения Украине нет и быть не может. Как для христианина Бог Отец, так и для Украинца Украина Мать [Романенко / Коваленко 2016: 7. – Пер. с укр.].

В данной цитате перечисляются различные признаки, которые должны были бы представить дифференцированный взгляд на Украину. Но этого не происходит. Причина в том, что перечисленные признаки, в свою очередь, являются недифференцируемыми. Иными словами, как Украина представляется абсолютно положительным единым целым, так и каждый из её признаков (*земля, народ, язык* и т. д.) – абсолютно положительный. Не имеет значения, что в определённый момент подразумевается под *Собственностью* или *Державой*, важно только, что они являются украинскими. Данное единство предмета и ценностей эксплицируется при помощи метафоры материнства и ещё более патетически усиливается аналогией монотеистического представления о мире. Единство Украины соотносится с единством Бога: «Потому что Бог один – и Украина одна и единственная» [там же].

Если некий предмет концептуализируется таким образом, что размывается его внутренняя структура, критика частностей переходит в критику целого. Тому существует немало примеров в рамках поэто-политической войны. Неприятие и освобождение от колониального и репрессивного режимов, воспеваемые А. Дмитруком в её поэзии, воспринимаются противоположной стороной не только как актуальное политическое противостояние, но и как предательство Великой Отечественной войны и подвигов предков: «Вы звёзды героев даёте предателям», – пишет поэт под псевдонимом *Dino MC47* [см. выше], хотя эта часть истории в стихотворении А. Дмитрука вообще не тематизируется и для вопроса, является ли справедливой политическая и этнокультурная позиция А. Дмитрука, не играет никакой роли.

Монолитность таких величин, как *Родина, Отечество* или, конкретнее, *Россия* может перемещаться за границы анализируемого дискурса. Так, в многочисленных дискуссиях за пределами России критическое отношение к действиям и высказываниям президента В. Путина представляется не как «антипутинская», а как «антироссийская» позиция, а его сторонники называются не «пропутинскими», а «пророссийскими» в целом, словно глава государства и правительство являются олицетворением всей страны, всего её населения, её внутреннего устройства, культуры и развития.

Монолитные наивысшие ценности, на основании которых строятся метафизические аргументы, можно легко гипостазировать. То есть они описываются как одушевленные субъекты, способные

действовать, и к ним можно апеллировать как к субъектам. Гипостазироваться может *История* («Старшими нас окрестила история»), *Родина* («Родина-мать зовёт!») или *Государство* («Слава Украине!»). Одновременно с этим данные ценности становятся безвременными. Они выступают как эссенциальные, неотъемлемые явления бытия. Так, известная формула новояза, цитируемая из речи В. Путина 18 марта 2014 года [см.: Глава 4.2.], – «в сознании людей Крым всегда был и остаётся неотъемлемой частью России» – логически является абсурдной в перспективе того, что Крым принадлежит России только с 1783 года. Иначе следует полагать, что до 1783 года России не существовало. Но в этой формуле выражается фактическое эмоциональное ощущение многих людей, для которых единство двух ценностей – Крыма и России – является метафизической данностью.

В агрессивных конфликтах моральные и метафизические аргументации не только способствуют обоснованию оценок, но и, что более важно, оправдывают агрессивные действия. В своей крымской речи Владимир Путин использует как метафизические аргументы эссенциальной принадлежности Крыма России, так и моральный топос обязанности помогать нуждающимся в помощи и защищать находящихся под угрозой:

Тем, кто сопротивлялся путчу, сразу начали грозить репрессиями и карательными операциями. И первым на очереди был, конечно, Крым, русскоязычный Крым. В связи с этим жители Крыма и Севастополя обратились к России с призывом защитить их права и саму жизнь, не допустить того, что происходило, да и сейчас ещё происходит и в Киеве, и в Донецке, в Харькове, в некоторых других городах Украины.

Разумеется, мы не могли не откликнуться на эту просьбу, не могли оставить Крым и его жителей в беде, иначе это было бы просто предательством [Путин 2014а].

Необходимость защиты жизни и свободы выступает как рационально оправданный инстинкт, в котором нет ничего аморального и противоестественного. Это типичное оправдание военных интервенций. В 1968 году вторжение в Чехословакию оправдывалось в известном постановлении Политбюро ЦК КПСС «К вопросу о положении в Чехословакии» тем, чтобы «оказать Коммунистической партии и народу Чехословакии помощь и поддержку вооруженны-

ми силами» [Политбюро 1968]. Таким же образом в недавнем прошлом вступление российских войск на территорию Грузии в 2008 году оправдывалось как оказание помощи [ср. дебаты о Грузии в ООН: Radünzel 2008: 101–102]. Такой же характер носит аргументация сепаратистов на Донбассе, как это было показано выше в примере под хэштегом *#SaveDonbassPeopleFromKievNazisArmy*: в нём, как и в официальных заявлениях В. Путина, на первый план выступает моральная позиция самозащиты, которую только подкрепляет снисходительное уважение к самобытности Украины:

Донбасс воюет за Новороссию и – шире – за пророссийскую Украину, а в конечном счете – за Россию и русский мир против агрессии Запада. (...) Нам угрожает не Украина как таковая, с землями и населением, а Украина как политический западный проект, по сути Бандерия, со своей нацистско-олигархической элитой [<http://e-news.su/in-ukraine/45935-za-chtovouuet-donbass.html> – Доступ: 10.12.2017].

Подобные аргументации не только оправдывают агрессию, но и в своих аргументах сами являются агрессивными, поскольку в их первичных, нуждающихся в обсуждении квесцио – существует ли предполагаемая угроза на самом деле, и если да, то от кого она на самом деле исходит – целенаправленно утаивается (или имплицитруется), что ответ на этот вопрос является спорным. Самый известный и возмутительный пример подобной аргументации из советской истории – это доктрина Л. Брежнева, посредством которой в 1968 году генеральный секретарь СССР оправдал ввод войск Варшавского договора в Чехословакию:

КПСС всегда выступала за то, чтобы каждая социалистическая страна определяла конкретные формы своего развития по пути социализма с учётом специфики своих национальных условий. Но известно, товарищи, что существуют и общие закономерности социалистического строительства, отступление от которых могло бы повести к отступлению от социализма как такового. И когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом это уже становится не только проблемой

народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран [Брежнев 1970: 329].

Аннексию Крыма и насильственное выделение так называемой Новороссии в пределах Украины сложно сравнить с исторической ситуацией в Чехословакии, поскольку в Крыму большая часть населения действительно приветствовала интервенцию России, а на Донбассе, как минимум отчасти, действительно можно говорить о гражданской войне (даже если этот термин является политически спорным), в то время как в Чехословакии интервенция внешних сил породила мощное внутреннее сопротивление. Однако форма оправдания и формулировки агрессивных аргументов аналогичны, поскольку Л. Брежнев также скрывает решающее квесцио или же имплицитно декларирует ответ на него как принципиально неподдающийся обсуждению: несут ли в себе события Пражской весны действительно «угрозу безопасности социалистического содружества».

В то же время моральные и метафизические стратегии оправдания могут оказаться бессильными. В Главе 3.3., посвященной теориям агрессии, уже обсуждалось, что агрессия может вплетаться в метафизические и идеологические контексты, использоваться как алиби агрессии и, сверх того, порождать ответную агрессию. Для интринсически агрессивных насильственных идеологий, таких как национализм, сталинизм и исламизм, а также империализм и колониализм, оправдания агрессии и насилия при помощи самобытной морали и метафизики является идеологическим фундаментом. Без особой метафизики и её базовых ценностных установок невозможно представить их ключевые элементы: *арийскую расу, сверхчеловека и недочеловека, народ, народное содружество, коммунизм, мировую революцию, социалистического человека, Божественную волю, противостояние цивилизации и дикарей* и т. д. Подобные ценности, как только они насаждаются как абсолютные, способны оправдать любые формы агрессии и насилия в самых экстремальных их проявлениях. Но не следует забывать, что в романе Карела Чапека саламандры, в конце концов, уничтожают самих себя.

Резюмируя всё выше сказанное, приходим к выводу: агрессия и насилие, вплоть до военных действий, могут оправдываться посредством моральных и метафизических оснований, а также престижностью самого насилия и его средств. В качестве мораль-

ной легитимации агрессии и даже долженствования её проявления по отношению к другим подаётся необходимость их защиты от другой агрессии. Аргументация становится метафизической, когда в дело вступают «священные права» и притязания, к примеру, на некую землю. Престижность насилия оправдывает его как такое: как доказательство собственного превосходства и силы. Также существует прямая связь престижности насилия с моральными и метафизическими аргументами. Способность к проявлению насилия является престижной ещё и потому, что проявляется как способность реализовать свои моральные и метафизические права.

Рис. 64: Основания для оправдания агрессии и насилия

6.3. Исчезновение квесцио: сакрализация

Не каждое метафизическое оправдание агрессии принимает такие чудовищные формы, как в национал-социализме, сталинизме или исламизме, идеологические системы которых строятся из единичных метафизических объектов. Но для всех метафизических актов характерно то, что в них наивысшие ценности, такие как Бог, Отечество, Семья и др., становятся в позицию оправдательных аргументов, и затем с помощью этих оправдательных аргументов достигается престижность легитимированной агрессии и её атрибутов (в частности, престиж оружия). Они являются неотъемлемой частью метафизической ценности и благодаря ей сами становятся сакральными (так, сакральная ценность и «святость» приписывается оружию, военным и, наконец, самой войне). Показательно, что своих речах В. Путин открыто сакрализирует Крым и силу оружия.

Хотя фактически в актуальной ситуации дело не дошло до применения оружия, его сакрализация проецируется на славу прошлого: колониальная война 1783 года предстаёт как героическое и священное действие, а места гибели русских – как святые места:

Каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести [Путин 2014a].

В российской милитаристско-империальной поп-музыке последних годов подобный способ аргументации широко распространён [см.: Scharlaj 2014; Scharlaj 2017]. Такие песни, как «Вперёд, с Россией!», «Марш Защитников Отечества», наполнены каскадами утверждений, экспрессив и директив (в видеоклипах – дополнительно усиленных картинками прекрасных, широких российских ландшафтов и мощного военного оружия), которые призваны подкреплять единственный аргумент, легитимирующий насилие: Россия – это священная самоцель:

Вперед с Россией, прочь сомненья,
И невозможен путь назад.
На вас взирают поколенья,
С небес взирают поколенья
России, России преданных солдат
[цит. по: Scharlaj 2014: 231].

Метафизическое почитание Родины переносится на её правителя, как это наблюдаем в известной песне «Дядя Вова, мы с Тобой!» (которая и в России вызвала неоднозначные реакции). В видеоклипе одетые в военную форму дети клянутся в верности своему командиру дяде Вова (по всей видимости, президенту Владимиру Путину) и обещают последовать за ним в «последний бой»:

А на земле сей был бы мир, но если главный командир
Позовет в последний бой, дядя Вова, мы с тобой
[http://perevodp.ru/dyadya-vova-my-s-toboy_text_lyrics_pesni –
Доступ: 03.12.2018].

Будут ли данные метафизические аргументы акцептироваться для оправдания обширных политических и военных интервенций, зависит от их позиционирования в ряду спорных вопросов, в кото-

рых проявляется, насколько неразрывно переплетаются сферы убеждения и уговаривания, например: Является ли утверждение святости истинным, или эта святость *внушается* реципиентам? Кто же, наконец, входит в состав «*Мы*»? Действительно ли завоевание Крыма в 1783 году можно оценивать как *священное*, или по отношению к колониальным войнам следует применять другие оценки?

Именно такую постановку спорных вопросов (квесцио) не допускает сакрализация. Она принципиально аподиктическая в том смысле, что в ней, как в случае с аннексией Крыма, переплетается сакральность и мнение большинства. Санкт-Петербургские медиа-коммуникативисты Виктор Сидоров и Камилла Нигматулина замечают по этому поводу:

[Т]еперь кошунственным для многих становится не только соответствующее отношение к христианским святыням, но даже сомнение в справедливости акта воссоединения Крыма с Россией. Отныне, в политическом аспекте «сакральное» ассоциируется с большинством, которое поддержало столь важный государственный акт, а «кошунственное» – с меньшинством социума, ибо только внутренне единое большинство сплывает общество [Сидоров / Нигматулина 2016: 419].

В Российской Федерации сакрализация государства (или, скорее, его империльной политики) окончательно проникла в правовую сферу, когда постановлением от 30 декабря 2015 года патриотическое воспитание граждан было провозглашено государственной целью. В этом указе патриотическое воспитание определяется как:

(...) систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины [<http://government.ru/docs/21341/> – Доступ: 12.09.2018].

То есть речь идёт об абсолютно эксплицитной обязанности манипулировать чувствами и мыслями граждан, которая должна охватить всю государственную власть вплоть до приватной семейной сферы. В результате любой критический или нейтральный взгляд

на историю попадает в сферу антигосударственной враждебности.

Сакрализации не признают никаких общих аргументаций (что в случае деонтической аргументации ещё можно ожидать). Они не признают также никаких дифференциаций по отношению к сакрализованным предметам и их языковой репрезентации. Впечатляющий пример этого содержится в уже цитированной выше книге «Катехизм Украинця XXI століття». В нём единство Украины формулируется как религиозная вера, и при этом используется формула новояза «всегда была и будет», которую В. Путин применяет по отношению к Крыму:

Тому що Бог один – і Україна одна і єдина.

Її не можна розділити, хоч би як цього хотіли її вороги.

Той, хто говорить про її поділ чи думає про її знищення, є ворогом кожного Українця. Хоч би як змінювались кордони України, хоч би як ділили її між собою сусідні держави, Україна завжди була і буде єдиною у серці кожного Українця. Вона – першооснова, яку не можна змінити чи знищити [Романенко / Коваленко 2016: 7].

Потому что Бог один – и Украина одна и единая.

Её невозможно разделить, как бы того не хотели её враги.

Тот, кто говорит о её разделении или думает о её уничтожении, является врагом каждого Украинца. Как бы не изменялись границы Украины, как бы её не делили между собой соседние государства, Украина всегда была и будет единой в сердце каждого Украинца. Она – первооснова, которую невозможно изменить или уничтожить [Романенко / Коваленко 2016: 7. – Пер. с укр.].

Здесь единство Украины приравнивается единству Бога, а также утверждается, что вера в единого Бога неотделима от веры в единую Украину. В этом речевом акте выражается сакрализация, благодаря которой Украина возвышается до уровня божественного. Этим актом пресекаются любые дискуссии о внутреннем политическом устройстве государства, а вместе с тем – и все дискуссии о соотношении меньшинства и большинства (например, о русинских или венгерских меньшинствах). Одна мысль о подобных дискуссиях

автоматически приводит не только к подозрению в предательстве страны, но и к подозрению в богохульстве.

Сакрализации не только блокируют спорные вопросы и разногласия. Они также редуцируют дискурсы до автоматического воспроизведения стереотипных утверждений и догматов веры. В конце концов, единственно возможной реакцией реципиентов остаётся аккламация или, в наихудшем случае, слепой несмолкаемый победный крик, как это было на предвыборном мероприятии Владимира Путина в 2012 году, приуроченном ко Дню защитника Отечества. Этот праздник стал подходящим поводом для воспоминаний об Отечественной войне. Владимир Путин также цитировал стихотворения М. Лермонтова «Бородино», написанное в 1837 году. Типичный и «нормальный» для любой политической речи призыв продолжать работать для будущего своей страны перешёл в плоскость военной риторики, словно страна уже подверглась нападению вражеских сил. Кровавая жертва ради священного блага России была воодушевленно поддержана присутствующими массами. Параллели с другими известными речами прошлого могут только ужаснуть читателя:

Мы еще очень многое должны сделать для России, и мы будем делать это, опираясь на талант нашего народа, на нашу великую историю, которая написана потом и кровью наших предков. В этом году мы будем отмечать 200-летие со дня Бородинской битвы, и как не вспомнить Лермонтова и его Чудо-богатырей? Мы помним эти слова еще с детства, со школы, помним этих воинов, которые перед битвой за Москву клялись в верности отечеству, и мечтали умереть за него. Помните, как они говорили? И Есенина будем помнить, будем все помнить наше величие. Так вот, вспомним эти слова:

«Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали»

Битва за Россию продолжается, победа будет за нами!
Участники митинга: Даааааааааа.
[https://ria.ru/vybor2012_putin/20120223/572995366.html –
Доступ: 14.06.2018].

Сакрализация – это конец аргументации, которая невозможна без спорности. Она позволяет любую, даже самую экстремальную форму речевой агрессии. По сути, сакрализация означает конец коммуникации в целом, как уговаривания, так и убеждения. Это порог, за которым уже становится возможной физическая агрессия. А там, за этим порогом, единственным средством коммуникации остаётся «Ура!», с которым солдаты бегут на поле боя.

7. Перлокуции

Вербальная агрессия может прямо указывать на невербальную агрессию. Особенно показательным это проявляется в речевом акте угрозы. В России на протяжении последних двух десятилетий главным виртуозом агрессивной речи в политическом и медийном дискурсах является основатель и председатель Либерально-демократической партии России Владимир Жириновский. В 2018 году на ток-шоу «60 минут», ежедневно выходящем в эфир телеканала «Россия 1», он откровенно объявил об уничтожении Украины:

Быстрее упаковывайте чемоданы и бегите из Украины. Потому что в любом месте, где только появится хотя бы один снаряд в сторону Донбасса, вся воинская часть будет уничтожена, дивизия, целая армия, котлован там останется один... Вся территория Украины под наблюдением, никто не шелохнется, никто не успеет на курок нажать, все будет гореть. [Россия 1, «60 минут», 11.01.2018 – <http://fakty.ua/254868-zhirinovskij-vnov-grozit-unichtozhit-ukrainu-video> – Доступ: 08.08.2018].

Вербальная агрессия достигает своей кульминации при аллюзии на Холокост: «всё будет гореть». Модератор ток-шоу не смог прервать В. Жириновского, и даже напоминание о предстоящих президентских выборах («У Вас выборы») не остановило исступлённую речь кандидата в президенты. Непосредственная жертва В. Жириновского – другой участник ток-шоу, украинский политолог и политик Вадим Трюхан – попытался отклонить атаку эксплицитной блокадой речевого акта угрозы:

Вадим Трюхан: Хватить угрожать ... [там же].

В ответной реакции В. Жириновский подтверждает, что он действительно намеревался угрожать, и имплицитно оправдывает анонсированные массовые убийства с помощью оскорблений потенциальных жертв:

Будем угрожать! Будем расстреливать вас, подлецов и негодяев... [там же].

На этом Вадим Трюхан закончил дискуссию: он покинул телестудию и вместе с тем всё коммуникативное пространство. Очевидно,

это был единственный возможный способ остановить безудержный поток вербальной агрессии. Коммуникативные акты, нацеленные на предотвращение коммуникативных намерений оппонента, славист Герд Фрайдхоф называет *иллокутивными блокадами* (Freidhof 1992). Прерывание коммуникации – это самая кардинальная форма блокады. Я называю её *радикальной иллокутивной блокадой*.

На самом деле угрозы не всегда облачаются в прямую и резко агрессивную форму, как у В. Жириновского. Они могут выражаться настолько косвенно, что не совсем очевидно, в чём же именно состоит угроза. Пример подобной не прямой угрозы со стороны Владимира Путина был уже выше проанализирован [см.: Глава 4.5. «Аргументация в языке»] в контексте функционирования адверсативного союза *но*:

Ну, посмотрим, каким будет выбор украинского руководства. К любому, какой бы выбор ни был сделан, мы отнесемся с уважением и, безусловно, будем продолжать работать. Но вопрос просто только в том, как будем работать, что мы должны будем предпринять для защиты своих собственных интересов. Ну, видно будет [Путин 2013а].

Данная угроза, косвенно сформулированная накануне подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом, была усвоена её адресатом – Виктором Януковичем, занимавшего в то время пост президента Украины. Не удивительно, что в такой ситуации он отреагировал как преданный вассал и отказался подписывать Соглашение, что впоследствии привело к Евромайдану и Революции достоинства.

Приведённые примеры прямой и не прямой угрозы, а также последовавшие ответные реакции дают общее представление о теме следующей главы, в которой речь пойдёт об эффектах коммуникативных актов, их контроле и неконтролируемости.

7.1. Перлокутивные действия

В своей речи В. Жириновский прямо, в форме эксплицитного требования вербализировал эффект, который должны были бы произвести его угрозы: «Быстрее упаковывайте чемоданы и бегите из Украины» [см. выше]. Однако подобного эффекта его слова не

произвели: воздействие его речевых актов оказалось иным, и собеседник прервал коммуникацию. Владимир Путин же, в свою очередь, ограничился только намёком на неприятные последствия, но намеренный эффект, как известно, был достигнут – Соглашение об ассоциации осталось неподписанным.

В рамках теории речевых актов, начиная с известной книги Джона Л. Остина «How to do things with words» («Как совершать действия при помощи слов» – с англ.) [Austin 1962; Остин 1999], воздействия речевых актов называются *перлокуциями* или *перлокутивными эффектами*, в то время как для обозначения самих речевых актов Дж. Л. Остин вводит понятие *иллокуции* [Остин 1999; Серль 1986; Серл 2002; Austin 1962; Searle 1969; Eyer 1987]. В обоих приведенных примерах иллокуцией является угроза (в первом случае как прямой, а во втором как не прямой речевой акт). Её перлокутивный эффект можно обозначить как стать причиной чего-либо или побудить к чему-либо: так, слова *В. Жириновского стали причиной того, что Вадим Трюхан покинул студию, а Владимир Путин побудил Виктора Януковича отказаться от подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом.*

Джон Л. Остин дефинирует перлокуции как «закономерные эффекты, [которые высказывания оказывают] на чувства, мысли или действия слушающих, говорящих или других лиц» [Austin 1962: 101 – Пер. с англ.]. С точки зрения интер- и интраперсональных критериев Джон Л. Остин выделяет перлокутивные акты, направленные на эмоции (например, утешать/утешить, радовать/обрадовать), когницию (убеждать/убедить) и действия (побуждать/побудить) реципиентов. Для обозначения всех возможных эффектов коммуникативных действий используются многочисленные глаголы. В славянских языках наблюдаются существенные различия с точки зрения вида глагола: глаголами несовершенного вида (имперфективного аспекта) обозначаются попытки и процессы воздействия (например, пугать), а глаголами совершенного вида (перфективного аспекта) – фактически оказанные эффекты (соответственно, испугать) [Гловинская 2001; Апресян 1995]. Подобные глаголы я называю *перлокутивными глаголами* (Perlokutiva – нем.) [Куве 2005b, 2016c].

Примерами перлокутивных глаголов, нацеленных на когнитивную сферу реципиента, являются:

- *убеждать/убедить, переконувати/переконати* (укр.), *überzeugen* (нем.);
- *вразумлять/вразумить, напоумляти/напоумити* (укр.), *zur Vernunft bringen* (нем.);
- *вдалбливать/вдолбить в голову, утовкмачувати/утовкмачити* (укр.), *einprägen, einbläuen* (нем.);
- *втолковывать/втолковать, утлумачувати/утлумачити* (укр.), *etwas beibringen* (нем.);
- *обращать/обратить внимание, звертати/звернути увагу* (укр.), *die Aufmerksamkeit auf etwas richten* (нем.);
- *отвлекать/отвлечь внимание, відвертати/відвернути увагу* (укр.), *die Aufmerksamkeit ablenken* (нем.).

Воздействия на эмоциональную сферу реципиента обозначают такие перлокутивные глаголы, как:

- *успокаивать/успокоить, заспокоювати/заспокоїти* (укр.), *beruhigen* (нем.);
- *утешать/утешить, утішати/утішити* (укр.), *trösten* (нем.);
- *оскорблять/оскорбить, ображати/образити* (укр.), *beleidigen* (нем.);
- *сердить/рассердить, сердити/розсердити* (укр.), *verärgern* (нем.);
- *раздражать/раздражить, дратувати/роздратувати* (укр.), *erregen* (нем.);
- *пугать/испугать, лякати/налякати* (укр.), *erschrecken* (нем.);
- *наскучать/наскучить, надоедать/надоесть, набридати/набриднути* (укр.), *langweilen* (нем.);
- *радовать/обрадовать, порадовать, тішити/потішити* (укр.), *erfreuen* (нем.);
- *вскружить кому-л. голову, запаморочити комусь голову* (укр.), *jemandem den Kopf verdrehen* (нем.);
- *провоцировать/спровоцировать, провокувати/спрокувати* (укр.), *provizieren* (нем.);
- *лишать/лишить кого-л. мужества, позбавляти/позбавити когось мужності* (укр.), *jemandem den Mut nehmen* (нем.);
- *вселять/вселить в кого-л. мужество, сповнювати/сповнити когось мужністю* (укр.), *jemandem Mut machen* (нем.);

- деморализовывать/деморализовать, деморалізовувати/деморалізувати (укр.), *demoralisieren* (нем.).

Если же целью коммуникативного воздействия являются определенные действия реципиента, то такие эффекты обозначаются следующими перлокутивными глаголами:

- убеждать/убедить, переконувати/переконати (укр.), *überzeugen* (нем.);
- уговаривать/уговорить, вмовляти/вмовити (укр.), *überreden* (нем.);
- поощрять/поощрить, заохочувати/заохотити (укр.), *anspornen* (нем.);
- провоцировать/спровоцировать, провокувати/спровокувати (укр.), *provocieren* (нем.);
- удерживать/удержать (кого-л. от чего-л.), утримувати/утримати когось від чогось (укр.), *jemanden von etwas abhalten* (нем.);
- заставлять/заставить молчать, змушувати/змусити замовкнути (укр.), *zum Schweigen zwingen* (нем.);
- подстрекать/подстрекнуть, підбурювати/підбурити (укр.), *aufhetzen* (нем.).

При этом отдельный ряд перлокутивных глаголов более конкретно обозначает эффекты, оказанные не на действия реципиентов, а на намерения их действий (интенции), например:

- убеждать/убедить, переконувати/переконати (укр.), *überzeugen* (нем.);
- внушать/внушить, навіювати/навіяти (укр.), *einflößen* (нем.);
- провоцировать/спровоцировать, провокувати/спровокувати (укр.), *provocieren* (нем.);
- отговаривать/отговорить, разубеждать/разубедить, відмовляти/відмовити (укр.), *abhalten von* (нем.);
- оказывать/оказать влияние, впливати/повлияти, впливати/вплинути (укр.), *Einfluss ausüben* (нем.);
- укреплять/укрепить в чём-л., укріпляти/укріпити у чомусь (укр.), *(in etwas) bestätigen, bestärken* (нем.);
- подкупать/подкупить, підкупити/підкупати (укр.), *jemanden schmieren, bestechen* (нем.);

- деморализовывать/деморализовать, деморалізовувати/деморалізувати (укр.), *demoralisieren* (нем.);
- развращать/развратить, розбещувати/розбещити (укр.), *verführen* (нем.).

Многие перлокутивные глаголы являются полисемантическими. К примеру, глагол *убеждать/убедить* охватывает несколько целевых установок [см.: Глава 1]. Какая именно из них имеется в виду, становится ясно в каждом конкретном случае исходя из контекста. Кроме того, во многих случаях одно и то же событие может обозначаться по-разному: как влияние и/или эффект на когницию или действия. Так, эффект, который непрямо угроза В. Путина произвела на В. Януковича, можно обозначить перлокутивным глаголом *убедить*. При этом данный глагол будет указывать не только на само действие, но и на влияние на когницию и намерения В. Януковича: *Путин убедил Януковича не подписывать Соглашение об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом*.

Выбор того или иного перлокутивного глагола свидетельствует об определённой интерпретации события и даже его оценивании. Так, побуждать/побудить кого-либо к чему-либо обозначает аксиологически нейтральное действие. Убеждать/убедить кого-либо в чём-либо положительно оценивает коммуникативный акт и его эффект, а перлокутивный глагол уговаривать/уговорить кого-либо на что-либо – скорее негативно. Если же некое коммуникативное действие и его эффект обозначается перлокутивными глаголами заставлять/заставить, подстрекать/подстрекнуть, деморализовывать/деморализовать – речь идёт уже о предъявлении обвинения субъекту коммуникативного действия. Так, следующие варианты обозначения эффекта непрямо угрозы В. Путина являлись бы негативными оценками осуществлённого коммуникативного действия и его эффекта: *Путин уговорил Януковича не подписывать Соглашение об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом; Путин заставил Януковича отказаться от подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом*.

Эффекты процитированных угроз В. Путина и В. Жириновского свидетельствуют ещё и о другом. Речевой акт – это намеренно осуществлённый акт говорящего лица, который, хоть и может быть истолкован неверно (*обещание* может быть понято как *угроза*, а *угроза* – как *информация*), но всё же происходит по воле и под

контролем говорящего. Эффект речевого акта, напротив, только до некоторой степени зависит от воли говорящего [см.: Wunderlich 1976: 40; Hindelang 2010: 11; Jost 2007: 160–163]. Да и наблюдающий не всегда может точно определить, какого эффекта намеревался достичь говорящий.

Чего, собственно, хотел достичь В. Жириновский своими угрозами и оскорблениями? Действительно ли он хотел вызвать массовое бегство из Украины? Хотел ли он целенаправленно прогнать своего оппонента из студии? Или же он впал в неконтролируемый приступ ярости, в котором интенсивно реализовалась экспрессивная функция речи, но не было умышленной апеллятивной функции? В последнем случае речь идёт о чистой эмотивной агрессии, которую можно сравнить с приступом ярости у протагониста песни Удо Линденберга «Ich lieb dich überhaupt nicht mehr» («Я больше тебя не люблю» – нем.), который из-за ссоры со своей любимой напал на собственный телевизор [см.: Глава 2]. Поведение В. Жириновского в студии вполне позволяет сделать такой вывод: он подскакивает к своему оппоненту и стучит кулаком по его столу. В памяти у зрителей должна была произвольно возникнуть легендарная история о появлении Никиты Хрущёва в ООН, когда тот якобы колошматил своим ботинком по столу. Возможно также, что поведение В. Жириновского – это всего лишь инсценировка, цель которой состоит в том, чтобы намеренно привлечь к себе внимание зрителей. Этой стратегии В. Жириновский следует на протяжении десятилетий. Уже в 1990-х годах он пользовался беспорядочными оскорблениями и угрозами, которые уже тогда были безосновательными, поскольку было ясно, что В. Жириновский не в состоянии выполнить ни свои обещания, ни угрозы [см.: Stadler 1998: 95], но которые обеспечивали ему длительное внимание аудитории. В конце концов, это не противоречит формату политического ток-шоу, в котором вербальная агрессия также является средством достижения цели, неотъемлемой частью политеймента и, вместе с тем, шоу-бизнеса, смысл которого состоит в том, чтобы привлечь и удержать зрителя, а также посредством скандализации дать ему тему для разговоров. Данную цель скандалы Владимира Жириновского преследуют уже на протяжении десятилетий.

Какова же на самом деле его интенция, и обдуманно ли его поведение вообще, в данном случае не вполне очевидно. Единственный определённый вывод, который можно сделать на основании

наблюдений, что угрозы и оскорбления В. Жириновского побудили его оппонента В. Трюханова прервать коммуникацию и покинуть студию.

В то же время эффект от угрозы Владимира Путина был безусловно предумышленным. Однако отказ В. Януковича подписывать Соглашение об ассоциации привел, в свою очередь, к Евромайдану, а затем и к Революции достоинства. Если угрозу В. Путина сделать частью причинно-следственной цепи этих событий, то можно утверждать, что Владимир Путин СПРОВОЦИРОВАЛ Евромайдан. Но, скорее, маловероятно, что он на самом деле *хотел* его спровоцировать.

Поскольку говорящий не может в полной мере предвидеть эффект, который произведёт его речевой акт на реципиента, и уж тем более не может точно предугадать вторичные последствия данного эффекта, Джон Сёрль осторожно говорит исключительно о *перлокутивных эффектах (perlocutionary effects)* высказываний, инициированных или не инициированных говорящим [Searle 1969: 46–49, 71].

Джон Л. Остин, напротив, понимает перлокуции не только как эффекты (*effects*), но и как действия (*acts*). Хотя эффекты и последствия действий – это не сами действия, тем не менее, действия могут обозначаться через их последствия. Любое событие можно квалифицировать как действие, обозначенное через эффект или процесс. Так, к примеру, существует принципиальная разница между *застрелить*, обозначающим эффект действия, и *стрелять*, обозначающим процесс действия. В случае если кто-то был *застрелен*, мы имеем результат действия (объект В *застрелен*) и можем говорить об интенциональном действии (субъект А *стрелял*), но не можем точно утверждать, имел ли субъект А интенцию *застрелить* объект В. Несчастный случай на охоте мог, к примеру, привести к тому, что один охотник случайно *застрелил* другого, думая, что он стреляет в зверя. Он действительно *стрелял* (то есть его действие было интенциональным), но он точно не хотел *застрелить* другого охотника (то есть эффект его действия был неинтенциональным).

Подобные случаи неинтенциональных эффектов, оказанных интенциональными действиями, встречаются и в языковой сфере. Они часто касаются таких перлокутивных глаголов, как *оскорблять/оскорбить*, *провоцировать/спровоцировать*, *обескураживать/обескуражить* и т. д. К примеру, я намеревался оказать на

своего партнёра по коммуникации определённое влияние, но всё же решил не предпринимать никаких специальных коммуникативных действий, которые могли бы привести к ожидаемому эффекту. В таком случае перлокутивная интенция присутствовала, но не было перлокуции как действия. С другой стороны, в результате моего коммуникативного действия был оказан непреднамеренный или нежелательный эффект – мой собеседник оскорбился. Но непосредственно о самом моём коммуникативном действии нельзя судить по его эффекту: несмотря на то, что я фактически оскорбил своего собеседника, я не совершал коммуникативного акта оскорбления (это была случайность, а не намеренный поступок). Поэтому не так редко встречаются извинения, отрицающие интенциональность эффекта: например, «Я не хотел тебя оскорбить / провоцировать / обескураживать».

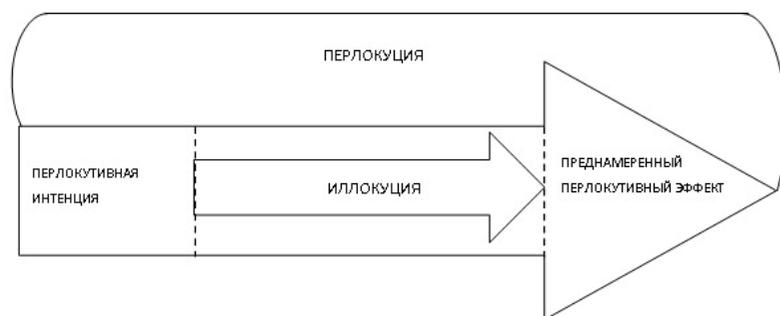

Рис. 65: Модель перлокутивного действия

Таким образом, перлокуцию можно представить в виде визуальной модели (Рис. 65). Поскольку эффекты коммуникативных действий могут быть преднамеренными или непреднамеренными, в рамках данной модели под *перлокуциями* понимаются коммуникативные действия, выражаемые через их преднамеренные эффекты. *Иллокуциями* же являются коммуникативные действия сами по себе, в основе которых всегда лежат определённые интенции. Ключевое отличие состоит в том, что если некое коммуникативное действие определяется как перлокуция, то в обязательном порядке принимаются во внимание его преднамеренные эффекты, а если оно определяется как иллокуция – то его эффекты нерелевантны. С точки зрения теории речевых актов, как это установила Беатрикс Кресс [Kress 2010: 209], следует говорить не о двух различных речевых актах – иллокутивном и перлокутивном, а только

о едином речевом акте, который выражается через своё иллокутивное и перлокутивное содержание.

Следовательно, иллокуции *благодарить/отблагодарить* или *приказывать/приказать* и перлокуции *радовать/обрадовать* или *пугать/испугать* отличаются объёмом обозначаемого действия – принимают ли во внимание его эффекты или нет [Куве 2005b: 53; Куве 2012: 84; Куве 2016с: 168–169]. Поэтому в следующей схеме, изображающей *непреднамеренный перлокутивный эффект*, отсутствует рамочная конструкция перлокуции, объединяющая интенцию с эффектом (Рис. 66).

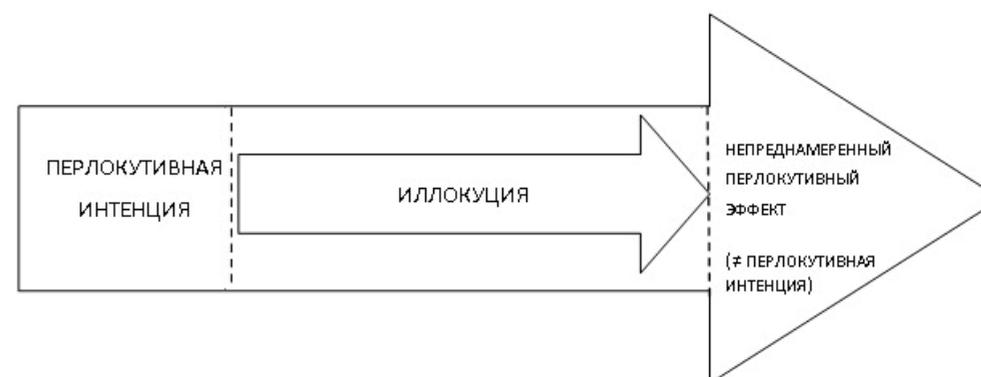

Рис. 66: Модель непреднамеренного перлокутивного эффекта

В отдельных случаях бывает сложно определить границы между перлокуциями как действиями и непреднамеренными перлокутивными эффектами. Это уже отчётливо проявляется на примере преднамеренных и непреднамеренных оскорблений, среди которых Ирвинг Гофман различает три типа «ликопонижающих актов», только один из которых является преднамеренным: невольные «ошибки, глупости, промахи и бестактности»; действия с прямым намерением публичного оскорбления; «случайные оскорбления» как непреднамеренные, но предугаданные и акцептированные «побочные продукты» действий [Goffman 2003: 110. – Пер. с нем.]. Именно последний тип показывает, что вопрос о преднамеренности перлокутивного эффекта может быть спорным. Поэтому Вернер Холли проводит различия между интенцией и ответственностью за коммуникативное действие и его последствия, не отрицая при этом прототипичность интенциональности: «Перлокуции обычно являются интенциональными. Неинтенциональное воздей-

ствие только в отдельных случаях может быть перлокуцией – если говорящий несёт за него ответственность» [Holly 1979: 13. – Пер. с нем.]. Следовательно, для оценки перлокуций имеет смысл принимать во внимание не только понятие *интенциональности*, но и *ответственности* [Staffeldt 2007: 67], поскольку действующий акт несёт ответственность не только за преднамеренные, но и за все другие (в том числе и нежелательные) последствия своих действий, которые он мог предвидеть. «Такие формулировки, как *Ты должен был бы знать, что оскорбишь этим [своего реципиента]* или *Подобное нельзя говорить в этой ситуации, ведь это же известно, что такими словами ты нанесёшь удар [своему реципиенту]* указывают на то, что приписывание ответственности за оказанный эффект может осуществляться только в рамках контекста высказывания» [там же. – Пер. с нем.].

Различия между перлокуциями и перлокутивными эффектами находят своё отражение в семантике перлокутивных глаголов. Существуют глаголы, обозначающие как перлокуции, так и преднамеренные перлокутивные эффекты, и глаголы, обозначающие только перлокуции. К первому типу относятся, к примеру:

- *оскорблять/оскорбить, ображати/образити* (укр.), *beleidigen* (нем.);
- *разочаровывать/разочаровать, розчаровувати/розчарувати* (укр.), *enttäuschen* (нем.);
- *развеселять/развеселить, розвеселяти/розвеселити* (укр.), *erheitern* (нем.);
- *производить/произвести впечатление, справляти/справити враженя* (укр.), *Eindruck machen* (нем.);
- *наскучивать/наскучить, надоедать/надоесть, набрида-ти/набриднути* (укр.), *langweilen* (нем.).

Типичными перлокутивными глаголами, которыми обозначаются исключительно перлокуции, являются:

- *уговаривать/уговорить, вмовляти/вмовити* (укр.), *überreden* (нем.);
- *унижать/унизить, принижувати/принизити* (укр.), *erniedrigen* (нем.);

- *втиратся/втереться в доверие, втиратися/втертися в довіру* (укр.), *sich bei jemandem einschmeicheln, Vertrauen erschleichen* (нем.).

Кроме того, стоит проводить различия между перлокуциями и перлокутивными интенциями, ведь, как уже было показано, интенции, хоть и лежат в основе совершаемых действий, не всегда приводят к желаемым и ожидаемым эффектам. В славянских языках на это особо указывают различия между перфективным и имперфективным аспектом глагола. В этом смысле М. Я. Гловинская и Ю. Д. Апресян обращают внимание на то, что у семантически перлокутивных глаголов (например, *убеждать/убедить*) перфективный аспект обозначает перлокуцию, а имперфективный аспект – иллокутивный акт, имеющий определённую перлокутивную цель (см.: Гловинская 1992: 124) или попытку достичь определённой цели: *убеждать* = «приводя аргументы, пытаться убедить X-а в Y-е» [см.: Апресян 1995: 83]. Поэтому только за вербализацией речевого акта в имперфективном аспекте может следовать его адверсативное отклонение:

Он *отговаривал* меня ехать в Петербург, но я все равно поехал.

*Он *отговорил* меня ехать в Петербург, но я все равно поехал.

В отличие от перлокутивных эффектов, которые сами по себе проявляются эксплицитно (партнер по коммуникации оскорблен, утешен или позволил себя убедить), перлокутивные интенции и перлокуции как действия не настолько непосредственно очевидны. Когда кто-то даёт обещание, невозможно однозначно определить его цель: хочет ли он обрадовать собеседника, успокоить его, ложно обнадежить или побудить к определенным действиям. Приписывание партнеру по коммуникации определённой интенции («Он точно хочет меня обмануть...» или «Она, вероятно, хотела мне помочь...») – это, по сути, интерпретация речевого акта оппонента с точки зрения его намерений. В подобной интерпретации коммуникативная деятельность партнёра оценивается как искренняя или обманная.

Существует целый ряд перлокутивных глаголов, с помощью которых можно приписать своему оппоненту отрицательные или враждебные интенции:

- *втиратися/втереться в доверие, втиратися/втертися в довіру* (укр.), *sich bei jemandem einschmeicheln, Vertrauen erschleichen* (нем.);
- *подговаривать/подговорить, подбивать/подбить (на что-либо), підмовляти/підмовити* (укр.), *verleiten* (нем.);
- *сбивать/сбить с дороги, збивати/збити зі шляху* (укр.), *(jemanden) vom Weg abbringen* (нем.);
- *навязывать/навязать, нав'язувати/нав'язати* (укр.), *(jemanden) etwas aufschwätzen* (нем.);
- *выманывать/выманить что-л. у кого-л., виманювати/виманити щось у когось* (укр.), *(jemandem etwas) entlocken* (нем.).

Подобные обвинения могут использоваться для искажения имиджа оппонента в глазах третьих лиц. Так, в следующем примере В. Путин интерпретирует коммуникативные события прошлого как попытки обмана и благодаря этому косвенно отвергает утверждения о том, что Россия не соблюдает договорённости:

[Н]ас раз за разом обманывали, принимали решения за нашей спиной, ставили перед свершившимся фактом. Так было и с расширением НАТО на восток, с размещением военной инфраструктуры у наших границ. Нам всё время одно и то же твердили: «Ну, вас это не касается». Легко сказать, не касается [Путин 2014а].

Наиболее серьёзное обвинение в неискренности и коммуникативном насилии – это тотальная манипуляция, метафорически называемая «промывкой мозгов». В рамках российско-украинского конфликта обоюдные обвинения в «промывке мозгов» звучат с обеих сторон. К примеру, один однозначно антиукраинский автор сайта *alternatio.org*, Юрий Апухтин, убеждён, что существование украинской нации – это исключительно результат подобного «чудовищного насилия над умами»:

При незначительной численности «свидомых украинцев», пользуясь поддержкой и попустительством продажной элиты

и Запада, они путем махинаций, подмены понятий, шантажа и чудовищного насилия над умами переформатировали информационное пространство страны и убедили значительную часть народа в существовании «украинской» нации. И на исконной русской земле их идеология стала государственной! [Апухтин 2018].

Для обозначения подобного манипулятивного влияния (особенно со стороны медиа) в русском и украинском языках появился новый глагол *зомбировать* (*зомбувати* – укр.). Показательный пример его употребления встречаем в статье политолога Виктора Каспрука, опубликованной на интернет-сайте «Радио Свобода» 11 июля 2014 года:

На жаль, значна частина росіян, котра зомбована телебаченням, не здатна побачити, що їх непомітно, але впевнено ведуть до катастрофи. А розплачуватися по чужим вексям, як завжди, буде народ [Каспрук 2014].

К сожалению, значительная часть русских, зомбированных телевидением, не способна увидеть, что их незаметно, но уверенно ведут к катастрофе. А расплачиваться по чужим вексям, как всегда, будет народ [Каспрук 2014. – Пер. с укр.].

7.2. Реконструирование перлокутивных интенций

Коммуникативной деятельности, как и любой другой деятельности, могут приписываться всевозможные смыслы и цели – а значит, в коммуникации всегда учитывается перлокуция. В случае успешной и кооперирующей коммуникации предполагаемые перлокуции считаются искренними. По принципу релевантности [Sperber/Wilson 1995] они оцениваются посредством интерпретации, которая наиболее соответствует данному речевому акту. Это также является причиной того, почему перлокуции практически не рассматриваются в удавшейся, успешной коммуникации и почему вопрос «А чего, собственно, хочет добиться X?» возникает только тогда, когда его коммуникативное действие осталось непонятым, или когда появляются сомнения в искренности оппонента.

Естественно, иногда бывают такие случаи (да и у каждого есть подобный опыт), когда участник коммуникации не до конца уве-

рен, какие же перлокутивные цели преследует его оппонент. В непринуждённой атмосфере диалога перлокутивную интенцию можно уточнить, задав вопрос: «Что ты хочешь этим сказать?», «Что ты хочешь, чтобы я сделал?», «Я не понимаю, чего ты от меня хочешь?» и т. д. Но бывает, что задать подобный вопрос по каким-то причинам невозможно: к собеседнику невозможно обратиться, поскольку уточняющий вопрос покажется ему невежливым или поскольку сам собеседник не вызывает доверия. В таких случаях перлокутивную интенцию приходится реконструировать на основании контекста и других факторов. Так как перлокуции являются действиями, процесс реконструкции происходит путём инверсии *практического умозаключения*. Понятие *практического умозаключения* было позаимствовано у Аристотеля. В XX веке Элизабет Энском ввела его в аналитическую философию [Anscombe 1957], а Георг Хенрик фон Вригт дал ему дальнейшее развитие [Wright 1971].

Волитивная посылка:	A намерен добиться p
Когнитивная посылка:	A верит, что он только тогда сможет добиться p , когда совершит h
Конклюдия:	Следовательно A совершает h

Рис. 67: Базовая форма практического умозаключения по Г. Х. фон Вригту

Практическое умозаключение, как и силлогизм, имеет две посылки и конклюдия. Однако конклюдия представляет собой не высказывание, а действие. Первая посылка – это цель действия. Г. Х. фон Вригт называет её *волитивной посылкой*. Вторая посылка – это знание, что определённая цель будет достигнута благодаря определённому действию. Это *когнитивная посылка*. Вслед за этой когнитивной посылкой совершается действие [ср.: Wright 1971]:

Практические умозаключения всегда являются энтимемами. Они не настолько убедительны, как дедуктивные силлогизмы, поскольку между посылками и конклюдией могут возникать некоторые препятствия, например:

A не в состоянии, или ему что-то мешает совершить h .

A знает о нежелательных последствиях h , которые его удерживают от того, чтобы достичь p посредством h .

A оценивает действие h как негативное.

Например:

A намеревается стать богатым и верит, что может стать богатым, только ограбив банк. Но он считает ограбление банка морально неприемлемым поступком и поэтому отказывается от богатства.

Исходя из вероятностного характера практического умозаключения, были предложены многочисленные варианты, имплементирующие в форму умозаключения всевозможные основания, способные предотвратить совершение действия. Так, в конклюдии, вместо самого действия, может рассматриваться воля к действию [о практическом умозаключении и дискуссии его вариантов см.: Кузе 2000].

В данном случае, скорее, не имеет смысла обсуждать различные формы практического умозаключения. Важно только, что реконструирование практических умозаключений необходимо для понимания перлокутивных интенций коммуникативного партнёра, но умозаключение от намерений к совершаемому действию далеко не всегда способно быть убедительным, а значит и на реконструкцию намерений говорящего, исходя из его поступков, не всегда можно положиться.

Реконструирование перлокутивной интенции осуществляется в обратном порядке, отталкиваясь от конклюдии. В реальных коммуникативных обстоятельствах единственно очевидным является совершённое коммуникативное действие, которое в рамках схемы практического умозаключения представляет собой конклюдия. Предполагается, что актёр совершил данное действие осознанно и преследовал конкретные цели. На основании наблюдаемого коммуникативного действия реконструируется когнитивная посылка говорящего, которая, в свою очередь, проявляет его волитивную посылку, то есть перлокутивную интенцию. Так, к примеру, на основании наблюдения « A хвалит B » можно реконструировать волитивную посылку практического умозаключения « A хочет обрадовать B »:

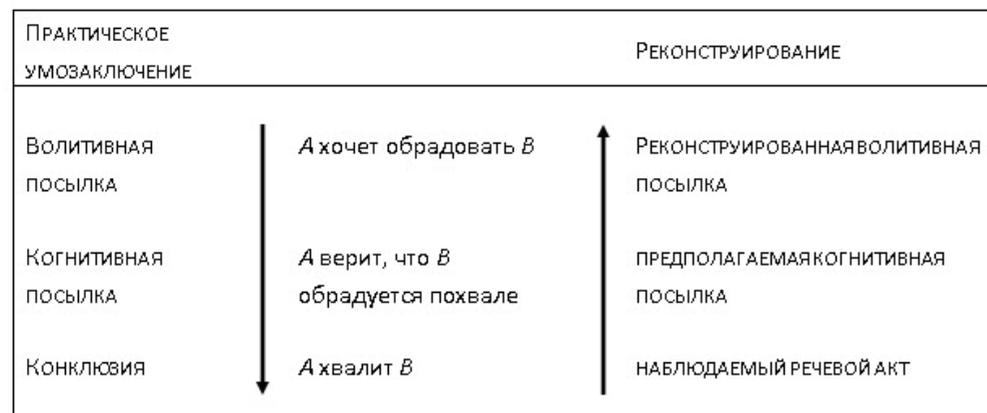

Рис. 68: Практическое умозаключение и его реконструирование

Так как подобные процессы реконструкции перлокутивных интенций, как и сами практические умозаключения, имеют более или менее высокую степень вероятности, из одного и того же речевого акта можно вывести, как правило, несколько различных перлокутивных интенций. Так, на основании простейшего речевого акта «А хвалит В» сам реципиент В или третьи лица могут реконструировать несколько вероятных практических умозаключений субъекта А. Представим сначала каждое из них как процесс реконструкции, а затем как практическое умозаключение:

(a) Процесс реконструкции:

А хвалит В	
А верит, что В обрадуется похвале	КОГНИТИВНАЯ ПОСЫЛКА
А хочет обрадовать В	ВОЛИТИВНАЯ ПОСЫЛКА

Практическое умозаключение:

А хочет обрадовать В	ВОЛИТИВНАЯ ПОСЫЛКА
А верит, что В обрадуется похвале	КОГНИТИВНАЯ ПОСЫЛКА
А хвалит В	КОНКЛЮЗИЯ

(b) Процесс реконструкции:

А хвалит В.	
А верит, что похвала мотивирует В	КОГНИТИВНАЯ ПОСЫЛКА
А хочет мотивировать В	ВОЛИТИВНАЯ ПОСЫЛКА

Практическое умозаключение:

А хочет мотивировать В	ВОЛИТИВНАЯ ПОСЫЛКА
А верит, что похвала мотивирует В	КОГНИТИВНАЯ ПОСЫЛКА
А хвалит В	КОНКЛЮЗИЯ

(c) Процесс реконструкции:

А хвалит В.	
А верит, что похвала оскорбит В (потому что похвала будет несправедливо истолкована как ирония и т. д.)	КОГНИТИВНАЯ ПОСЫЛКА
А хочет оскорбить В	ВОЛИТИВНАЯ ПОСЫЛКА

Практическое умозаключение:

А хочет оскорбить В	ВОЛИТИВНАЯ ПОСЫЛКА
А верит, что похвала оскорбит В (потому что похвала будет несправедливо истолкована как ирония и т. д.)	КОГНИТИВНАЯ ПОСЫЛКА
А хвалит В	КОНКЛЮЗИЯ

Какая из данных реконструкций более вероятна, зависит от контекста и знания принятых норм поведения. Реконструирование – это абдуктивное умозаключение, процесс которого движется от наблюдения через общее правило к частному случаю. Подобные абдуктивные умозаключения типичны в быту, в криминалистике и в некоторых науках, в частности, в палеонтологии и археологии [Куве 2012: 95–97, 246–248; Куссе 2016: 100–101, 267–268]. К примеру, ювелир приходит утром в свою мастерскую и видит, что разбита витрина. Так как он знает, что во время краж злоумышленники обычно разбивают стёкла витрин, он делает непосредственный вывод, что ночью была предпринята попытка ограбления. Или другой пример: археолог находит в поле римские монеты, наконечники стрел и остатки различных металлических предметов. Поскольку археологам известно, что подобные предметы, как правило, забывались или намеренно бросались, когда римский лагерь сворачивался, и войско двигалось дальше, он делает вывод о том, что на этом месте временно располагался римский лагерь.

В абдуктивных умозаключениях когнитивная посылка, персонально касающаяся отдельно взятого действующего актанта, формулируется как универсальное правило: например, тот, кто хвалит, как правило, хочет обрадовать адресата. В схематическом противопоставлении практического умозаключения и его реконструирования используемое в процессе реконструкции правило умозаключения находится между наблюдаемым речевым актом и предполагаемой когнитивной посылкой (Рис. 69).

В абдуктивном реконструировании могут использоваться различные правила, выбор которых зависит от контекста коммуникации и ожиданий реципиента или наблюдателя. В рамках той же похвалы, как упоминалось выше, могут применяться разные правила умозаключения: тот, кто хвалит, чаще всего хочет мотивировать или же тот, кто хвалит без повода, вероятно, хочет оскорбить. Если в процессе анализа речевого акта не совсем ясно, какое правило следует применить, то и о перлокутивных намерениях говорящего вряд ли можно говорить уверенно. Причём чем больше усилий требуется для реконструирования неясных перлокутивных намерений говорящего, особенно если нет возможности спросить о них прямо, тем более монологичной является коммуникация, и тем выше в ней вероятность коммуникативной неудачи.

ПРАКТИЧЕСКОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ		РЕКОНСТРУИРОВАНИЕ	
Волитивная посылка	А хочет обрадовать В	А хочет обрадовать В	РЕКОНСТРУИРОВАННАЯ ВОЛИТИВНАЯ ПОСЫЛКА
Когнитивная посылка	А верит, что В обрадуется похвале	А верит, что В обрадуется похвале	ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ КОГНИТИВНАЯ ПОСЫЛКА
		Тот, кто хвалит, как правило, хочет обрадовать	ПРИМЕНЯЕМОЕ ПРАВИЛО
Конклюдия	А хвалит В	А хвалит В	НАБЛЮДАЕМЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ

Рис. 69: Практическое умозаключение и его абдуктивное реконструирование через применяемое правило

7.3. Перлокутивная интеракция

Если в процессе коммуникации регулярно требуется реконструировать перлокутивные интенции, следует говорить о *перлокутивной интеракции*. Особенность перлокутивной интеракции состоит в том, что участники коммуникации спрашивают себя не о том, что хотел сказать партнёр (какова иллокуция), а о том, что чего он хотел достичь (какова перлокуция).

Типы дискурсов отличаются тем, какую роль в их рамках играет перлокутивность. Например, в рекламе перлокутивность предполагается априори: воспринимая рекламные тексты, реципиент осознает различия между видимым коммуникативным действием и латентной целью рекламодателя – желанием продать свой товар (данная цель не должна, но может выражаться в тексте эксплицитно). Реклама отличается тем, что она принципиально перлокутивна, и реципиенты обычно не сомневаются в перлокутивных целях этого жанра. В политике и дипломатии не всё так однозначно: прямота и откровенность является спорным аспектом коммуникативных действий в рамках данных дискурсов. В религии искренность перлокуции является принципиальным условием: слушатели не ожидают от проповедника, что он хочет их убедить в чём-то или уговорить на что-то, о чём прямо не говорится в проповеди. Поэтому в истории языка и коммуникации именно религиозная критика языка с особым упреком поднимает вопрос о неискренности коммуникации. Наиболее выразительные примеры мы можем найти в известных произведениях религиозно инспирированных классиков литературы: в «Мёртвых душах» (1842) Николая Гоголя, «Бесах» (1871-1872) Фёдора Достоевского, «Анне Карениной» (1873-1877) Льва Толстого или «Краткой повести об антихристе» (1900) Владимира Соловьёва [Anderson 1997; Heftrich 2004; Kuße 2008b, 2010, 2015].

Историческим прототипом перлокутивной интеракции является *придворная коммуникация* с её слабым или даже совсем не выраженным разграничением официальной, политической и приватной коммуникации. В пределах узкого придворного круга смешение всех сфер коммуникации привело к тому, что её участники уже изначально ожидали друг от друга, что иллокуции будут реализовываться непрямо или, ещё хуже, что за перлокутивными целями отдельных актов коммуникации скрывались совсем не коммуникативные цели. Так, Екатерина II (1729-1796) в своих мемуарах

рассказывает, как её первый ребёнок, в последствии наследник престола Павел I, сразу же после рождения был отдан на попечение императрице Елизавете Петровне, и Екатерина могла только украдкой узнавать о нём новости:

Я могла узнавать о нем только украдкой, потому что спрашивать об его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нем императрица, и это могло быть принято очень дурно [Екатерина II. 1990: 157].

Великая княгиня была убеждена, что её возможный речевой акт вопроса будет воспринят не иначе, как первично экспрессивный речевой акт выражения сомнения. А это уже оказалось бы бунтом, ведь какую ещё цель может преследовать выражение сомнения в заботливости императрицы, чем желание лишить её заботы о ребёнке? Прямое или скрытое преследование подобной цели в рамках абсолютистской иерархии значит не что иное, как восстание. Великая княгиня не могла рисковать подобной интерпретацией своего речевого акта и поэтому вынуждена была тайным образом реализовывать свою законную коммуникативную цель – получать информацию о здоровье своего ребёнка. Умение предугадывать возможные интерпретации своих перлокутивных интенций, а также распознавать перлокутивные интенции других – для Екатерины II это было вопросом коммуникативной компетенции и успешного участия в жизни двора. Она «понимала себя частью придворного микрокосмоса, функционирующего по собственным законам. Там казаться («paraître») намного важнее, чем быть («être»). Придворный мир определялся аффектированным поведением своих участников, а также иллюзией бытия. Если великая княгиня хотела выжить в этом мире, она должна была волей-неволей приспособливаться к его законам» [Chernova 2007: 158. – Пер. с нем.]. Для этого было принципиально необходимо интерпретировать иллюзии с точки зрения возможных перлокутивных намерений, а также по возможности поступать точно противоположно тем ожиданиям, которые выражают в своих речевых актах партнёры по коммуникации.

Показательным примером является эпизод, относящийся к периоду вступления Екатерины II на российский престол в 1762 году, когда она несколько дней не покидала своей комнаты. В мемуарах

она пишет, что, как ей позже сообщили, французский посланник её очень хвалил за это:

Я все еще не выходила из своей комнаты, пока граф Понятовский не довел до моего сведения, что французский посол маркиз де Лопиталь очень хвалит меня за мое твердое поведение и говорит, что это решение не выходить из моих покоев может обратиться только в мою пользу. Тогда, принимая эти слова за коварную похвалу врага, я решила делать обратное тому, что он хвалит [Екатерина II. 1990: 237].

С её точки зрения, её супругу, Петру III, действовать подобным образом не удавалось:

Несколько дней спустя великий князь сказал мне, что он хочет просить у императрицы денег для своих голштинских дел, которые идут все хуже и хуже, и что советует ему это Брокдорф. Я хорошо поняла, что это была приманка, на которую его хотели поймать, чтобы заставить его надеяться (...) через посредство господ Шуваловых [Екатерина II. 1990: 164].

Придворная коммуникация осложняется ещё больше тем, что в её рамках существует сложное переплетение возможных целевых сфер и целевых групп перлокуций. Эффекты от осуществлённых действий могут нацеливаться и проявляться не только на непосредственных реципиентах, но и на третьих лицах. О подобных вторичных и косвенных эффектах вспоминает княгиня Екатерина Дашкова (1743–1810), которая долгое время была доверенным лицом Екатерины II:

Не знала я и того, что если вас может простить сам государь, то его приближенные не простят никогда [Дашкова 1987: 49].

Коммуникативное действие может быть полинаправленным, а намеренный эффект быть нацеленным не на коммуникативного оппонента. Если задуманный эффект должен нанести вред некоторым лицам, то в таком случае говорят об *интригах*. В литературном описании придворной коммуникации – даже от лица её современников, к примеру, у Дениса Фонвизина (1745–1792) и, конечно, у Александра Дюма (1802–1870) – интриги представляют собой основной сюжетный материал драм, рассказов и романов.

Естественно, подобные вредоносные перлокуции используются не только в придворной коммуникации. Следующий пример взят из криминального романа Бориса Акунина. В данном фрагменте речь идёт о том, что эффект должен проявиться на свидетелях коммуникативной интеракции:

– (...) Этот князек слишком шустр, нужно его нейтрализовать. (...) Не убить, конечно. Этого еще недоставало. Есть способы и получше. – Голос Сверчинского стал мечтательным. – Например, выставить этого попрыгунчика дураком. Сделать смешным. (...) [Акунин 2002: 153].

Кроме того, перлокутивная интеракция может быть игрой и в доверительных отношениях иметь своё очарование, особенно, в любви, во флирте, полном интригующих намёков. Однако перлокутивная интеракция приятна только тогда, когда её можно заменить открытой коммуникацией, где перлокутивные цели бесспорны, и их в любой момент можно уточнить и раскрыть. Если это не так, то перлокуции легко становятся *обманом*. Так, в своей «Теории коммуникативного действия» Юрген Хабермас дефинирует перлокуции как «некоторые подклассы телеологических действий, которые могут осуществляться посредством речевых действий при условии, что актер не декларирует или не признает цель своего действия как таковую» [Habermas 1988/1: 393. – Пер. с нем.] и в качестве примера приводит целый ряд актов обмана: «Перлокутивную цель говорящий преследует только тогда, когда он отдаёт приказ атаковать для того, чтобы умышленно направить войска в засаду; когда он предлагает пари на три тысячи марок, только чтобы поставить другого в затруднительное положение; когда он поздним вечером рассказывает новую историю, чтобы задержать гостя и т. д.» [там же: 396. – Пер. с нем.].

Хотя перлокуции и не являются априори обманами, их можно классифицировать в соответствии с критерием обманного умысла. Перлокуциям, обозначаемым посредством негативно оценивающих выражений, приписывающих говорящему обманные намерения (ПОДСТРЕКАТЬ/ПОДСТРЕКНУТЬ КОГО-ЛИБО НА ЧТО-ЛИБО, ВДУШАТЬ/ВДУШИТЬ КОМУ-ЛИБО ЧТО-ЛИБО и т. д.), противостоят другие перлокуции, в обозначениях которых не предполагается никакого обманного умысла (УБЕЖДАТЬ/УБЕДИТЬ КОГО-ЛИБО В ЧЁМ-ЛИБО, ДОКАЗЫВАТЬ/ДОКАЗАТИ КОМУ-ЛИБО ЧТО-ЛИБО, УТЕШАТЬ/УТЕШИТЬ КОГО-ЛИБО и т. д.). Помимо того суще-

ствуют перлокутивные глаголы, которые оставляют возможность обманного намерения открытой. Соответствующие им перлокуции могут, но не должны обязательно оказаться обманными. К таким относятся: УГОВАРИВАТЬ/УГОВОРИТЬ, ПОБУЖДАТЬ/ПОБУДИТЬ КОГО-ЛИБО К ЧЕМУ-ЛИБО, УДЕРЖИВАТЬ/УДЕРЖАТЬ КОГО-ЛИБО ОТ ЧЕГО-ЛИБО и т. д. После того, как перлокуции вслед за Джоном Л. Остином были классифицированы по целевой ориентации (на эмоции, когницию, действия и интенции действий), можно представить типологию перлокуций по целевой аудитории, целевой ориентации и обманному намерению (см. Рис. 70).

С точки зрения психологии коммуникации Шульц фон Тун, ссылаясь на теорию И. Лангера, говорит о «функциональном отравлении», когда отправитель информации ориентируется в первую очередь на её воздействие или (что также является отравляющим) приписывает подобный подход к коммуникации реципиенту [ср.: Thun 2003: 211]. Социальное отравление оказывается особенно сильным и может приводить к краху коммуникации и даже к прямому физическому насилию, если коммуникативный процесс состоит исключительно из обманных манёвров или постоянно сопровождается подозрениями в обмане.

В своём великом романе «Бесы» Фёдор Достоевский литературно осмыслил отравленную коммуникацию, пронизывающую целое общество [Anderson 1997; Кузе 2015]. В начале второй части роман показывает деструктивную атмосферу «нашего города», провинциальный фарс которого наполнен заносчивостью, безумием и убийством. Разнообразные отрицательные оценки происходящей коммуникации отражаются в богатом вокабуляре: *чего-чего* только *не болтали* в этом городе, *по уголкам*, чего только *шёпотом* не *рассказывали*, и в этой атмосфере даже *несколько кратких, но злобных слов* могли стать *причиной многих слухов*. За первоначальными *торопливыми намёками*, воспринимаемыми *строго и холодно*, следуют более резкие формы: *ядовитые фразы* или обвинения, что кто-то якобы *унизительно подлизывался* к молодёжи и т. д. [Достоевский 1990: 201–203]. В городе царит тотальное недоверие друг к другу, разрушившее всё общество ещё до того, как его погружает в пучину хаоса демонический Пётр Верховенский и его компания. Причина того, что им это с лёгкостью удаётся, состоит именно в отсутствии доверия внутри общества и в отравленной

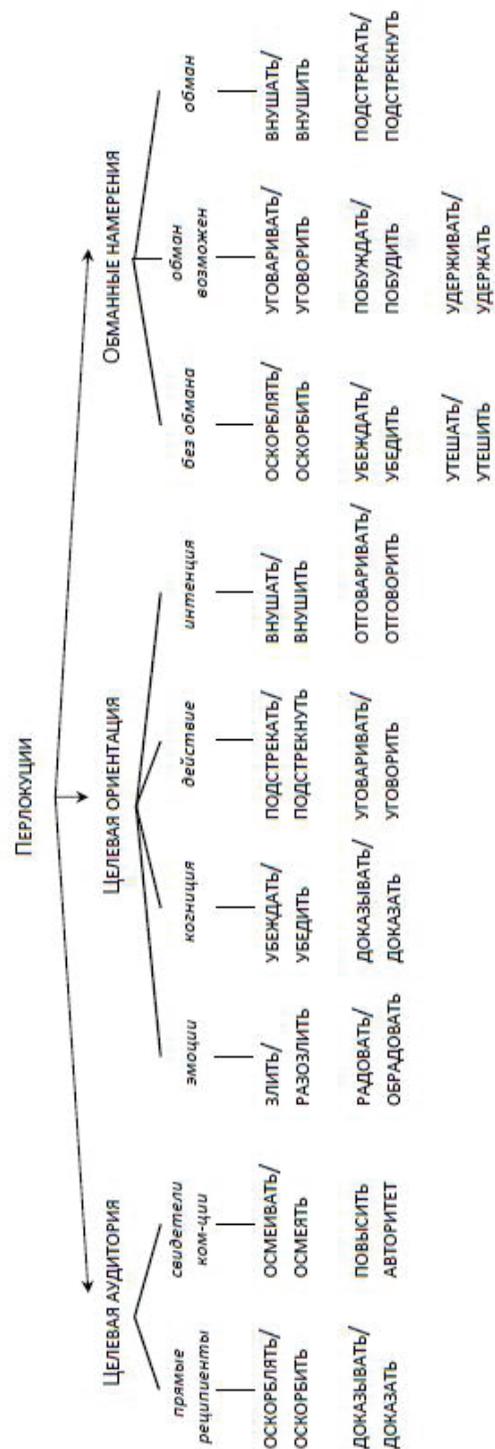

Рис. 70: Типология перлокуций по целевой аудитории, целевой ориентации и обманному намерению

коммуникации, ставшей плацдармом борьбы всех против всех [ср.: Jones 1990: 111; Anderson 1997: 15].

Каждая интрига – это социальное отравление коммуникации. Но об отравленной коммуникации можно говорить уже тогда, когда невозможно расспросить говорящего о его перлокутивных интенциях, потому что партнёры по коммуникации не доверяют друг другу и изначально ожидают друг от друга враждебных намерений, когда партнёры по коммуникации не знают точно, как им интерпретировать действия оппонента и как на них реагировать.

Одним из признаков отравленной коммуникации в глобальной политике являются периодические попытки мировых медиа догадаться, какие же политические и военные цели преследует Владимир Путин. Этот вопрос стоял особенно остро в 2014-2015 годах. В частности, в 2014 году немецкие СМИ в различных медийных и политических вариациях регулярно поднимали вопрос «Чего он хочет?» («Was will er?» – нем.). Ответы на были и остаются несколько растерянными и встревоженными.

Так, немецкий депутат Европейского парламента Элмар Брок признаёт, что «Никто не может точно сказать, чего в действительности желает российский президент» [Stuttgarter Nachrichten, 14.11.2014. – Пер. с нем.], один из комментаторов немецкого издания «Die Welt» признаётся в беспомощности: «Для западного наблюдателя он производит впечатление Сфинкса» [Die Welt, 25.02.2015. – Пер. с нем.], а Михаэль Туманн на страницах «Die Zeit» задаётся вопросом, что же здесь происходит, и утверждает: «Недопонимание никогда не было настолько глубоким, как сегодня, даже во времена Холодной войны» [Die Zeit, 12.02.2015. – Пер. с нем.].

Причины непонимания ищутся в национальной русской психике, шокированной крахом мировой империи, и в индивидуальных особенностях её правителя – как, например, в том, что Владимир Путин – оскорблённый президент, которого, должно быть, глубоко ранили слова Барака Обамы о том, что Россия – это всего лишь «региональная держава» [там же]. Его ответной реакцией на это стала ложь и агрессия, но какова её истинная цель – всё ещё не ясно. Немецкоязычный писатель и публицист Борис Шумяцкий предполагает: «Кремль на самом деле не рассчитывает на то, что его лжи поверят. Путин победит уже тогда, если главы других правительств оставят его ложь без ответа» [Die Zeit, 01.10.2014. – Пер. с нем.]. Историк стран Восточной Европы Карл Шлёгелль видит в

«стирании границ между фактами и вымыслом (...) большое достижение власти Путина» [Die Welt, 24.02.2015. – Пер. с нем.]. Её эффективность держится, главным образом, на том, что актанты «политической культуры, сформировавшейся в результате конфликта между Востоком и Западом», не были готовы к тому, что «он людям прямо в лицо будет говорить неправду», и что он, более того, «имеет такое тонкое чутьё, такой прекрасный нюх на слабости своего противника, которыми можно воспользоваться. Это не имеет ничего общего с убеждением. Везде, где есть возможность поставить противнику подножку, он сделает это с большой изощрённостью» [там же. – Пер. с нем.].

В подобных обсуждениях В. Путина речь идёт, прежде всего, о взаимных воздействиях. А именно о том, какой эффект оказывают на него речевые акты оппонентов и какой эффект его собственные коммуникативные действия оказывают на других. На первом плане стоит вопрос о его намерениях, затем – об истинности высказываний, а уже в последнюю очередь – о политических убеждениях, идеологических мотивациях и т. д. Политическая деятельность В. Путина и её рецепция в метакоммуникативной интерпретации – это показательный пример перлокутивной интеракции, в рамках которой вопрос о смысловом содержании высказываний для интерактантов является второстепенным, а на первом месте стоит задача понять, какого эффекта намеревается достичь оппонент. Именно в этом состоит суть медийного толкования коммуникативной деятельности и личности Владимира Путина.

7.4. Диффузные сообщения

Абдуктивная реконструкция перлокутивных интенций – это умозаключение с относительным уровнем вероятности. Но ему вполне можно доверять, если пропозиция и иллокуция – однозначны и правильно распознаны. Это показывает один из процитированных выше примеров из мемуаров Екатерины II (см. Глава 7.3.). Великой княгине и будущей российской императрице сообщают, что французский граф хвалил её решение не выходить из комнаты. Но она считает его своим врагом и поэтому приходит к выводу о его враждебных намерениях. В основе её умозаключения лежат следующие правила: ВРАГИ ХОТЯТ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД и ПОХВАЛА ВРАГА,

КАК ПРАВИЛО, ДОЛЖНА ПРИЧИНЯТЬ ВРЕД. Рассуждение Екатерины II можно представить следующим образом:

Граф Л. хвалит меня	НАБЛЮДАЕМЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ
Граф Л. – это враг	КОНТЕКСТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
Враги хотят причинить вред	ПЕРВОЕ АБДУКТИВНОЕ ПРАВИЛО
Похвала врага, как правило, должна причинять вред	ВТОРОЕ АБДУКТИВНОЕ ПРАВИЛО
Граф Л. своей похвалой намеревается побудить меня к чему-то, что мне навредит	КОГНИТИВНАЯ ПОСЫЛКА ПРАКТИЧЕСКОГО УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ
Граф Л. хочет мне навредить своей похвалой	ВОЛИТИВНАЯ ПОСЫЛКА ПРАКТИЧЕСКОГО УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ

Великая княгиня предпринимает дальнейшие действия, исходя из разгаданной перлокутивной интенции графа, и поступает совершенно противоположно тому, что он хвалит. Она смогла принять это решение с такой уверенностью, потому что не сомневалась в иллокуции похвалы. Если бы она не была до конца уверена в иллокуции речевого акта – ПОХВАЛА ли это, или ПОРИЦАНИЕ, или простое УТВЕРЖДЕНИЕ – найти правильное решение было бы сложно. Только точное понимание иллокуции позволило ей сделать вывод о намерениях графа.

Чем менее понятны содержание и коммуникативные цели говорящих (то есть пропозиции и/или иллокуции их высказываний), тем сложнее реконструировать их перлокутивные интенции. Причина состоит в том, что в рамках абдуктивного реконструирования перлокутивной интенции сам речевой акт представляет собой первую посылку. Именно поэтому практически невозможно распознать перлокутивное намерение, если невозможно точно определить, какой речевой акт совершил говорящий.

Итак, говорящие могут формулировать свои высказывания таким образом, что иллокуции оказываются двусмысленными. В 2004 году, во время Оранжевой революции в Украине, Владимир Путин на своей пресс-конференции высказался по поводу влияния России на постсоветские государства. В отличие от проанализированной выше цитаты, касающейся подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом, в данном

случае до конца не ясно, что представляет собой его речь с точки зрения иллокуции – угрозу или же обещание в положительном смысле? Это может быть как угроза вторжения России в Украину, так и обязательство быть надёжным партнёром и посредником в конфликтных ситуациях. С такого обязательства, выраженного иллокуцией обещания, Владимир Путин начинает своё заявление:

Что касается роли России в урегулировании ситуации на постсоветском пространстве в целом, то моя позиция заключается в следующем. Россия готова и дальше играть посредническую роль при решении любых сложных вопросов, которые достались нам в наследство от империи, которая называлась Советский Союз. (...) Мы хотим, чтобы наш регион был регионом стабильности. (...) Мы будем играть конструктивную, но посредническую роль [Путин 2004].

Затем, как и в примере 2013 года, следует обещание уважительно относиться к решениям соседних государств, сопровождаемое эксплицитным признанием демократии абсолютной ценностью. Но оба эти тезиса В. Путин сразу же релятивирует в отношении Украины и с помощью адверсативной конструкции оговаривает некоторые ограничительные условия своего обещания:

[М]ы воспримем абсолютно адекватно любую волю любого народа на постсоветском пространстве и будем работать с любым избранным лидером. Знаете, что меня особенно беспокоит применительно к ситуации, которая складывается на Украине? Демократия – это в современном мире абсолютная ценность. Но это сложная вещь. Она в том числе включает в себя возможность принятия демократических законов и их исполнения. Без этого компонента демократии не существует [там же].

Истинная цель его наставления касательно демократии, эксплицитно выраженного иллокуцией информирования, становится понятной благодаря последующему кондициональному предложению, в котором оратор из нейтрального посредника превращается в правителя, который может нечто позволить или, наоборот, запретить соседнему государству:

Если мы позволим на постсоветском пространстве каждый раз, по любому случаю подгонять действующее законодатель-

ство под ту или иную ситуацию или политическую силу, это не приведет к стабильности, а, наоборот, будет дестабилизировать этот большой и очень важный регион мира. Это я считаю абсолютно недопустимым и не конструктивным, а, наоборот, контрпродуктивным [там же].

Повествование от первого лица множественного числа в начале кондиционального предложения оставляет возможность совместного поиска решений и совместной оценки ситуации, сложившейся в одной из стран постсоветского пространства. Но последующий переход к повествованию от первого лица единственного числа не оставляет сомнений в претензии на единоличное оценивание и единоличное принятие решения со стороны говорящего. Несмотря на то, что завершающее высказывание декларируется как мнение («я считаю»), однозначно маркированный запрет («абсолютно недопустимо») и определённо негативные оценки («не конструктивно», «контрпродуктивно») исключают возможность любой противоположной точки зрения. Говорящий оставляет за собой исключительное право на оценивание и принятие решений.

В этом официальном заявлении провозглашение посреднической роли России, признание себя сторонником демократии, а также обещание одобрения любого избранного главы государства вступают в конфликт с ценностью стабильности, угроза которой была бы неприемлемой. Владимир Путин не говорит об этом прямо, но даёт понять, что претензия России на господство в постсоветском пространстве, которое он двусмысленно называет «нашим регионом», всё ещё в силе, и что даже изменения в законодательстве соседних государств она не станет акцептировать, если они будут противоречить стабильности в регионе. Имеем ли мы дело с иллокуцией УГРОЗЫ и косвенным уведомлением о возможном вторжении, или же с нейтральным информированием о своей политической позиции – из данного заявления определённо заключить невозможно. Подобные высказывания я называю *диффузными сообщениями*.

Диффузность (*Diffusität* – нем.), в отличие от *неопределённости* (*Vagheit* – нем.) или *двусмысленности* (*Ambiguität* – нем.), не является общепринятой лингвистической категорией, но её легко категоризировать и применять в анализе речевых актов. При этом оптимально отталкиваться от общепринятого употребления слова *диффузный*, в котором актуализируются такие атрибутив-

ные признаки, как *рассеянный, смешанный, неясный*. Применимо к речевым актам, *диффузность* подразумевает некий дефицит или недостаток в экспликации и понимании высказываний. Недостаток может касаться иллокуции или пропозиции высказывания. Диффузные сообщения часто остаются для их реципиентов иллокутивно неоднозначными и содержательно (пропозиционально) неопределёнными.

Содержательная неопределённость может стать причиной тому, что сообщение с точки зрения его иллокуции окажется диффузным. Для начала можно позаимствовать один знаменитый пример из античности – предсказание, которое лидийский царь Крёз (ок. 590–541 гг. до н. э.) получил от Дельфийского оракула на вопрос о том, должен ли он вести войну с Персией:

Если ты перейдешь Галис, то погубишь великое царство [цит. по Wiesehöfer 2010, 336. – Пер. с нем.]

Какое далее произошло недоразумение, известно: Крёз перешёл со своим войском реку Галис, разделяющую Лидию и Персию, был побеждён персами и погубил своё царство. Предсказание оракула было референциально неопределённым, поскольку в нём не уточнялось, какое именно *царство* имеется в виду. Более того, неопределённость референции усиливалась семантической неопределённостью атрибута «великий». Поскольку референт был неясен, неясно было также, как следует интерпретировать весь речевой акт оракула – советовал ли он Крёзу воевать с персами или отговаривал. Лидский царь услышал то, что хотел услышать. Следовательно, предсказание Дельфийского оракула является диффузным с точки зрения его иллокутивной ориентации, основанной на референциальной неопределённости его центрального знака «царство». Вместе с тем всё сообщение также является пропозиционально диффузным.

Пропозициональная диффузность опирается, прежде всего, на неопределённость ключевых выражений высказывания. Данная неопределённость может быть референциальной, как в случае с предсказанием оракула, так и семантической. В процитированном выше высказывании Владимира Путина периода Оранжевой революции появляются два неопределённых пространственных понятия – *территория* и *регион*, которые не дают определённого понимания, какие именно границы имеются в виду. Вопрос о том,

насколько далеко должно простираться влияние России, на что намекает В. Путин, остаётся открытым. Кроме того, семантически неопределённым является также качественное понятие *стабильность*, которое, хоть и коннотируется как исключительно аксиологически положительное, в условиях диктатуры может пониматься официальной властью иначе, чем это принято в демократических государствах: например, как сохранность власти в первом случае и как возможность смены власти во втором случае.

В комплексных высказываниях пропозиционально диффузные сообщения могут строиться на контрасте между отдельными фрагментами высказываний, как это наблюдается в примере, где сначала провозглашаются демократические ценности и признаётся право соседних стран на самоопределение, а затем оговариваются ограничительные условия. Подобным диффузным сообщением, основанным на контрастах и даже противоречиях, является упомянутая ранее доктрина Л. Брежнева [см.: Глава 6.2.], а также высказывание В. Путина по поводу возможного подписания В. Януковичем Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом, процитированное в начале данного раздела. Во втором примере утверждение *уважительного* отношения к выбору украинского руководства вступает в контраст с последующим ограничением в рамках адверсативной конструкции, что фактически нивелирует провозглашённое уважение.

Также диффузными являются одновременно пропозиция и иллокуция, если, к примеру, утверждение *стремления к миру* переплетается с предупреждением или косвенной угрозой военной интервенции; или если под *ответственностью* подразумеваются притязания на сохранение власти; или если признание дружеских отношений предполагает, что друг является верноподданным. В таких случаях говорящие используют неопределённые выражения, посредством которых они могут оправдать различные действия и способы поведения путём обещания, извещения или угроз.

То, что неопределённость – это один из главных инструментов создания диффузных сообщений, показали уже исследования советского новояза. К примеру, Даниэл Вайс [Weiss 1986] считает главным признаком этой разновидности тоталитарной коммуникации именно референциальную неопределённость и использует в своей теории это понятие, хотя у него неопределённость и диффузность в значительной мере совпадают. Формулируемые в новоязе выска-

звания являются если не семантически, то непременно референциально неясными. Они не дают чёткого представления, на какой именно объект или на какого человека указывает говорящий в своём выражении, например, к кому относится употребляемое им имя собственное. Типичными примерами таких высказываний являются неопределённые идентификации оппонента, неопределённая модальность и темпоральная референция, а также неопределённость предикатов, речевых актов и коммуникативных ролей.

Несмотря на их схожесть, неопределённость и диффузность – это не взаимозаменяемые понятия. Высказывания могут быть диффузными, но при этом вполне определёнными, или наоборот – неопределёнными, но при этом не диффузными [ср. дискуссию о понятии неопределённости: Pinkal 1985, 1995; Dönninghaus 2005: 268–281]. Так, в следующем примере анализируется высказывание, которое одновременно неопределённое, но не диффузное:

Marcia and Ted are debating on the issue of abortion. Ted, who is prolife, argues: «There can be no abortion when the fetus becomes a person.» Marcia replies: «That's hopelessly vague! There is no way to exactly define when the fetus has become a 'person'. You don't have a leg to stand on there!» [Walton/Reed/Macagno 2008: 118].

Марсия и Тэд обсуждают проблему абортов. Тэд выступает за сохранение жизни и аргументирует свою позицию: «Не может быть аборта, когда плод становится личностью». Марсия отвечает: «Это совершенно расплывчато! Невозможно точно определить, когда плод стал «личностью». У тебя нет ни единого шанса это доказать!» [Walton/Reed/Macagno 2008: 118 – Пер. с англ.].

Марсия критикует позицию Теда, потому что он употребляет понятие *person* с его нечёткими семантическими границами, а значит и всё его высказывание оказывается семантически неясным и, следовательно, непригодным в качестве аргумента. Но вместе с тем смысл послания Теда и его интенция однозначно понятны и не требуют дополнительных уточнений, а значит, его высказывание нельзя назвать диффузным.

Противоположный пример диффузного, но определённого высказывания приводит английский философ Бернард Уильямс (1929-

2003) в своей последней книге «Truth and truthfulness» («Правда и правдивость» – с англ.):

I promise not to murder you [Williams 2002: 89].

Я обещаю не убивать тебя [Williams 2002: 89 – Пер. с англ.].

Говорящий эксплицитно указывает на иллокуцию обещания, и все использованные языковые средства семантически недвусмысленны (возможное метафорическое употребление Б. Уильямс не обсуждает). Но при этом маловероятно, как комментирует свой пример Б. Уильямс, что адресат будет чувствовать себя в безопасности, если кто-то даст ему подобное обещание. В контексте социальных и коммуникативных ожиданий перлокутивный эффект будет обратный – говорящий вселит в своего реципиента чувство неуверенности. Б. Уильямс замечает по этому поводу, что «существуют некоторые общие формы доверия, от которых зависит всё социальное взаимодействие, (...) в частности, мы ожидаем, что поведение других людей не станет спонтанно агрессивным» [там же: 88 – Пер. с англ.].

Существует немного контекстов, в которых подобное обещание может функционировать как осмысленное и успокаивающее обязательство. Например, вероятно, что оно будет иметь успокаивающий эффект в преступной обстановке, в которой все участники ожидают, что в любой момент могут быть застреленными. Во всех других случаях сложно, а то и совершенно невозможно прийти к релевантной интерпретации цели данного высказывания, и именно это, вопреки его эксплицитному содержанию, скорее приведет к беспокойству адресата. Б. Уильямс добавляет: «Можно представить себе мафиозные круги, в которых такое обещание имеет смысл, но в целом, если вы не можете быть уверенным, что некий человек вас не убьёт, вы будете ещё меньше полагаться на то, что он точно сдержит своё слово» [там же: 89 – Пер. с англ.].

Другим показательным примером в этом контексте может послужить один случай из советской истории. В 1930 году Сталин позвонил Михаилу Булгакову и в коротком разговоре предложил ему должность в Московском художественном театре и поинтересовался его планами в отношении выезда за границу [Чудакова 1988, 437-438]. Хотя Сталин прямо не пообещал Булгакову его не убивать, но всё же в обстоятельствах времени и набирающей обороты кровопролитной тирании Сталина (как известно, за несколько

дней до этого разговора покончил с собой Владимир Маяковский) звонок тирана должен был быть воспринят как некое успокоение. Тем не менее, успокоение было только кажущимся, поскольку этот литературно интерпретированный в романе «Мастер и Маргарита» (1928–1940, 1966/1967) и в романе-биографии «Жизнь господина де Мольера» (1932/1933, 1962) «зловещий» звонок привёл к тому, что «воображаемый диалог со Сталиным принял черты панического психоза» [Drubek-Meyer 1998: 108. – Пер. с нем.].

Как правило, эксплицитное обещание не применять насилие даётся в ответ на уже существующие по этому поводу опасения. Следовательно, цель подобных комиссивных речевых актов состоит в успокоении реципиента. Если это удаётся, то мы имеем дело с перлокуцией успокоить. На это было направлено высказывание Владимира Путина в Крымской речи 18 марта 2014 года, в которой он отклонил опасения, что за Крымом последуют и другие регионы Украины, и посредством выражений «пугать» и «кричать» косвенно обвинил предупреждающих об этом в нагнетании паники:

Не верьте тем, кто пугает вас Россией, кричит о том, что за Крымом последуют другие регионы. Мы не хотим раздела Украины, нам этого не нужно [Путин 2014а].

Успокоит ли на самом деле подобное обещание, то есть окажется ли успешной перлокуция успокоить, или же перлокутивный эффект будет совершенно противоположным и беспокойство только усилится, в подобных случаях зависит от реципиента и от того, как он интерпретирует отдельные фрагменты высказывания с точки зрения вероятности последующих действий говорящего. В последнем примере мы имеем дело с субъективным обоснованием Владимира Путина того, почему не следует опасаться дальнейшей интервенции России в Украину – «нам этого не нужно». А это, как минимум, вызывает сомнение в законной силе подобного высказывания: а что если субъективная оценка ситуации и мнение Владимира Путина по этому поводу изменится? Ведь устное уверение «нам этого не нужно» не имеет юридической силы.

Пример Б. Уильямса, звонок Сталина Михаилу Булгакову или отрицание Владимиром Путиным намерений на дальнейшую интервенцию в Украину, – всё это показывает, что на основании высказывания как такового часто невозможно заключить, является ли оно диффузным. Диффузность проявляется исключительно

но в контексте. Да и вопрос о том, по какой причине говорящий выражается диффузно, также остается открытым для интерпретации, а то и совсем нерешаемым для реципиента, ведь существует бесконечное множество разнообразных причин и оснований для диффузных сообщений. Но только исходя из причины или мотивации говорящего можно правильно оценить диффузное сообщение и понять, какое воздействие (какой перлокутивный эффект) оно должно оказать на реципиента.

Диффузные сообщения могут быть случайными или, как минимум, нежелательными со стороны говорящего, если они нечаянно высказываются из-за неуверенности говорящего или институциональной необходимости. Не всегда должностные лица имеют возможность давать прямые, ясные ответы на поставленные вопросы. Например, для политиков подобная уклончивость является профессиональным клише. Кроме того, сложность обстоятельств или обсуждаемого вопроса может стать причиной диффузного сообщения, если говорящий сам не может понять положение вещей и, соответственно, не может ясно выразиться. В таких случаях высказывания или даже целый дискурс наполнен существенными недостатками. Если, к примеру, в научной статье о соотношении власти и персуазии пишется о «достаточно диффузном дискурсе о 'власти медиа'» [Esposito 2000: 83. – Пер. с нем.], то такой характеристикой автор однозначно указывает на некие недостатки общественного и научного дискурсов. Тем не менее, люди и даже целые институты могут пользоваться сложностью обстоятельств и предметов обсуждения, чтобы умышленно коммуницировать диффузно, но при этом незаметно для окружающих или недоказуемо. Так, автор процитированной статьи пишет, что необходимо говорить не столько о *власти*, сколько о *влиянии* медиа, и что именно это влияние является «диффузным, неопределённым, неосознаваемым поданными» [там же. – Пер. с нем.]. Данный тезис показывает, что диффузность, как минимум отчасти, является преднамеренной, и именно на этом основывается сложно уловимое влияние медиа.

Ненадёжность практического умозаключения в рамках реконструирования перлокутивных интенций можно эффективно использовать в риторике и даже превратить её в инструмент перлокутивной деятельности. В таких случаях говорящие осознанно делают свои коммуникативные действия диффузными и превращают их в инструменты выходящей за пределы обычной персуазии коммуникативной манипуляции [Карасик 2015: 218–232], которая

в наихудшем проявлении может преследовать агрессивные цели. Однако преднамеренные диффузные сообщения не обязаны быть исключительно агрессивными, даже если их цель состоит в обмане и дезориентации реципиента [Dönninghaus 1999: 211]. В этом смысле славист Сабина Дённингхаус приводит в пример введение в заблуждение, хитрости (затемнение истинных интенций), а также шутки и подтрунивание [там же].

В качестве оснований намеренных диффузных сообщений можно выделить три основных мотивации. Диффузность может быть самозащитой, если говорящий стремится защитить себя от захвата своим оппонентом или просто скрыть собственные недостатки. Диффузность может быть формой выражения мудрости, требующей от реципиента аналитических способностей и стимулирующей познание. И, наконец, диффузность может представлять собой агрессию с целью причинения вреда оппоненту путём запутывания, приведения в замешательство, вселения в него неуверенности, что может ограничить его возможности принятия решения и даже склонить к нанесению ущерба самому себе.

Любую из этих трёх мотиваций можно приписать Дельфийскому оракулу, независимо от того, является ли знаменитое предсказание, повлекшее за собой гибель лидийского царства, историческим фактом или всего лишь литературным вымыслом Геродота (490/480-ок. 424 гг. до н. э.) [Wiesehöfer 2010: 336].

Почему же оракул дал именно такой ответ? Причина может быть в том, что Пифия, которая произнесла пророчество, сама не знала, какой исход имел бы поход лидов против персов, но была уверена, что одно из двух царств точно погибнет. Чтобы скрыть собственную неуверенность, она завуалировала свой ответ, что, на самом деле, не противоречило ожиданиям от оракула, обычно отвечающего загадками. В таком случае диффузность выступала как самозащита. С другой стороны, причина такого ответа могла заключаться в известной максиме, регулирующей вход в священное место – «Узнай себя самого!». Данная максима требует, чтобы получатель предсказания сначала составил ясное представление о самом себе, и только после этого ему ясно откроется предсказание оракула. Если получатель предсказания из самовлюблённости или по другим причинам пренебрежёт этой максимой, как это сделал царь Крёз, он сам себя подвергнет угрозе неправильной интерпретации. Понесённый в результате этого ущерб должен привести к

положительному самопознанию, когда интерпретатор сам поймёт свою ошибку. В этом состоит интерпретация предсказания оракула и судьбы Крёза, предлагаемая Геродотом [ср.: Schadewaldt 1990: 19-20, 27-28; Giebel 2001: 47]. В ней проявляется конструктивная функция диффузности как формы передачи мудрости [Giebel 2001: 48-51]. Наконец, можно предположить, что в предсказании оракула скрывался злой умысел. И это кажется также вполне вероятным при том условии, что в античной Греции оракул был неотъемлемой частью политики [ср.: Giebel 2001: 52-78; Wiesehöfer 2010: 337], и, как предполагает Брайан де Джонг, «между священниками и политиками (...) при большом влиянии, которое оказывали изречения оракула, велись всевозможные закулисные игры» [De Jongh 1995: 446 – Пер. с нем.]. В подобном сценарии Крёз стал жертвой антилидийского заговора, и диффузное сообщение Пифии и её священников было агрессивным актом с целью уничтожения слишком успешного царя.

7.5. Дружба как диффузный аргумент

Семантически, референциально и иллокутивно диффузные сообщения могут быть одновременно аргументативно диффузными. В таких случаях не только неясно, что хочет сказать говорящий своим высказыванием, но также возникает вопрос, могут ли его аргументы превратить диффузное сообщение в акт оправдания. То есть диффузное сообщение не даёт чёткого представления о том, какие действия можно оправдать с его помощью в момент говорения или в будущем. В этом смысле особо примечательным является декларирование дружественных или даже семейных отношений в сочетании с упрёками, обвинениями и даже в контексте агрессивных, в том числе военных, противостояний. Пример разоблачения такой фиктивной семейной и братской риторики анализировался на материале стихотворения Анастасии Дмитрук «Никогда мы не будем братьями» [см.: Глава 5.5. «Конвергентные агрессивные аргументы: поэто-политическая война»].

Диффузными с точки зрения их аксиологической и часто также иллокутивной ориентации являются утверждения Владимира Путина о дружеских отношениях с Украиной, где он не только прямо называет украинцев «друзьями», но и использует семейную риторику. Он называет украинцев «братьями» и «братским наро-

дом», а Украину – «братским государством». Наконец, русские и украинцы считаются одним народом. Подобные декларации дружественных отношений могут употребляться непосредственно в контексте упрёков, обвинений и скрытых угроз.

19 июня 2015 года на Петербургском международном экономическом форуме Владимир Путин говорил о «наших друзьях в Киеве», которых обвинял в серьёзном нарушении Минских соглашений. На вопрос о том, чего же он хочет от киевского правительства, что они должны, по его мнению, делать, он ответил:

Мы ничего не хотим. Это народ Украины должен чего-то хотеть, чтобы украинское правительство сделало. Или хотеть, чтобы оно не делало. Мы считаем, что для урегулирования нужно, как я сказал, исполнить Минские соглашения. (...) Наши друзья в Киеве исполнили формально это решение, но одновременно с принятием постановления Рады об имплементации этого закона они в сам закон внесли изменения – по-моему, в статью 10-ю, – которые полностью дезавуировали это действие. Просто это манипуляция и ничего больше, а нужно переходить от манипуляции к практической работе [Путин 2015а].

Постоянное употребление номинации «наши друзья» можно интерпретировать как неизменное стремление к хорошим отношениям или же как иронию, еще более усиливающую обвинение. Пространство для интерпретации действительно широкое, как это показывает опубликованный анти-путинский комментарий националистически ориентированного Института высокого коммуитаризма. По их мнению, название киевского правительства «нашими друзьями» – это ещё одно подтверждение того, что Путин готов предать русский народ за пару долларов за газ. То есть декларация дружественных отношений с Украиной воспринимается ими совершенно серьёзно и понимается как признак тесного союза с «еврейской хунтой»:

Характерна реакция президента РФ на вопрос ведущего «*Что Вы хотите от Украины?*»

Путин, не запинаясь, честно ответил: «*Мы ничего не хотим!*». При этом хунту еврейских олигархов Путин назвал «*Наши друзья в Киеве*».

Вот так. Еврейские вожди «украинского» нацизма, отдающие приказы убивать русских людей, для Путина – друзья. Что он сам публично и признал. [...] Конечно, «геополитика газовой трубы» важнее, чем жизнь русских холопов, проданных «друзьям из Киева»

[http://communitarian.ru/novosti/politika/putin_i_ego_druzya_v_kieve_ot_kotoryh_on_nichego_ne_hochet_20062015/ – Доступ: 19.08.2017].

Скорее всего, Владимир Путин не планировал, что его слова о дружеском отношении к украинцам будут истолкованы представителями политического экстремизма именно таким образом, но этот пример показывает, что такая интерпретация в принципе возможна.

В интервью Оливеру Стоуну, опубликованном в 2017 году, Владимир Путин снова повторил формулировку «наши друзья в Киеве». Причём она встречается только в печатной версии книги «Интервью с Владимиром Путиным» (в которой, между прочим, часто упоминаются и «американские друзья»). Путин констатирует, что такие конфликты, как на Донбассе, можно решить только путём переговоров, а не оружием, и продолжает:

Все равно потребуются прямые переговоры. И чем быстрее наши друзья в Киеве это поймут, тем будет лучше. Но западные страны, Европа, США должны помочь руководству в Киеве осознать эту реальность [Стоун 2017: 99].

Контекст данного признания в дружеском отношении к Украине несколько отличается от Петербургского международного экономического форума. Сама коммуникативная ситуация – интервью западному журналисту – способствует тому, что формулировка «наши друзья в Киеве» сигнализирует не только об упрёке в сторону киевского правительства (которое до сих пор не осознало необходимость переговоров), но и предвещает не прямое требование определённых действий от Украины и «западных стран».

Более убедительным и обязывающим, чем утверждение дружеских отношений, является напоминание о родственных отношениях и семейных обязательствах, что регулярно подаётся как общеизвестная истина в официальной российской политической риторике, в том числе и самим российским президентом. Когда

накануне революции один украинский журналист задал В. Путину вопрос об изменении ценовой политики доставки российского газа в Украину и в этом контексте иронически назвал её «братской», российский президент отразил его иронию и абсолютно серьёзно стал рассуждать об Украине как о «братской стране» и «братском народе»:

Р. Цимбалюк: [В]ы три года душили Украину ценами на газ и тут неожиданно цену снизили – значит ли это, что до этого цена была «братская» – несправедливая и завышенная для Украины? (...)

В. Путин: (...) Вы знаете, совершенно серьёзно вам скажу, без всякой иронии, мы часто употребляем словосочетания «братская страна», «братский народ». Сегодня мы видим, что Украина находится в сложном положении: и экономическом, и социальном, и политическом. Ситуация возникла по ряду обстоятельств и причин, но эта ситуация объективная. И если мы действительно говорим, что это братский народ и братская страна, то мы и должны поступить, как близкие родственники, и поддержать украинский народ в этой сложной ситуации [Путин 2013b].

Братский пафос был мгновенно подхвачен сторонниками Владимира Путина и возвышен до уровня идеологии панславизма. Так, на Всероссийском молодёжном форуме «Селигер-2014» речь зашла о «братьях-славянах» в целом:

И. Гунюк: Здравствуйте, Владимир Владимирович! Меня зовут Иван Гунюк, я из Саратовской государственной юридической академии. Во-первых, я бы хотел Вас поблагодарить за всё, что Вы делаете для нас, для Вашего народа. (...) Во-вторых, спасибо, что не бросили наших братьев-славян в такой беде, и нам очень приятно, что именно такой жест был сделан с Вашей стороны, и народ полностью Вас поддерживает. Я думаю, все присутствующие в зале – я по поводу Крыма – поддерживают полностью [Путин 2014с].

Отвечая на этот вопрос, Владимир Путин пошёл дальше клятвы в дружбе и провозгласил русских и украинцев «одним народом»:

Вообще это огромная трагедия, до которой мы дошли, – стол-

кновения на Украине. Вот люди, которые имеют свои собственные взгляды, здесь историков очень много, на историю нашей страны, могут поспорить, но мне кажется, что русский и украинский народ – это практически один народ, вот кто бы чего ни говорил [там же].

Подобным образом он уже высказывался в своей знаменитой речи 18 марта 2014 года:

Скажу прямо, у нас болит душа за всё, что происходит сейчас на Украине, что страдают люди, что они не знают, как жить сегодня и что будет завтра. И наша обеспокоенность понятна, ведь мы не просто близкие соседи, мы фактически, как я уже много раз говорил, один народ. Киев – мать городов русских. Древняя Русь – это наш общий исток, мы всё равно не сможем друг без друга [Путин 2014а].

Переход от *братского народа* к *единому народу* вписывается в рамки сталинистской идеологии советской идентичности, сильное влияние которой ощущается до сих пор [см. опрос: Mischeeva 2016: 195–201]. Выстраивая историческое обоснование, Владимир Путин о возвращается к Киевской Руси. По его мнению, «общая история» (в которой, естественно, умалчивается о периодах угнетения) объединяет два народа, и при том связь эта неразделима. Утверждение о том, что русские и украинцы – это один народ, имеет одну существенную импликацию, касающуюся норм международного права. Известно, что к конститутивным признакам государства относятся (1) территория государства, (2) государственная власть и (3) народ как носитель государственного суверенитета. Хотя для последнего решающее значение имеет наличие формального гражданства, но именно с точки зрения аргументации посредством права народа на самоопределение, которым российская сторона оправдывала аннексию Крыма и его присоединение к Российской Федерации [Marxsen/Peters/Hartwig 2015], отрицание украинского народа или его приобщение к русскому народу легко превращается в аргумент в пользу того, что украинский народ не имеет права на самоопределение именно по той причине, что его не существует. В дальнейшем это можно было бы использовать для легитимации тотального притязания на господство над соседним государством. Это не значит, что цель была именно в этом, но бесспорно то, что в подобной

аргументации обыгрывается сама гипотетическая возможность такого исхода.

Данные провозглашения дружеских и родственных отношений являются диффузными, поскольку не ясно, что они означают, и что за ними последует: уважение к соседнему государству или легитимация насилия и аннексия? С одной стороны, подчёркивается суверенитет Украины, но с другой стороны формулировки «братский народ» и «единый народ» намекают на возможность властных притязаний (ведь старший брат должен «заботиться» о младшем брате). На вопрос о границах между двумя государствами, который затрагивался на упомянутом выше Петербургском международном экономическом форуме, Владимир Путин ответил, используя конструкцию брежневской доктрины. Сначала подчеркнул политический суверенитет Украины, затем указал на «единство» украинского и русского народов, упоминая, конечно, о некотором своеобразии (в сталинистской идеологии народам также позволялось обладать некоторыми фольклорными особенностями), чтобы в заключение сказать об их «общем будущем», альтернативы которому не существует:

Ч. Роуз: Каковы приемлемые границы для Украины, для России? Какие границы приемлемы для вас?

В. Путин: Что Вы имеете в виду, когда говорите о границах – географические границы, политические границы? О чём идёт речь?

Ч. Роуз: Политические границы.

В. Путин: Что касается сотрудничества, мы всегда говорили и продолжаем это говорить, здесь нет ничего нового, при всех сложностях сегодняшнего дня я считаю, считал всегда и продолжаю считать, что русские и украинцы – это один народ, один этнос во всяком случае, со своим, конечно, своеобразием. Со своим, конечно, своеобразием, со своими культурными особенностями, но с общей историей, с общей культурой, с общими духовными корнями. Чего бы ни происходило, в конечном итоге Россия и Украина так или иначе обречены на совместное будущее [Путин 2015а].

Какая из сторон будет главенствовать в этом судьбоносном общем будущем, должно быть и так понятно. Поэтому об этом даже не говорится. Вместо этого на той же пресс-конференции «наши

интересы» (один из главных аргументов В. Путина при легитимации любых предпринимаемых действий) и необходимость равноправного, доверительного диалога подаются как равнозначные политические цели:

Россию, и Украину, кроме тех связей, о которых я говорил, которые сложились за столетия, связывают совершенно конкретные вещи сегодняшнего дня: это общая инженерная инфраструктура, общая энергетическая инфраструктура, общая транспортная инфраструктура, общие правила регулирования и так далее, и так далее. Наконец, нас связывает и возможность беспрепятственно говорить на одном языке. Это нас касается, это касается уже России и касается наших интересов. Мы всегда исходили из того, что мы будем решать всё, даже спорные вопросы, а это естественно, что у соседей возникают какие то споры, путём переговоров. (...) Если вы спрашиваете, на что мы рассчитываем в политическом плане, – мы рассчитываем на полноценный, доверительный и равноправный диалог [там же].

Как видим, помимо общей инфраструктуры и экономических отношений подчёркивается отсутствие коммуникативных преград – возможность говорить на *одном языке*. Естественно, имеется в виду русский язык, ведь русских, владеющих украинским языком, гораздо меньше, чем украинцев, владеющих русским языком. Следовательно, данное высказывание имплицитно подразумевает два возможных послания. Либо само собой разумеется, что все украинцы говорят по-русски или хотят говорить по-русски. Либо даётся понять, что украинский язык – это всего лишь вариант, диалект русского языка, а значит, к нему не стоит относиться серьёзно. В этом недвусмысленно проявляется имперско-колониаторский взгляд правителя на более слабое соседнее государство. Известный агрессивный тезис «украинского языка не существует» [см.: Глава 5.3.] подаётся здесь как бы между прочим и под маской дружественной речи.

В наблюдаемых обстоятельствах легко представить, как должен проходить «равноправный диалог», о котором говорится в заявлении. Множество примеров тому дают публичные мероприятия, как, например, празднование годовщины аннексии Крыма 18 марта 2015 года в Москве. В своём торжественном обращении Владимир Путин повторяет известную формулу «единого народа»,

затем утверждает, что крайний национализм очень опасен (с чем никто не может поспорить). Но с точки зрения визуального ряда весь его перформанс выглядит довольно странно: вся Красная площадь наполнена российскими флагами, а народ скандирует «Россия!». Естественно, это послание В. Путин адресует не самому себе и не толпе своих приверженцев, а исключительно украинскому правительству:

Дорогие друзья! Мы всегда в России считали, что русские и украинцы – это один народ.

Я так думаю и сейчас. Конечно, крайний национализм всегда вреден и опасен. Уверен, что украинский народ ещё даст достойную и объективную оценку деятельности тех, кто довёл страну до такого состояния, в котором она находится сегодня. Мы со своей стороны будем делать всё, что от нас зависит, для того, чтобы Украина прошла этот сложный период своего развития как можно быстрее, и всё для того, чтобы восстановить нормальные межгосударственные связи [Путин 2015b].

Непринятие нового украинского правительства, к осуждению которого косвенно призывается украинский народ, очевидно. Но непонятно, что имеется в виду под «мы (...) будем делать всё»? Это высказывание остаётся диффузным и требует пояснения точно так же, как и диффузное провозглашение дружеских отношений с Украиной, которое оставляет открытым ряд вопросов: что под этой дружбой подразумевает российское правительство, какие притязания за ней скрываются, а самое главное – какие цели и последующие действия могут быть оправданными посредством номинаций «друзья» и «братья»? В подобных контекстах провозглашения дружбы являются диффузными сообщениями с неясной аксиологической и, прежде всего, иллюкутивной ориентацией, благодаря чему один и тот же речевой акт можно интерпретировать как высказывание (ассертиву), самообязательство (коммиссиву) или как требование (директиву).

Диффузные сообщения обладают сильным агрессивным потенциалом и являются эффективным инструментом скрытой агрессии. Преднамеренные диффузные сообщения не обязательно должны быть эксплицитно агрессивными. В случае шуток, подраживаний, флирта, а также некоторых объективных обстоятельств (например, запрета на разглашение служебной информации) обычно суще-

ствуют некоторые намёки или особый контекст, которые позволяют правильно распознать диффузные сообщения. Но преднамеренные диффузные сообщения однозначно являются агрессивными, если говорящий с их помощью намеревается смутить своего коммуникативного оппонента или ввести его в заблуждение, чтобы в результате получить контроль над его действиями или эмоциональным состоянием.

Эффектами диффузных сообщений могут стать неправильные умозаключения или же неуверенность, беспомощность и замешательство, если диффузность будет обнаружена. Из-за подобных эффектов преднамеренные диффузные сообщения являются актами подавления оппонентов, то есть инструментами, с помощью которых можно получить власть над ними или навредить им в своих интересах. Диффузные сообщения – это вербальное средство власти.

7.6. Перлокуция и агрессия

Перлокутивная деятельность тогда является агрессивной, когда она сопровождается жаждой власти и господства. В литературе существует множество впечатляющих примеров демонических фигур, подобных Петру Верховенскому, главному антигерою «Бесов» Фёдора Достоевского, и Антихристу из «Краткой повести об антихристе» Владимира Соловьёва.

Главный прототипный соблазнитель и совратитель – Сатана – появляется уже в истории сотворения мира в книге Бытие. Таким же соблазнителем у Владимира Соловьёва выступает Антихрист, вся персона которого олицетворяет собой перлокуцию обмана [см. Кузе 2008b: 53–56]. Теолог Петер Элен характеризует его следующим образом:

Der Weltkaiser – der Antichrist – ist ein Übermensch, von vollkommener schöner Gestalt, der durch sein elegantes Auftreten mühelos die Menschen beeindruckt. Er versteht es, den Glanz des gefälschten Schönen zur Verführung einzusetzen. Der schöne Schein seiner philanthropischen Parolen und Reformen nimmt die Menschen gefangen [Ehlen 2003: 259].

Император вселенной – Антихрист – это судья по его совершенной внешности, сверхчеловек, который, благодаря своему

элегантному облику, без труда способен впечатлить любого человека. Он знает, как использовать сияние поддельной красоты. Красивое звучание его филантропических фраз и реформ пленяют людей [Ehlen 2003: 259. – Пер. с нем.].

Антихрист вводит в заблуждение видимостью своей доброты, за которой скрывается абсолютное зло. У Фёдора Достоевского таким соблазнителем выступает Пётр Верховенский. Однако, он сам открыто называет себя негодяем и говорит о своей неискренности, и именно эта прямолинейность парадоксальным образом подкупает:

Я именно так и делал, чтобы вы всю пружину эту заметили; я ведь для вас, главное, и ломался, потому что вас ловил и хотел компрометировать. Я, главное, хотел узнать, в какой степени вы боитесь [Достоевский 1990: 211].

Как и Антихрист, Пётр Верховенский постоянно стремится подчинить себе волю других [Кибе 2015: 154–162]. Одна из его особых тактик – это лицемерная похвала, с помощью которой он склоняет людей на то, чего они сами не желали. Даже оправдание группового убийства в кульминации повествования принимает форму притворной похвалы, с помощью которой Верховенский намеревается добиться от соучастников преступления уступчивости и послушания:

– Господа, – обратился ко всем Петр Степанович, – теперь мы разойдемся. Без сомнения, вы должны ощущать ту свободную гордость, которая сопряжена с исполнением свободного долга [Достоевский 1990: 565].

На самом деле, ни один из коммуникативных актов не имеет той цели, которую ему можно приписать на первый взгляд. Так, подговаривание к убийству в действительности нацелено на то, чтобы привязать соучастников преступления к собственной персоне и установить над ними полный контроль. Причём эту тактику в «Бесах» предлагает не Пётр Верховенский, а на первый взгляд вежливый и чуткий Николай Ставрогин, который именно в этот момент проявляет себя истинным сатанинским подстрекателем [Gerigk 2010: 31]:

[П]одговорите четырех членов кружка ужокошить пятого, под видом того, что тот донесет, и тотчас же вы их всех пролитую

кровью, как одним узлом, свяжете. Рабами вашими станут, не посмеют бунтовать и отчетов спрашивать. Ха-ха-ха! [Достоевский 1990: 363].

Даже в момент уличения в преступных намерениях Верховенский не меняет своей стратегии, а использует эти упреки себе на пользу. Так, одну из своих жертв, несчастного философа-самоубийцу Алексея Кириллова, он не только уговаривает совершить наконец задуманное самоубийство, но и перед тем взять на себя вину за убийство студента Ивана Шатова. Кириллов называет Верховенского обманщиком и интриганом, но тот ему не противоречит. Он использует это обвинение, чтобы превратить его в дополнительный аргумент в пользу своих уговоров:

– Вы политический обманщик и интриган, вы хотите свести меня на философию и на восторг и произвести примирение, чтобы разогнать гнев, и, когда помирюсь, упростишь записку, что я убил Шатова.

Петр Степанович ответил почти с натуральным простодушием: – Ну, пусть я такой подлец, только в последние минуты не всё ли вам это равно, Кириллов? ... [Достоевский 1990: 573].

Агрессия начинается не с демонизма Антихриста или Петра Верховенского. Агрессивные перлокутивные действия возникают в обычной повседневной жизни, а также в экономике и политической коммуникации. Если такие действия обозначаются негативно оценивающими перлокутивными глаголами, то речь идёт, как правило, о серьёзном обвинении. Не только перлокуции, но и иллокуции и пропозиции высказываний могут негативно оцениваться посредством предполагаемых перлокутивных интенций. При этом ключевую роль при оценке коммуникативных действий говорящего играет его принципиальное отношение к реципиенту: дружески ли он к нему настроен или враждебно. Так, в марте 2014 года в украинской газете «День» высказывания сбежавшего бывшего президента Украины Виктора Януковича были оценены негативно по всем параметрам. Своими высказываниями, как утверждается в статье, он пытался сконструировать параллельный мир, в который должны были поверить россияне, он пытался вселить страх и ослабить позиции новой украинской власти:

Слова Януковича о «темных силах Запада» относятся к серии неадекватных оценок, мыслей и предложений, которые были озвучены Януковичем. Его речь сводилась к тому, чтобы сконструировать параллельную реальность, прежде всего, российской властью для россиян, которые могут в это поверить. (...) Многие подумают, что это последний жест, чтобы испугать. Вариантом Б – вхождением «верных» Януковичу войск в Юго-Восточную Украину для ее «освобождения». (...) Нынешнее выступление Януковича – это очередная попытка ослабить власть в Киеве [День 2014, №44].

В том же номере газеты «День» было озвучено мнение жителя Севастополя, который отрицательно оценил освещение украинских событий в российских медиа и показал их умышленные негативные перлокутивные интенции – желание запугать и рассорить людей:

Подавляющая часть севастопольцев, так же, как и крымчан, является нейтральной. (...) А им все время хотят рассказать о том, что не сегодня, так завтра к ним приедет «поезд дружбы», в котором будут люди с Майдана, жаждущие уничтожить памятники и убивать людей. Это запугивание, которое может иметь очень серьезные негативные последствия, ведь, в сущности, таким путем осуществляется разделение народа на «своих» и «чужих». Такое разделение людей на украинцев и россиян является недопустимым, ведь все мы привыкли жить в мире и согласии. А теперь по всем севастопольским телеканалам идет откровенная антиукраинская пропаганда, которая имеет целью рассорить людей и вбить в голову мысль о том, что все, что связано с Украиной, – фашистское. [День 2014, №44].

В данном тексте сообщается о коммуникативных действиях («хотят рассказать о том») и об их содержаниях («завтра к ним приедет «поезд дружбы»»), а также фиксируются перлокуции («Это запугивание») и предполагаются перлокутивные интенции («имеет целью рассорить людей и вбить в голову мысль о том»). Результаты референдума в Крыму позволяют с некоторой уверенностью предположить, что не только были сделаны правильные наблюдения за медийными событиями, но и перлокутивные интенции были правильно истолкованы. Таким образом «запугивание», «рассо-

рить людей», «вбить в голову мысль» оказались не только перлокутивными эффектами, но и фактически были перлокуциями. Медийные события, упоминаемые в этом комментарии, также полностью перекликаются с предвыборным плакатом, который ранее анализировался с точки зрения мультимодальной коммуникации [см.: Глава 5.1., Рис. 22].

Приведённые в пример перлокуции стоят в одном ряду с негативно оцениваемыми коммуникативными действиями и их преднамеренными эффектами, возглавляют которые выражения с экстремально негативной аксиологией, как, к примеру, метафорическое *зомбировать*, о чём я уже упоминал в Главах 1 и 7.1. Однако и со стороны противников Евромайдана и украинской государственности исходит масса встречных обвинений в манипуляциях, оцениваемых как не менее негативные перлокуции – например, *насилие над умами* [см.: Глава 7.1.]. Стороны конфликта упрекают друг друга в дезинформации и манипуляции со злыми намерениями, то есть в таких коммуникативных действиях, которые сегодня называют *фейковыми новостями* (fake news – англ.), *языком вражды* (hate speech – англ.) и *троллингом* (trolling – англ.). То, что подобные формы коммуникации из-за их массового, мгновенного и неконтролируемого распространения в медиа и особенно в социальных сетях представляют собой сегодня серьёзную угрозу для общества, не требует дополнительных объяснений. В виду интенсивно развивающегося международного дискурса на эту тему дополнительные замечания выглядели бы излишними. Политический дискурс всё более отчётливо реагирует на данные феномены «постправды». Так, в 2017 году в Германии вышел *Закон об охране прав в социальных сетях* (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – нем.), называемый также *Законом о Фейсбуке*, призванный контролировать проявления языка вражды в социальных сетях. В ноябре 2018 года Французское национальное собрание приняло закон против распространения фейковых новостей, а в начале декабря 2018 года Европейская комиссия предложила *План противодействия дезинформации* (Action Plan against Disinformation – англ.), в котором дезинформация определяется следующим образом:

Disinformation is an evolving threat which requires continuous efforts to address the relevant actors, vectors, tools, methods, prioritized targets and impact [European Commission 2018: 3].

Дезинформация – это нарастающая угроза, которая требует постоянных усилий в направлении релевантных актёров, векторов, инструментов, методов, приоритетных целей и влияния [European Commission 2018: 3 – Пер. с англ.].

Уже это определение показывает, что суть противодействия состоит не только в выявлении неправдивой информации, но и в распознавании перлокутивных целей (*prioritized targets*) и возможных перлокутивных эффектов (*impact*), которые, собственно, и представляют собой угрозу. Этот документ называет главным источником фейковых новостей, продуцируемых в глобальном общегосударственном масштабе, Россию и особенно её информационную политику в отношении событий в Украине. Но и Россия, в свою очередь, также обвиняет медиа США и Западной Европы в распространении ложных сведений и в введении в заблуждение. В 2017 году российское Министерство иностранных дел создало на своём сайте отдельную страницу с примерами дезинформирующей информации против России – *Примеры публикаций, тиражирующих недостоверную информацию о России* [Министерство 2018]. Примеров там немного – в начале декабря 2018 года их было 75. Но здесь важно не количество обоюдных обнаруженных манипуляций, а то, что их встречно направленные потоки невозможно прекратить с помощью законов. Ключевой здесь является готовность реципиентов противостоять любым манипуляциям.

В этом контексте вспомним самый первый пример этой книги, а именно воспоминания Никиты Хрущёва о его вступлении на должность председателя Совета Министров СССР в 1958 году. Он пишет, что его *уговорили* занять этот пост: «Меня уговорили занять этот пост. Я искренне говорю, именно уговорили» [см.: Глава 1]. Это замечание не обязательно должно быть ложью, но при этом маловероятно, что Никита Хрущёв в тех обстоятельствах сильно сопротивлялся *уговариванию*. По крайней мере, он был готов *дать себя уговорить*, иначе все попытки повлиять на него не удалась бы.

В последнем примере книги, касающемся ситуации в Севастополе накануне аннексии Крыма и референдума, говорится: «Подавляющая часть севастопольцев, так же, как и крымчан, является нейтральной» [см. выше]. При этом будоражащие их эмоции – страх и, наконец, ненависть – представляются эффектом пропаганды, а жители Севастополя и Крыма – всего лишь её пассивными жертвами. Отчасти это верно, но следует также заметить,

что жертвы пропаганды изначально *готовы* и *позволяют внушить себе* определённые чувства и мысли. То есть их нейтральность в этом вопросе не настолько низкая, как предполагает автор комментария.

В данной главе перлокуции рассматриваются с точки зрения говорящего, как это в основном принято в лингвистической прагматике. Перлокуции дефинируются как коммуникативные *действия*, определяемые через их преднамеренные и оказанные эффекты [см. Глава 7.1.]. При этом активная роль на реципиента не возлагается. Но существует и другой подход к пониманию перлокуции. Так, китайский лингвист Юэго Гу (Yueguo Gu) считает перлокуции *transaction* [Gu 1993a-b; см. также: Куве 2005b: 56–58; Куве 2016с: 176–178], то есть коммуникативными «делками», «состоящими как минимум из одного речевого акта, совершаемого актантами S, и одного акта-реакции со стороны актанта H» [Gu 1993b: 189 – Пер. с англ.].

В отличие от иллокуции, реципиент активно задействован в реализации перлокуции: «Следовательно, успешная перлокуция предполагает риторическую кооперацию между S и H» [там же – Пер. с англ.]. Поэтому реципиент в принципе способен её предотвратить. Это значит, что в коммуникации можно реализовать не только *иллокутивную блокаду* [Freidhof 1992; см. выше: Глава 7], но и *перлокутивную блокаду* [Куве 2016с: 176]. Для этого реципиент должен уметь распознавать попытки нежелательного воздействия и быть способным им противостоять. Для начала следует спросить самого себя: В каких вопросах и почему я позволяю кому-то на себя влиять и даже собой манипулировать? Ответы могут быть разными: потому что это каким-то образом может пойти мне на пользу; потому что манипуляция подтверждает мои давние предубеждения и стереотипы; потому что теперь наконец-то появился повод выплеснуть собственную агрессию; потому что теперь можно оправдать некоторые желаемые действия, которые раньше невозможно было оправдать и т. д.

Финансируемый Фондом Фольксваген проект «Агрессия и аргументация: Конфликтный дискурс и его языковое разрешение», в рамках которого и была написана эта книга, ограничивался не только теоретическими и эмпирическими научными исследованиями. В нём также были запланированы совместные международные воркшопы для студентов из Германии, Украины и России.

Резюме

Напоследок я хочу ещё раз повторить некоторые ключевые тезисы книги:

1. Убеждение и уговаривание

Речевой акт убеждения нацелен на достижение внутреннего согласия между партнёрами по коммуникации и может касаться как их *мнений*, так и *действий*. УГОВАРИВАНИЕ, в свою очередь, ограничивается получением формального согласия, при котором внутренние разногласия между партнёрами по коммуникации в отношении спорного вопроса могут сохраняться. Поэтому глаголом *уговаривать/уговорить* (и его эквивалентами в других языках) в первую очередь обозначаются только те речевые акты, которые направлены на *действия*. Тем не менее, концепт уговаривания может касаться и *мнений*, особенно когда он употребляется в комплексе с глаголами, указывающими на то, что реципиент не в состоянии распознать акт уговаривания как таковой: например, *соблазнять/соблазнить, нашептывать/нашептать, суггерировать, внушать/внушить, надоумливать/надоумить*. Сюда же относятся экстремально негативные оценочные выражения, такие как *зомбировать*. Границу между убеждением и уговариванием часто определить очень сложно.

2. Слияние агрессии и аргументации

Агрессия и аргументация принципиально различается, как и речевые акты убеждения и уговаривания. Тем не менее, они тесно переплетаются друг с другом, ведь в агрессивных коммуникативных действиях проявляются аргументативные функции, а аргументативные комплексы могут не только оправдывать агрессию, но и сами по себе быть агрессивными. Помимо оправдания агрессии, агрессивная аргументация может обосновывать девальвацию «других», «противников», «врагов» и т. д. Кроме того, существует аргументация с агрессивными аргументами, намеренными лож-

ными умозаключениями, а также пейоративными номинациями и предикациями, выступающими в роли аргумента или правила умозаключения.

3. Агрессия

Агрессия – это акт подавления, при котором возможные пагубные последствия для других или самого субъекта либо намеренно ожидаются, либо не принимаются им во внимание. Следует различать три типа агрессии: *генуинную* (как «инстинктивное» действие, реакцию на фрустрацию или для удовольствия), *инструментальную* (для достижения определённых целей или собственного престижа) и *идеологически опосредованную агрессию*. Эти причины и мотивации могут превращаться в аргументы при обосновании или оправдании агрессивных актов и выстраивать агрессивные аргументативные комплексы.

4. Аргументация

Любая аргументация выстраивается в соответствии с внутренней схемой, которая содержит квесцио (спорный вопрос), тезис, аргумент, правило умозаключения и конклюдент. Без квесцио не может быть аргументации. Те вопросы, в которых участники коммуникации имеют полное внутреннее согласие, не нуждаются в аргументации. Правило умозаключения должно обеспечивать смысловую связь между аргументом и конклюдентом. Если реципиент не может установить правило умозаключения, то в худшем случае вся попытка аргументации может показаться ему абсурдной. В случае успешной аргументации конклюдент должен соответствовать тезису, но при этом она не обязательно должна с ним совпадать. Это значит, что конклюдент может выходить за пределы тезиса или не полностью ему удовлетворять, но всё же аргументация будет воспринята как приемлемая или даже успешная. Это касается, прежде всего, «повседневных аргументаций», которые преимущественно принимают форму энтимем. Они могут эксплицитироваться не полностью, то есть тезисы, конклюденты, аргументы и особенно правила умозаключений могут оставаться имплицит-

ными и быть понятными реципиенту, исходя из контекста коммуникации. Кроме того, могут использоваться не вполне истинные аргументы (то есть не полностью верифицированные, а всего лишь вероятные). То же касается и процесса умозаключения от аргумента к конклюденту – он может быть всего лишь допустимым, а не полностью верифицированным с точки зрения логики. Следует различать аргументацию как оправдание действий, точек зрения, чувств и т. д. и аргументацию как обоснование содержаний (пропозиций) высказываний. Аргументативность является коммуникативной и языковой функцией. Во многих случаях семантика лексем и конструкций оказывается аргументативной и порождает энтимемные аргументации, особенно в случае союзов (например, *или*) и аксиологически оценочных выражений (например, *хороший, плохой, террорист* и т. д.)

5. Агрессивная аргументация

Любой из элементов аргументации может быть агрессивным. К примеру, определённое высказывание может поставить под сомнение само наличие консенсуса внутри общества или между различными обществами. Тезисы, так же как и аргументы, могут содержать агрессивные девальвации «других». Правила умозаключения могут базироваться на агрессивных стереотипах. Агрессивные аргументации в публичном пространстве (на улице, в интернете) часто являются мультимодальными: плакаты, карикатуры, интернет-мемы и т. д. В особенности их визуальные составляющие (рисунки, цвета, символы) выступают в роли аргументов и выстраивают агрессивные правила умозаключения. Экстремально агрессивной формой тезиса является утверждение несуществования чего-либо или отрицание права на существование. В рамках российско-украинской войны подобные ключевые агрессивные тезисы отрицают существование украинского языка и украинского государства. Агрессивные аргументы и правила умозаключения преимущественно базируются на негативных стереотипах о «других». В российско-украинском конфликте со стороны России наблюдается особое конструирование образа врага: враг – это не «чужой», а «брат», который сам отказывается быть «братом».

6. Оправдания

При оправдании агрессии насилие и война (а также её экстремальные формы, такие как рабство и геноцид) легитимируются посредством *моральных* аргументов (защиты, помощи), *метафизических* аргументов (священного права, наивысшего блага) и *престижа* (осуществление насилия как признак силы и превосходства, а также принципиальной способности реализовать свои моральные и метафизические обязанности и права). Метафизическая аргументация может приводить к сакрализации, в которой растворяется само высказывание. Сакрализация означает конец аргументации.

7. Перлокуции

Перлокуциями являются коммуникативные действия, выражаемые через их преднамеренные и оказанные эффекты. Если преднамеренный эффект не был достигнут, то следует говорить об иллокуции с определённой перлокутивной интенцией. Если оказанный эффект не соответствует изначальной интенции, то речь идёт о перлокутивном эффекте, но всё ещё не о перлокуции. Следует различать перлокуции, направленные на *эмоции* (разозлить, обрадовать), *когницию* (убедить, доказать), действия (подстрекнуть, уговорить) и *интенции* (внушить, отговорить). Их объектами могут выступать как исключительно прямые реципиенты (оскорбить, доказать), так и третьи лица, в особенности свидетели коммуникации (осмеять, повисить авторитет). В процессе коммуникации перлокутивные интенции, как правило, не эксплицируются. Их необходимо реконструировать путём практического умозаключения. Если весь процесс коммуникации состоит в непрерывной реконструкции перлокутивных интенций собеседника, то такая коммуникация называется *перлокутивной интеракцией*. Если же реципиент не может с уверенностью сказать, в чём состоит перлокутивная интенция коммуникативного действия, и если эта неуверенность (как предполагается) намеренно задумана говорящим, то в таких случаях речь идёт о *диффузных сообщениях*. Диффузные сообщения могут быть инструментами перлокутивных актов с целью введения в заблуждение. Перлокуции не всегда представ-

ляют собой обманное коммуникативные действия. Тем не менее, типичным обвинением в конфликтной коммуникации является обвинение в манипуляции – то есть в достижении перлокутивной цели обманным путём. Эти обвинения обычно обоюдно выдвигаются сторонами конфликта друг другу, как это наблюдается в данный момент в рамках российско-украинского конфликта и конфликта между Россией и Западной Европой и США. Необходимо помнить, что перлокуции являются трансакционными, то есть представляют собой коммуникативные «сделки», в которых реципиенту также отводится активная роль. Это значит, что уговорить реципиента невозможно без того, чтобы он дал себя уговорить, подстрекнуть его на определённое действие также невозможно без того, чтобы он дал себя подстрекнуть. Способность противостоять манипуляциям – это способность совершать перлокутивные блокады.

Иллюстрации

- Рис. 1: Реализация интересов в концепции Й. Коппершмидта
- Рис. 2: Аргументация как перетягивание катана (tug of war)
- Рис. 3: Речевая агрессия
- Рис. 4: Модель биосоциальных механизмов агрессии Клауса Валя
- Рис. 5: Схема аргументации
- Рис. 6: Связанные аргументы
- Рис. 7: Конвергентные аргументы
- Рис. 8: Визуализация силлогизма с помощью схемы аргументации
- Рис. 9: Аргументация с гармонирующими дивергентными конклюдиями
- Рис. 10: Аргументация с противоречивыми дивергентными конклюдиями
- Рис. 11: Про- и контраргументации
- Рис. 12: Схема дивергентности в выступлении В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий»
- Рис. 13: АРГУМЕНТИРОВАНИЕ (ОБОСНОВАНИЕ И ОПРАВДАНИЕ)
- Рис. 14: Упрощенное изображение модели языка как органа Карла Бюлера
- Рис. 15: Базовые и метафункции коммуникации
- Рис. 16: Дополнение базовых коммуникативных функций аргументацией
- Рис. 17: Первое дополнение базовых коммуникативных функций ОБОСНОВАНИЕМ И ОПРАВДАНИЕМ
- Рис. 18: Второе дополнение базовых коммуникативных функций ОБОСНОВАНИЕМ И ОПРАВДАНИЕМ
- Рис. 19: Схема аргументации С. Тулмина
- Рис. 20: Адверсативный союз как аргументативный маркер
- Рис. 21: Шеврон с аббревиатурой УКРОП [https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/a7/Емблема_»УКРОП».png] - Доступ: 07.12.2018]

- Рис. 22: Агитационный плакат перед референдумом в Крыму в марте 2014 года [<http://euromaidanpress.com/2015/08/27/popov-demolishes-third-krymnash-myth-that-crimean-people-freely-expressed-their-will/> – Доступ: 11.03.2018]
- Рис. 23: Видоизменённый крымский плакат [<http://maxpark.com/user/17729/content/3734471> – Доступ: 11.03.2018].
- Рис. 24: Лукас Кранах Старший «Папский осёл» (1523) [<http://www.payer.de/religionskritik/karikaturen17.htm> – Доступ: 22. 11. 2018]
- Рис. 25: Петрус Сильвиус «Дружественный союз Лютера и Люцифера» (Лейпциг, 1535) [<http://www.luthermania.de/items/show/1167> – Доступ: 22. 11. 2018]
- Рис. 26: Владимир Маяковский «Капиталист» (фрагмент, «Окна РОСТА», 1920) [https://artchive.ru/artists/32944~Vladimir_Vladimirovich_Mayakovsky/works/507093 – Доступ: 22. 11. 2018]
- Рис. 27: «Как Малороссия превратилась в лоскутное недоразумение под названием «Украина»» (1) [<http://stanislavs.org/category/ukraine-russia/page/2/> – Доступ: 22.03.2018].
- Рис. 28: «Carthago delenada est» [<https://www.geopolitica.ru/en/article/there-are-no-valid-arguments-against-liberation-novorossia> – Доступ: 05.02.2018]
- Рис. 29: «Новороссия» [<https://arctick.livejournal.com/15240.html> – Доступ: 21.03.2018]
- Рис. 30: «Галиция» [<https://www.liveinternet.ru/users/2458238/post322966915/> – Доступ: 21.03.2018]
- Рис. 31: «Как Малороссия превратилась в лоскутное недоразумение под названием «Украина»» (2) [<http://stanislavs.org/category/ukraine-russia/page/2/> – Доступ: 22.03.2018]
- Рис. 32: «Нацистам нет места на нашей земле» [<http://www.e-news.su/in-ukraine/45935-za-chto-voyuet-donbass.html> – Доступ: 05.02.2018]
- Рис. 33: Франкенштейн [<http://tribunalkrim.narod.ru/new/frankenshtein.htm> – Доступ: 19.11.2018]
- Рис. 34: Майдауны-мутанты [<http://tribunalkrim.narod.ru/new/frankenshtein.htm> – Доступ: 19.11.2018]

- Рис. 35: «Новороссия, как её видит ватник» [<http://polit.reactor.cc/post/1419123> – Доступ: 19.11.2018]
- Рис. 36: «Я хочу говорить по-русски» (1) [<http://grominfo.eu/news/ru/society/other/96126-russkij-yazyk-v-ukraine-okazalsya-v-xudshej-situaczii-chem-drugie-yazyki-menshinstv-sekretar-veneczijskoj-komissii> – Доступ: 15.03.2018]
- Рис. 37: «Я хочу говорить по-русски» (2) [<http://vesti.lv/news/ukraina-vyrvet-russkii-yazyk-u-detei> – Доступ: 15.03.2018]
- Рис. 38: «Мову – Нації! Язык – скоту!» [<https://korrespondent.net/ukraine/3200012-yazyk-do-rady-dovedet-sezd-i-miting-obedinennoj-oppozicii#57> – Доступ: 25.11.2018]
- Рис. 39: «Язык – сердце нации» [<https://babusjamanya.wordpress.com/2012/11/> – Доступ: 17.03.2018]
- Рис. 40: «Язык – ДНК нации» [<https://ukr-mova.in.ua/> – Доступ: 17.03.2018]
- Рис. 41: «Нас объединяет язык» (1) [<http://uchitel9.webnode.com.ua/> – Доступ: 17.03.2018]
- Рис. 42: «Нас объединяет язык» (2) [http://zik.ua/news/2012/07/27/yedyna_derzhavna_mova_zaporuka_tsilisnosti_ukrainy_360749 – Доступ: 17.03.2018].
- Рис. 43: «Нас объединяет язык» (3) [<https://korrespondent.net/ukraine/3200012-yazyk-do-rady-dovedet-sezd-i-miting-obedinennoj-oppozicii#57> – Доступ: 26.11.2018]
- Рис. 44: «Чей язык, того и власть» [<http://opir.info/2012/06/17/chuya-mova-toho-vlada/> – Доступ: 17.03.2018]
- Рис. 45: «Остановим русификацию» [<https://streebogblog.wordpress.com/2016/10/09/захисти-українську-мову-нема-мови/> – Доступ: 17.03.2018]
- Рис. 46: «Украинцы! Переходите на украинский язык!» [<https://streebogblog.wordpress.com/2016/10/09/захисти-українську-мову-нема-мови/> – Доступ: 17.03.2018]
- Рис. 47: «Война там, где не было украинского государственного языка!» [<http://zahystmovy.org.ua/category/pro-movu/> – Доступ: 17.03.2018]

- Рис. 48: «Никогда мы не будем братьями» [<https://www.youtube.com/watch?v=Qv97YeC563Y> – Доступ: 09.12.2018]
- Рис. 49: «Севастопольский ответ на сполитическое обращение «Никогда мы не будем братьями»» [<https://www.youtube.com/watch?v=2INmW5-ugkk> – Доступ: 09.12.2018]
- Рис. 50: Схема аргументации «Мы не братья Бандеровским рожам» (1)
- Рис. 51: Схема аргументации «Мы не братья Бандеровским рожам» (2)
- Рис. 52: Силлогизм «Мы не братья Бандеровским рожам»
- Рис. 53: Ватник [<http://www.wikireality.ru/wiki/Ватник> – Доступ: 27.11.2018]
- Рис. 54: Малорашка [http://risovach.ru/memy/malorashka-zasalennyu-kozuh_1669440/all – Доступ: 27.11.2018]
- Рис. 55: Малорашка–даунбасовец [<http://archive.li/u00nC#selection-725.0-725.23> – Доступ: 27.11.2018]
- Рис. 56: Вышиватник (на фоне украинского флага) [<https://memoteka.com/Вышиватник> – Доступ: 27.11.2018]
- Рис. 57: Вышиватник (на фоне флага УПА) [<https://mem.lt/sozdat-mem-vatnik-2> – Доступ: 27.11.2018]
- Рис. 58: «Запад загнивает! Россия возрождается!» [<http://m.diary.ru/~felbertlj/?tag=95365> – Доступ: 27.11.2018]
- Рис. 59: «В ДНР жизнь налаживается, а у хохлов идёт под откос» [http://risovach.ru/memy/malorashka-zasalennyu-kozuh_1669440/all – Доступ: 27.11.2018]
- Рис. 60: «Вы все путинские зомби...» [<http://risovach.ru/kartinka/6850437> – Доступ: 27.11.2018]
- Рис. 61: «Нас окружают пшеки, жида, москаля...» [<http://risovach.ru/kartinka/6015900> – Доступ: 27.11.2018]
- Рис. 62: «Я тебя, сука, научу родину любить!!!» [http://vasi.net/community/prikoly/2012/07/24/rashka_kvadratnyjj_vatnik.html – Доступ: 28.11.2018]
- Рис. 63: «Всех кацапов депортируем в Сибирь...» [<http://www.wikireality.ru/wiki/Ватник> – Доступ: 28.11.2018]
- Рис. 64: Основания для оправдания агрессии и насилия

- Рис. 65: Модель перлокутивного действия
- Рис. 66: Модель непреднамеренного перлокутивного эффекта
- Рис. 67: Базовая форма практического умозаключения по Г. Х. фон Вригту
- Рис. 68: Практическое умозаключение и его реконструирование
- Рис. 69: Практическое умозаключение и его абдуктивное реконструирование через применяемое правило
- Рис. 70: Типология перлокуций по целевой аудитории, целевой ориентации и обманному намерению

Литература

Источники

- Акунин, Б. 2002. Статский советник. Москва.
- Апухтин, Ю. 2018. Кто мы: безродные «украинцы» или русские? [http://alternatio.org/articles/articles/item/57070-kto-my-bezrodnye-ukraintsy-ili-russkie – Доступ: 03.12.2018]
- Брежнев, Л. И. 1970. Речь на V съезде Польской объединенной рабочей партии 12 ноября 1968 г. // Ленинским курсом. Том 2. Москва, 324–336.
- Вышинский, А. Я. 1955. Судебные речи. Москва.
- Гумбольдт, В. фон. 1984. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода (извлечения) // В. фон Гумбольдт, Избранные труды по языкознанию. Пер. Г. В. Рамишвили. Москва, 73–103. [http://philologos.narod.ru/classics/humboldt.htm#dif – Доступ: 07.12.2018]
- Дашкова, Е.Р. 1987. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. Дмитрев, С.С. / Веселая, Г.А. (ред.). Москва.
- Достоевский, Ф. М. 1990. Бесы. Собрание сочинений в 15 томах. Том 7. Ленинград. [https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol7/29.htm]
- Достоевский, Ф. М. 1991. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в 15 томах. Том 9. Ленинград. [https://rvb.ru/dostoevski/tocvol9.htm]
- Екатерина II. 1990. Собственно-ручные записки императрицы Екатерины II. // Михайлов, О.Н. (ред.), Сочинения Екатерины II. Москва, 21–238.
- Ильф, И. / Петров, Е. 2009. Двенадцать стульев. [1928] // Полное собрание сочинений в одном томе. Москва, 7–212.
- Каспрук, В. 2014. Українців від росіян відрізняє відсутність імперськості (11.07.2014) [https://www.radiosvoboda.org/a/25452891.html – Доступ: 03.12.2018]
- Кива, И. 2016. Даже если война закончится, я не вернусь в Донецк. // Фокус 01.04.2016. [https://focus.ua/culture/347565/ – Доступ: 03.12.2018]
- Лавров, С. В. 2014. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 27 сентября 2014 года. [http://www.un.org/en/ga/69/meetings/gadebate/pdf/RU_ru.pdf – Доступ: 19.11.2018]
- Лисняк, Л. 2017. Кофе на костре и пена у рта. // Донецкие Новости. Региональный портал Донбасса. 05.09.2017 [http://dnews.dn.ua/news/643157 – Доступ: 03.12.2018]
- Ломоносов, М. В. 1952. Российская грамматика. // Полное собрание сочинений. Том 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг. Москва / Ленинград, 19–97.
- Манчук, А. 2018. Почему не надо ненавидеть украинских националистов (06.08.2018, 09:06). [https://ukraina.ru/opinion/20180806/1020757949.html – Доступ: 30.11.2018]
- Маринина, А. 1997. Светлый лик смерти. Москва.
- Министерство 2018. Министерство иностранных дел Российской Федерации: Примеры публикаций, тиражирующих недостоверную информацию о России. [http://www.mid.ru/nedostovernie-publikacii – Доступ: 09.12.2018].
- Постановление 1968. Постановление Политбюро ЦК КПСС «К вопросу о положении в Чехословакии» [финал «Пражской весны»]. 17 августа 1968 г. [https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0038_tsc&object=translation&l=ru – Доступ: 28.11.2018]
- Путин, В. 1999. Россия на рубеже тысячелетий. [http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenum.html – Доступ: 11.11.2018]
- Путин 2004. Ответы на вопросы российских журналистов, 6 декабря 2004 года [http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22732 – Доступ: 21.09.2015].
- Путин 2012. Выступление Владимира Путина на митинге в Лужниках. [https://ria.ru/vybor2012_putin/20120223/572995366.html – Доступ: 14.06.2018]
- Путин 2013а. Интервью Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс. [http://kremlin.ru/events/president/news/19143 – Доступ: 10.11.2018]
- Путин 2013б. Пресс-конференция Владимира Путина, 19 декабря 2013 года. [http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19859 – Доступ: 21.09.2015].

- Путин 2014а Обращение Президента Российской Федерации 18 марта 2014 года [http://kremlin.ru/events/president/news/20603 – Доступ: 10.07.2017]
- Путин 2014b Прямая линия с Владимиром Путиным. [http://kremlin.ru/events/president/news/20796 – Доступ: 22.03.2018]
- Путин 2014с. Всероссийский молодёжный форум «Селигер-2014», 29 августа 2014 года. [http://www.kremlin.ru/news/46507 – Доступ: 21.09.2015]
- Путин 2015а. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 19 июня 2015 года. [http://kremlin.ru/events/president/news/49733 – Доступ: 21.09.2015]
- Путин 2015b. Концерт, посвящённый воссоединению Крыма и Севастополя с Россией, 18 марта 2015. [http://kremlin.ru/events/president/transcripts/47878 – Доступ: 21.09.2015]
- Путин 2015с. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 28 сентября 2015 года. [https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/70/70_RU_RU.pdf – Доступ: 19.11.2018]
- Радевнич-Винницький, Я. / Іванишин, В. 2012 (видання 6). Мова і нація. Львів.
- Романенко, В. / Коваленко, Г. 2016. Катехизм Українця ХХІ століття. Київ.
- Селезньов, В. 2016. Мовні війни. Міф про «Зіпсованість» Української мови. Харків.
- Соловьев, В. С. 1988. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. // Сочинения в двух томах. Том 2. Москва, 635–762.
- Сталин, И. В. 1950. Политический отчет Центрального комитета. 3 декабря. III: Партия и оппозиция. // Сочинения. Т. 10 (Август–Декабрь 1927). Москва, 325–353.
- Степова, О. 2017. Мы – украинцы, они – русские, и мы разные. [https://uainfo.org/blognews/1484503206-my--ukraintsy-oni-russkie-i-my-raznye.html – Доступ: 30.11.2018]
- Стоун, О. 2017. Интервью с Владимиром Путиным. Москва.
- Трампа 2017. Полная речь Дональда Трампа во время инаугурации на русском. [https://www.currenttime.tv/a/28247234.html – Доступ: 11.11.2018]

- Троцкий, Л. 1920. Терроризм и коммунизм. Петербург. [http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl033.htm – Доступ: 28.11.2018]
- Хайдеггер, М. 1947. Письмо о гуманизме. – Перевод с немецкого. [http://texts.news/problems-filosofii-knigi/haydegger-pismo-gumanizme-32957.html – Доступ: 07.12.2018]
- Хрущев, Н. С. 1999. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). В 4 книгах. Москва. [http://hrono.runet/libris/lib_h/hrush00.php – Доступ: 16.11.2018]
- Чапек, К. 1975. Война с саламандрами. // Собрание сочинений. Том второй. Перевод А. Гуровича. Москва, 433–678.
- Яценюк, А. 2014. Виступ Прем'єр-міністра Арсенія Яценюка на загальних дебатах Генеральної Асамблеї ООН у Нью-Йорку 24 вересня 2014 року (англ.). [https://www.kmu.gov.ua/ua/news/247628499 – Доступ: 16.11.2018]
- Binet, L. 2015. La septième fonction du langage. Paris.
- Blow, Ch. W. 2017. We Are Dissidents; We Are Legion. In: The New York Times, Jan. 23., 2017 [https://www.nytimes.com/2017/01/23/opinion/we-are-dissidents-we-are-legion.html – Доступ: 22.11.2018].
- Čapek, K. 1981. Válka s mloky. (= Spisy IX). Praha.
- European Commission 2018. Action Plan against Disinformation. Brussels, 05.12.2018. [https://cdn1-eeas.fpfis.tech.ec.europa.eu/cdn/farfuture/lpM1X9RnuE28GrR78F7yFA0HtKjii4TzKMvXoSg5Bn0/mtime:1544008849/sites/eeas/files/action_plan_against_disinformation.pdf – Доступ: 09.12.2018].
- Institut für Zeitgeschichte (ed.) 1996. Hitler, Adolf: Reden, Schriften, Anordnungen. Februar 1925 bis Januar 1933. Band 5: Von der Reichspräsidentenwahl bis zur Machtergreifung. April 1932 – Januar 1933. Teil 1: April 1932 – September 1932. Herausgegeben und kommentiert von Klaus A. Lankheit. München et. al., 242–245.
- Poroshenko, P. 2015. Statement by H.E. Mr. Petro Poroshenko, the President of Ukraine, at the General Debate of the 70th Session of the United Nations General Assembly (29 September 2015), New York. [https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/70/70_UA_en.pdf – Доступ: 19.11.2018].
- Trump, D. 2017. The Inaugural Address [https://www.whitehouse.gov/inaugural-address – Доступ: 10.07.2017].

Исследовательская литература

- Александровский, И. С. 2009. «Язык» или «наречие?» Полемика вокруг украинского языка в XIX в. // Вестник МГОУ № 1 (2009), 46–53. [http://www.vestnik-mgou.ru/mag/2009/ist_i_pol_nauki/1/st6.pdf]
- Алексеева, А. А. 2014. «Крым Наш»: Конфликтные речевые тактики в социальной сети «ВКонтакте». – Чудинов, А.П. (ред.), Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления. Екатеринбург, 6–9.
- Апресян, Ю. Д. 1995. Избранные труды. Том I: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва.
- Ариас, А.-М. 2015. Поликодовый текст: теоретические и прикладные аспекты. Санкт-Петербург. [<https://docplayer.ru/26285502-Polikodovyy-tekst-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty.html>]
- Аристотель. 1978. Риторика. Перевод Н. Платоновой // Античные риторики. Под ред. А. А. Тахо-Годи. Москва. 15–164 [<http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt> – Доступ: 07.12.2018].
- Белов, В. 2016. Некоторые лексические процессы в российском политическом дискурсе (на материале Интернет-газет). // Gorham, M. S. / Weiss, D. (eds.), *The Culture and Politics of Verbal Prohibition in Putin's Russia*. = *Zeitschrift für Slavische Philologie* 72/2, 383–411.
- Вепова, И. Т. / Купина, Н. А. / Михайлова, О. А. (ред.) 2006. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург.
- Вепова, И. Т. 2002. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург.
- Вепова, И. Т. / Купина, Н. А. / Михайлова, О. А. (ред.) 2006. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург.
- Гловинская, М. Я. 1992. Русские речевые акты и вид глагола. // Арутюнова, Н. Д. / Рябцева, Н. К. (ред.), *Модели действия*. Мосува, 123–130.
- Гловинская, М. Я. 2001. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. Москва.
- Дымарский, М. Я. (ред.) 2008. Речевая конфликтология. Санкт-Петербург.
- Ефремов, В. А. 2014. Типы речевой агрессии: От межличностной к массовой. // Казарина, В. И. (отв. ред.), *Актуальные про-*

- блемы современного языкознания и методики преподавания языка: сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 115-летию со дня рождения профессора И. А. Фигуровского. Елец, 209–215.
- Ефремов, В. А. 2016. Оскорбление: Наивная и юридическая картина мира. // Казанский, Н. Н. (ред.), *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. Т. XII/3, 291–309.
- Ефремов, В. А. 2018. Этнонимы в составе фразеологизмов: истоки языкавражды. // Токарев, Г. В. (отв. ред.), *Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы международной научной конференции*. Тула, 217–222.
- Ефремов, В. / Шарлай, М. 2016. Языковая рефлексия как плацдарм речевой агрессии: интернет-сообщество граммарици. // Gorham, M. S. / Weiss, D. (eds.), *The Culture and Politics of Verbal Prohibition in Putin's Russia*. = *Zeitschrift für Slavische Philologie* 72/2, 447–480.
- Ефремов, В. А. / Пиотровская, Л. А. / Лёвина, И. Н. 2018. Риторика. Культура речи и деловое общение. Москва.
- Земцов, И. Г. 2009. Советский язык – энциклопедия жизни. Москва.
- Иссерс, О. С. 2008. Коммуникативные стратегии и тактики русского языка. Москва.
- Иссерс, О. С. 2015а. Дискурсивные практики нашего времени. Москва.
- Иссерс, О. С. 2015б. От серьезного до смешного: Игровой потенциал русского слова года. // *Политическая лингвистика* 4, 25–31.
- Карасик, В. И. 2015. Языковая спираль: Ценности, знаки, мотивы. Волгоград.
- Комалова, Л. Р. 2017. Агрессогенный дискурс: Типология мультилингвальной вербализации агрессии. Москва.
- Купина, Н. А. 1995. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. Екатеринбург.
- Куссе, Х. 2005. Аргументативные компоненты кванторных значений: кванторные слова и ментальные глаголы. // Арутюнова, Н. Д. (отв. ред.), *Логический анализ языка: Квантификативный аспект языка*. Москва, 414–424.
- Куссе, Х. 2016. Культуроведческая лингвистика. Введение. Пер. с нем. М. Новосёловой. Казань.

- Лакофф, Дж. / Джонсон, М. 2004. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Москва.
- Литневская, Е. И. 2010. Стилиевая неоднородность текста как норма, коммуникативная неудача, языковая игра и примета идиостиля // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. Вып. 4/21. [http://tverlingua.ru/archive/21/2_21.pdf – Доступ: 11.03.2018].
- Миллер, А. 2013. Украинский вопрос в Российской империи. Киев.
- Мокиенко, В. М. / Никитина, Т. Г. 2005. Толковый словарь языка Совдепии. Москва.
- Новосёлова, М. 2016. Трансформированный образ «другого» у жертв военного конфликта на востоке Украины // Тараненко, Е. / Куссе, Х. / Нагорняк, Т. и др., Дискурс смысловой войны: агрессия и аргументация: сборник научных статей. Винница, 90–113.
- Норман, Б. Ю. 2015. Война людей, война слов, война СМИ. // Поповић, Љ. / Војводић, Д. / Номаћи, М. (уред.), У простору лингвистичке славистике. Зборник радова поводом 65 година живота академика Предрага Пипера. Београд, 565–580.
- Остин, Дж. 1999. Как совершать действия при помощи слов // Остин, Дж. Избранное. Москва, 13–135.
- Санников, В. 1989. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. Москва.
- Санников, В. 1989. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. Москва.
- Серл, Д. 2002. Открывая сознание заново. Москва.
- Серль, Д. 1986. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII, Москва, 151–169.
- Сидоров, В. А. / К. Р. Нигматуллина 2016. Ценностная поляризация медиасферы России: тенденции и признаки. // Gorham, M. S. / Weiss, D. (eds.), The Culture and Politics of Verbal Prohibition in Putin's Russia. = Zeitschrift für Slavische Philologie 72/2, 413–448.
- Тараненко, Е. 2016. Языковая инструментализация российско-украинского конфликта в современном медиа-дискурсе // Тараненко, Е. / Куссе, Х. / Нагорняк, Т. и др., Дискурс смысловой войны: агрессия и аргументация: сборник научных статей. Винница, 5–38.

- Тараненко, Е. et al. (ред.) 2016. Дискурс смысловой войны: Агрессия и аргументация. Винница.
- Урысон, Е. 2011. Опыт описания семантики союзов: лингвистические данные о деятельности сознания. Москва.
- Чернявская, В. Е. 2012. Лингвистика в медиальной парадигме: к постановке вопроса. // Когниция, коммуникация, дискурс № 4, 63–71. [<https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no4-2012/cernavskaa-v-e>]
- Чернявская, В. Е. 2013. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Выпуск № 2 (23). Иркутск, 122–127. [<http://naukarus.com/multimodalnost-kak-issledovatelskaya-perspektiva-metodologicheskij-aspekt-v-izuchenii-interaktsii>]
- Чернявская, В. Е. / Молодыхченко, Е. Н. 2014. История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих». Москва.
- Чернявская, В. Е. / Молодыхченко, Е. Н. 2017. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. Москва.
- Чудакова, М. О. 1988 (2-е изд.). Жизнеописание Михаила Булгакова. Москва. [http://yakov.works/libr_min/24_ch/ud/akova_00.htm]
- Шарлай, М. [Scharlaj, M.] 2018. «Пятая колонна». Идеологическая агрессия в современном политическом дискурсе России. // Henzelmann, M. (ed.), Linguistik als diskursive Schnittstelle zwischen Recht, Politik und Konflikt. Hamburg, 263–276.
- Шаронов, И. А. (ред.) 2004. Агрессия в языке и речи. Сборник статей. Москва.
- Шейгал, Е. И. 2004. Семиотика политического дискурса. Москва.
- Щербинина, И. В. 2008. Вербальная агрессия. Территория вражды. Москва.
- Щербинина, И. В. 2012. Речевая защита. Учимся управлять агрессией. Москва.
- Щербинина, И. В. 2015. Речевая агрессия. Территория вражды. Москва.
- Щербинина, Н. Г. 2011. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. Москва.
- Якобсон, Р. 1975. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против» / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. Москва. С. 193–230.

- Anderson, N. K. 1997. *The Perverted Ideal in Dostoyevsky's The Devils*. Frankfurt /M. et al.
- Anscombe, G. E. M. 1957. *Intention*. Oxford.
- Anscombe, J.-C. / Ducrot, O. 1983. *L'argumentation dans La Langue*. Bruxelles.
- Anscombe, J.-C. / Ducrot, O. 1986. *Argumentativité et informativité*. In: M. Meyer (ed.), *De la métaphysique à la rhétorique*. Bruxelles, 79–94.
- Anscombe, J.-C. 1995a. *De l'argumentation dans la langue à théorie des topoï*. In: Anscombe, J.-C. (Hg.), *La théorie des topoï*. Paris, 11–47.
- Anscombe, J.-C. 1995b. *La nature des topoï*. In: Anscombe, J.-C. (ed.), *La théorie des topoï*. Paris, 49–84.
- Anscombe, J.-C. 1995c. *Topique or not topique: formes topiques intrinsèques et formes topiques extrinsèques*. In: *Journal of Pragmatics* 24, 115–141.
- Anscombe, J.-C. / Donaire, M.L. / Haillet, P.P. (eds.) 2013. *Opérateurs discursifs du français. Éléments de description sémantique et pragmatique*. Frankfurt/M. et al.
- Arel, D. 2017. *Language, Status, and State Loyalty in Ukraine*. In: Flier, M. S. / Graziosi, A. (eds.), *The Battle for Ukrainian. A Comparative Perspective*. Cambridge, Massachusetts, 271–307.
- Arendt, H. 1985. *Totalitarianism. Part Three of the Origins of the Totalitarianism*. San Diego / New York / London.
- Austin, J. L. 1962. *How to Do Things With Words. The William James Lectures delivered at Harvard University*. Oxford.
- Bandura, A. 1973. *Aggression: A social Learning Analysis*. Englewood Cliffs, NJ.
- Bandura, A. 1979. *Aggression. Eine sozial-lerntheoretische Analyse*. Translation: U. Olligschläger. Stuttgart.
- Baron, R. A. / Richardson, D. R. 21994. *Human Aggression*. New York / London.
- Beck, G. 1980. *Sprechakte und Sprachfunktionen. Untersuchungen zur Handlungsstruktur der Sprache und ihren Grenzen*. Tübingen.
- Bellezza, S. A. 2017. *Wings to Lift the Truth Up High: The Role of Language for the Shistdesiatnyky*. In: Flier, M. S. / Graziosi, A. (eds.), *The Battle for Ukrainian. A Comparative Perspective*. Cambridge, Massachusetts, 247–269.

- Berkowitz, L. 1993. *Aggression. Its causes, consequences, and control*. New York et al.
- Berwanger, K. / P. Kosta (eds.) 2005. *Stereotyp und Geschichtsmythos in Kunst und Sprache. Die Kultur Ostmitteleuropas in Beiträgen zur Potsdamer Tagung, 16.-18. Januar 2003*. Frankfurt/M. et al.
- Bonacchi, S. 2017. *Verbale Aggression: Multidisziplinäre Zugänge zur verletzenden Macht der Sprache*. Berlin / New York.
- Bornscheuer, L. 1976. *Topik. Zur Struktur der gesellschaftlichen Einbildungskraft*. Frankfurt/M.
- Bowring, B. 2014. *The Russian Language in Ukraine: Complicit in Genocide, or Victim of State-Building?* In: Ryazanova-Clarke, L. (eds.), *The Russian Language Outside the Nation*. Edinburgh, 56–78.
- Breithaupt, F. 2012. *Kultur der Ausrede*. Berlin.
- Bruxelles, S. / Ducrot, O. / Racciah, P.-Y. 1995. *Argumentation and the Lexical Topical Field*. In: *Journal of Pragmatics* 24, 99–114.
- Bühler, K. 1934. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena [Nachdruck: Stuttgart 1999.]
- Buss, A. H. 1961. *The Psychology of Aggression*. New York / London.
- Butler, J. 1997. *Excitable Speech. A Politics of the Performative*. New York/London.
- Carel, M. 2011. *L'entrelacement argumentatif. Lexique, discours et blocs sémantiques*. Paris.
- Chernova, A. 2007. *Mémoires und Mon Histoire. Zarin Katharina die Große und Fürstin Katharina R. Daschkowa in ihren Autobiographien*. Berlin.
- Chomsky, N. 1991. *International Terrorism: Image and Reality*. In: George, A. (ed.), *Western State Terrorism*. Cambridge, UK, 12–38. [https://chomsky.info/199112__02/]
- Cortese, A. 2006. *Opposing Hate Speech*. Westport, Connecticut.
- De Jongh, Brien. 51995. *Griechenland. Festland und Peloponnes*. München.
- Dodds, K. 2007. *Geopolitics: A Very Short Introduction*. Oxford UP.
- Dollard, J./ L. W. Doob / N. E. Miller / O. H. Mowrer / R. S. Sears 1939. *Frustration and Aggression*. New Haven, CT.
- Dönninghaus, S. 1999. *Sprache und Täuschung. Ein Beitrag zur lexikalischen Semantik des Russischen unter Berücksichtigung kognitionstheoretischer Überlegungen*. Wiesbaden.

- Dönninghaus, S. 2005. Die Vagheit der Sprache. Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftssprache. Wiesbaden.
- Drubek-Meyer, N. 1998. Die Frage der Urheberschaft im Karneval und die Kehrseite des Dialogbegriffs. Eine Lektüre von Bulgakovs *Der Meister und Margarita* mit und gegen Bachtin. In: Städtke, K. (ed.), *Welt hinter dem Spiegel. Zum Status des Autors in der russischen Literatur der 1920er bis 1950er Jahre*. Berlin, 77–114.
- Ducrot, O. 1972. *Dire et ne pas dire*. Paris.
- Eco, U. 1972. Einführung in die Semiotik. Aus dem Italienischen von J. Trabant. München.
- Eggs, E. 1984. Die Rhetorik des Aristoteles. Ein Beitrag zur Theorie der Alltagskommunikation und zur Syntax von komplexen Sätzen (im Französischen). Frankfurt/M. et al.
- Ehlen, P. 2003. Die Idee der Schönheit in Vladimir Solov'ev Philosophie. In: Heftrich, U. / Ressel, G. (eds.), *Vladimir Solov'ev und Friedrich Nietzsche: eine deutsch-russische kulturelle Jahrhundertbilanz*. Frankfurt/M. et al., 241–263.
- Esposito, E. 2000. Macht als Persuasion oder Kritik der Macht. In: Maresch, R. / Werber, N. (eds.), *Kommunikation, Medien, Macht*. Frankfurt/M., 83–107.
- Eyer, P. 1987. *Perlokutionen*. Tübingen.
- Feshbach, S. 1964. The function of aggression and the regulation of aggressive drive. In: *Psychological Review* 71/1964, 257–272.
- Feshbach, S. 1981. Die Funktionsweise der Aggression und die Regulierung des aggressiven Antriebs. Translation: D. Essig / W.B. Emminghaus / H.-J. Kornadt. In: Kornadt, H.-J. (ed.), *Aggression und Frustration als psychologisches Problem*. 2 Bde. Bd. 1. Darmstadt, 246–273.
- Fishman, J. A. 1997. *In Praise of the Beloved Language. A Comparative View of Positive Ethnolinguistic Consciousness*. Berlin / New York.
- Fleischmann, E. 2010. *Das Phänomen Putin. Der sprachliche Hintergrund*. Leipzig.
- Fogelin, R. J. / Sinnott-Armstrong, W. 1997. *Understanding Arguments. An Introduction to Informal Logic*. Orlando et al.
- Forceville, Ch. J. 2009. *Multimodal Metaphor*. Berlin / New York.
- Forceville, Ch. J. 2016. Pictorial and Multimodal Metaphor. In: Klug, N.-M. / Stöckl, H. (eds.), *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. Berlin / Boston, 241–260.

- Freeman, J. B. 1991. *Dialectics and the Macrostructure of Arguments. A Theory of Argument Structure*. Berlin / New York.
- Freidhof, G. 1992. Typen dialogischer Kohärenz und Illokutions-Blockade. In: *Zeitschrift für Slawistik* 37/2, 215–230.
- Freud, S. 1997 [1930]. Das Unbehagen an der Kultur. In: Freud, S., Studienausgabe, Bd. 9: *Fragen der Gesellschaft, Ursprünge der Religion*. Mitscherlich, A. / Richards, A. / Strachey, J. (eds.). Frankfurt/M., 191–270. [First Edition: Wien 1930].
- Freud, S. 2000 [1920]. Jenseits des Lustprinzips. In: Freud, S., Studienausgabe. Bd. 3: *Psychologie des Unbewußten*. Mitscherlich, A. / Richards, A. / Strachey, J. (eds.). Frankfurt/M., 213–272. [First Edition: Leipzig, Wien, Zürich 1920].
- Frick, M.-L. 2017. *Zivilisiert streiten. Zur Ethik der politischen Gegnerschaft*. Stuttgart.
- Garvin, P. L. 1993. A conceptual framework for the study of language standardization. In: *International Journal of the Sociology of Language* 100/101 (1993), 37–54.
- Gay, P. 1994. *The Bourgeois Experience. Victoria to Freud*. Vol. 3: *The Cultivation of Hatred*. London.
- Gay, P. 1996. *Kult der Gewalt. Aggression im bürgerlichen Zeitalter*. Translation: U. Enderwitz / M. Noll / R. Schubert. München.
- Gelber, K. 2002. *Speaking Back: The Free Speech Versus Hate Speech Debate*. Amsterdam.
- Gerigk, H.-J. 2010. Dialogue and Pseudo-Dialogue. In: Cicovacki, P./Granik, M. (eds.), *Dostoyevsky's Brothers Karamazov. Art, Creativity and Spirituality*. Heidelberg, 29–44.
- Giebel, M. 2001. *Das Orakel von Delphi. Geschichte und Texte (Griechisch/Deutsch)*. Stuttgart.
- Goffman, E. 2003. Techniken der Imagepflege. In: Bolten, J. / Ehrhardt C. (eds.), *Interkulturelle Kommunikation. Texte und Übungen zum interkulturellen Handeln*. Sternenfels, 103–110.
- Gorham, M. S. / Weiss, D. (eds.) 2016. *The Culture and Politics of Verbal Prohibition in Putin's Russia*. = *Zeitschrift für Slavische Philologie* 72/2.
- Götttert, K.-H. 1991. *Einführung in die Rhetorik. Grundbegriffe, Geschichte, Rezeption*. München.
- Grimm, A. 2000. Wie das Andere zum Feind wird. Zur Verbalisierung von Feindbildern. In: Maurice, F. / Mendoza, I. (eds.),

- Linguistische Beiträge zur Linguistik. VIII. JungslavistIn-nen-Treffen. München 1999. München, 43–63.
- Gu, Y. 1993a. The impasse of perlocution. In: *Journal of Pragmatics* 20, 405–432.
- Gu, Y. 1993b. Pragmatics and Rhetoric: A Collaborative Approach to Conversation. In: Parret, H. (ed.), *Pretending to Communicate*. Berlin / New York, 173–195.
- Guttke, M. 2010a. Strategien der Persuasion in der schriftkonstituierten politischen Kommunikation. Dargestellt an Parteiprogrammen der Neuen Rechten in Polen. Frankfurt/M. et al.
- Guttke, M. 2010b. Krieg für Frieden. Wie Politiker unter Ausnutzung persuasiver Strategietypen und -muster Kriege rechtfertigen. In: *Zeitschrift für Slawistik* 55/3, 312–339.
- Guttke, M. 2015. Wem gehört die Krim? Putins Rechtfertigung der Krim-Annexion. In: *Zeitschrift für Slawistik* 60/2, 312–327.
- Habermas, J. 1988. *Theorie des kommunikativen Handelns*. 2 Bde. Frankfurt/M.
- Habermas, J. 1999. *Wahrheit und Rechtfertigung*. Philosophische Aufsätze. Frankfurt/M.
- Havryliv, O. 2003. Pejorative Lexik Untersuchungen zu ihrem semantischen und kommunikativ-pragmatischen Aspekt am Beispiel moderner deutschsprachiger, besonders österreichischer Literatur. Frankfurt/M. et al.
- Havryliv, O. 2009. *Verbale Aggression*. Formen und Funktionen am Beispiel des Wienerischen. Frankfurt/M. et al.
- Heftrich, U. 2004. *Gogol's Schuld und Sühne*. Versuch einer Deutung des Romans *Die toten Seelen*. Stuttgart.
- Hentschel, G. / Brüggemann, M. 2015. Gibt es in der Ukraine einen ukrainisch-russischen Sprachenkonflikt? In: Bakalova, E. et al. (eds.), *Ukraine. Krisen. Perspektiven*. Interdisziplinäre Betrachtungen eines Landes im Umbruch. (Impulse. Studien zu Geschichte, Politik und Gesellschaft, Band 6). Berlin, 95–118.
- Herrmann, St. K. / Krämer, S. / Kuch, H. (eds.) 2007. *Verletzende Worte*. Die Grammatik sprachlicher Missachtung. Bielefeld.
- Herz, M. / Molnar, P. (eds.) 2012. *The Content and Context of Hate Speech: Rethinking Regulation and Responses*. Cambridge.
- Hindelang, G. 2010. *Einführung in die Sprechakttheorie*. Tübingen.
- Hitchcock, D. 2017. *On Reasoning and Argument: Essays in Informal Logic and on Critical Thinking*. Springer International Publishing.

- Hoffmann, M. 1998. Gestaltungsstrategien und strategisches Gestalten. Zur Persuasivität von Thematisierungsstilen im politischen Diskurs. In: Hoffmann, M. / Kessler, C. (eds.), *Beiträge zur Persuasionsforschung*. Frankfurt/M. / Berlin / New York et al., 57–97.
- Hoffmann, M. / Kessler, C. (eds.) 1998. *Beiträge zur Persuasionsforschung*. Unter besonderer Berücksichtigung textlinguistischer und stilistischer Aspekte. Frankfurt/M. / Berlin / New York et al.
- Holly, W. 1979. Zum Begriff der Perlokution. Diskussion, Vorschläge und ein Textbeispiel. In: *Deutsche Sprache* 7/1979, 1–27.
- Hornscheidt, L. / Jana, I. / Acke, H. (eds.) 2010. *Schimpfwörter – Beschimpfungen – Pejorisierungen*. Wie in Sprache Macht und Identitäten verhandelt werden. Frankfurt/M.
- Jones, M. V. 1990. *Dostoyevsky after Bakhtin*. Readings in Dostoyevsky's Fantastic Realism. Cambridge.
- Jost, J. 2007. *Topos und Metapher*. Zur Pragmatik und Rhetorik des Verständlichmachens. Heidelberg.
- Kanzler, K. / Scharlaj, M. 2017. *Between Glamorous Patriotism and Reality-TV Aesthetics: Political Communication, Popular Culture, and the Invective Turn in Trump's United States and Putin's Russia*. In: *Zeitschrift für Slawistik* 62/2, 316–338.
- Kappeler, A. 2017. *Ungleiche Brüder*. Russen und Ukrainer. Vom Mittelalter zur Gegenwart. München.
- Keen, S. 1987. *Bilder des Bösen: wie man sich Feinde macht*. Weinheim et al.
- Kemnitz, R. 2017. *Aggressive Argumentation und Nomination im russisch-ukrainischen Online-Diskurs*. Dresden (Ms. der BA-Arbeit).
- Kempf, W. 1979. *Zur Neuorientierung der Aggressionsforschung*. Konstanz. (= *Konstanzer Universitätsreden*. Bd. 119.)
- Kempf, W. / Hilke, R. 1982. *Naturwissenschaftliche und kulturwissenschaftliche Perspektiven der Aggressionsforschung – Versuch einer Integration*. In: Kempf, W. / Hilke, R. (eds.), *Aggression*. Naturwissenschaftliche und kulturwissenschaftliche Perspektiven der Aggressionsforschung. Bern / Stuttgart / Wien, 516–569.
- Kienpointner, M. 1992. *Alltagslogik*. Struktur und Funktion von Argumentationsmustern. Stuttgart-Bad Cannstatt.

- Klein, J. 1987. Die konklusiven Sprechhandlungen. Studien zur Pragmatik, Semantik und Lexik von BEGRÜNDEN, ERKLÄREN-WARUM, FOLGERN und RECHTFERTIGEN. Tübingen.
- Klein, W. 1980. Argumentation und Argument. In: Klein, W. (ed.), *Argumentation*. = Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik (LiLi) 38/39. Göttingen, 9–57.
- Klinker, F. / Scharloth, J. / Szczyk, J. (eds.) 2018. Sprachliche Gewalt. Formen und Effekte von Pejorisation, verbaler Aggression und Hassrede. Stuttgart
- Klug, N.-M. / Stöckl, H. (eds.) 2016. Handbuch Sprache im multimodalen Kontext. Berlin / Boston.
- Köhnken, G. / Bliesener, Th. 2002. Psychologische Theorien zur Erklärung von Gewalt und Aggression. In: Ostendorf, H. / Köhnken, G. / Schütze, G. (eds.), *Aggression und Gewalt*. Frankfurt/M. u. a., 71–94.
- Konzeptgruppe „Invektivität“ 2017. Invektivität – Perspektiven eines neuen Forschungsprogramms in den Kultur- und Sozialwissenschaften. In: *Kulturwissenschaftliche Zeitschrift* 1/2017, 2–24. [<https://content.sciendo.com/view/journals/kwg/2/1/article-p2.xml> – Доступ: 22.11.2018]
- Kopperschmidt, J. 1977. Überzeugen – Problemskizze zu den Gesprächschancen zwischen Rhetorik und Argumentationstheorie. In: Schecker, M. (ed.), *Theorie der Argumentation*. Tübingen, 203–240.
- Kopperschmidt, J. 1989. *Methodik der Argumentationsanalyse*. Stuttgart-Bad Cannstatt.
- Kornadt, H.-J. (ed.) 1992. *Aggression und Frustration als psychologisches Problem*. 2 Bde. Darmstadt, 513–580.
- Kornadt, H.-J. 1981. Die Entwicklung der Frustrations- und der Aggressionsforschung. In: Kornadt, H.-J. (ed.), *Aggression und Frustration als psychologisches Problem*. 2 Bde. Bd. 1. Darmstadt, 3–59.
- Kornadt, H.-J. 1992. Trends und Lage der gegenwärtigen Aggressionsforschung. In: Kornadt, Bd. 2, 513–580.
- Kosta, P. 1995. Zur Modellierung persuasiver Sprechakte. In: *Zeitschrift für Slawistik* 40/3, 305–324.
- Krämer, S. / E. Koch (eds.) 2010. *Gewalt in der Sprache. Rhetoriken verletzenden Sprechens*. München.

- Kreß, B. 2010. Kooperation und Konflikt. Äußerungsstrukturen in Konflikten und Konfliktlösungen auf der Grundlage russischer und tschechischer literarischer Texte. München/Berlin.
- Kress, G. 2010. *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London / New York.
- Kress, G. / Van Leeuwen, Th. 2001. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London / New York.
- Kulyk, V. 2014. What is Russian in Ukraine? Popular beliefs Regarding the Social Roles of the Language. In: Ryazanova-Clarke, L. (ed.), *The Russian Language Outside the Nation*. Edinburgh, 117–140.
- Kulyk, V. 2016. National Identity in Ukraine: Impact of Euromaidan and the War. In: *Europe-Asia Studies*, Vol. 68, No. 4, 588–608.
- Kulyk, V. 2017. Language Attitudes in Independent Ukraine: Differentiation and Evolution. In: Flier, M. S. / Graziosi, A. (eds.), *The Battle for Ukrainian. A Comparative Perspective*. Cambridge, Massachusetts, 309–341.
- Kulyk, V. 2018. Between the “Self” and the “Other”: Representations of Ukraine’s Russian-speakers in Social Media Discourse. In: Kulyk, V. / Nedashkivska, A. (eds.), *Language, Identity, and Ideology in Ukrainian Media*. = *East/West: Journal of Ukrainian Studies* (ewjus.com). Volume V, No. 2 (2018), 65–88. [<https://doi.org/10.21226/ewjus419>]
- Kummer, R. 2000. Люби Родину больше жизни – Я больше не могу: Der plakatpropagandistische Todesdiskurs im Spannungsfeld der Gut-Böse-Dichotomie. In: Weiss, D. (ed.), *Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)*. Bern / Frankfurt/M., 259–335.
- Kuße, H. 1998. Konjunktionale Koordination in Predigten und politischen Reden. Dargestellt an Belegen aus dem Russischen. München.
- Kuße, H. 2000. Werbung und praktisches Schließen. Dargestellt am Beispiel tschechischer Anzeigenwerbung. In: *Wiener Slawistischer Almanach*. 45/2000, 175–208.
- Kuße, H. 2001. Linguistik und Argumentationstheorie. In: *Linguistica Pragensia*. Bd. XI / 2, 57–84.
- Kuße, H. 2002. Werte als Prämissen. Beispiele aus dem politischen Diskurs (Havel, Gorbatschow, Putin). In: Kuße, H. / Unrath-Scharpenack (eds.), *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Beispiele aus der Slavistik*. Bochum, 117–165.

- Kuße, H. 2004. Metadiskursive Argumentation. Linguistische Untersuchungen zum russischen philosophischen Diskurs von Lomonosov bis Losev. München.
- Kuße, H. 2005a. Im Krieg mit dem Molchen: Stereotypen der Aggression bei Karel Čapek. Berwanger, K. / Kosta, P. (eds.), Stereotyp und Geschichtsmythos in Kunst und Sprache. Die Kultur Ostmitteleuropas in Beiträgen zur Potsdamer Tagung, 16.–18. Januar 2003. Frankfurt/M. u. a., 631–646.
- Kuße, H. 2005b. Perlokutionen: Begriff und Typologie. Mit Belegen aus den erotischen und konfliktären Dialogen Milan Kunderas. In: Wingender M. (ed.), Linguistische Beiträge zur Slavistik. XII. JungslavistInnen-Treffen in Gießen. 2003. München, 49–74.
- Kuße, H. 2007a. POSITIVES BEWERTEN: Diskurssensitive Beispiele aus dem Russischen und Tschechischen. In: Zeitschrift für Slawistik 52/2, 138–177.
- Kuße, H. 2007b. Unternehmensphilosophien: McDonald's und IKEA (die russischen, tschechischen und polnischen Internetauftritte im Vergleich). In: Doleschal, U. / Hoffmann, E. / Reuther, T. (eds.), Sprache und Diskurs in Wirtschaft und Gesellschaft: Slawistische Perspektiven. Festschrift für Renate Rathmayr. = Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 66. München / Wien, 155–178.
- Kuße, H. 2008a. Sprachlob und Sprechenbewerten. In Kempgen, S. / Gutschmidt, K. / Jekutsch, U. / Udolph, L. (eds.), Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008. München, 217–230.
- Kuße, H. 2008b. Das Böse der positiven Rede. Ein Topos der Kommunikation in der russischen Kulturgeschichte (Avvakum, Fonvizin, Solov'ev). In: Zelinsky, B. (ed.), Das Böse in der russischen Kultur. Köln / Weimar / Wien, 44–59.
- Kuße, H. 2009. Zur Syntax der Koordination. In: Kempgen, Sebastian et al. (eds.), Die slavischen Sprachen / The Slavic Languages. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung / An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation. Berlin/New York, 608–618.
- Kuße, H. 2010. Lev Tolstoj und die Sprache der Weisheit. Göttingen.
- Kuße, H. 2012. Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen.

- Kuße, H. 2013a. Emotive signs and evaluation in totalitarian language: About "Vekhi" and Andrei Vyshinsky. In: Kreß, B. (ed.), Totalitarian Political Discourse? Tolerance and Intolerance in Eastern and East Central European Countries. Diachronic and Synchronic Aspects. Frankfurt/M., 11–23.
- Kuße, H. 2013b. Normative Disjunktionen. In: Kempgen, S. / Wingender, M. / Franz, N. / Jakiša, M. (eds.), Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress Minsk 2013. München / Berlin / Washington, D.C., 187–196.
- Kuße, H. 2014. Partieller Kontextualismus. Zur Logik und rhetorisch-diskursiven Funktionalität koordinierender Konjunktionen im Deutschen und Russischen. In: Бабенко, Н.С. (отв. ред.), Языковая системность и дискурсивные практики. XI. съезд российского союза германистов. Казань, 21.–23. ноября 2013 года. Москва, 44–60.
- Kuße, H. 2015 Dostoevskij und die Sprache des Bösen. In: Goes, G. (ed.), Wer wagt es solche Fragen vorzulegen? Dostojewskijs Weltanschauung. Jahrbuch der deutschen Dostojewskij-Gesellschaft. 21/ 2014. München / Berlin / Washington, D.C., 144–162.
- Kuße, H. 2016a. Argumentationslinguistik und integrale Sprachbeschreibung. In: Brunetti, S. / Klingebeitl-Schieke, J. / Pedron, Ch. M. / Piotrowski, M.-Chr. / Ruggieri, A. / Schreiber, R. (eds.), Versprachlichung von Welt – Il mondo in parole. Festschrift zum 60. Geburtstag von Maria Lieber. Tübingen, 183–199.
- Kuße, H. 2016b. Kleine Wörter in großen Funktionen. In: Kuße, H. / Scharlaj, M. (eds.), Linguistische Beiträge zur Slavistik. XXIII. JungslavistInnen Treffen in Dresden. 18.–20. September 2014. Leipzig, 119–142.
- Kuße, H. 2016c. Perlokutionen und perlokutionäre Interaktion. In: Breu, W. / Reuther, T. (eds.), Slavistische Linguistik 2013. Referate des XL. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens in Konstanz/Hegne, 1. bis 5. September 2014. = Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 77. Frankfurt/M., 159–198.
- Kuße, H. 2016d. Language as value. In: Тараненко, Е. / Куссе, Х. / Нагорняк, Т. и др., Дискурс смысловой войны: агрессия и аргументация: сборник научных статей. Винница, 39–51.
- Kuße, H. 2018a. Argument und Aggression – mit Beispielen aus dem Ukraine Konflikt. In: Klinker, F. / Scharloth, J. / Szczyk, J. (eds.),

- Sprachliche Gewalt. Formen und Effekte von Pejorisation, verbaler Aggression und Hassrede. Stuttgart, 41–66.
- Kuße, H. 2018b. Aggression und Argumentation. In: Kempgen, S. / Wingender, M. / Udolph, L. (eds.), *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress, Belgrad 2018*. Wiesbaden, 191–204.
- Kuße, H. 2018c. Argumentation and Aggression: About Maps and Poems in the Russian-Ukrainian Conflict. In: Kulyk, V. / Nedashkivska, A. (eds.), *Language, Identity, and Ideology in Ukrainian Media. = East/West: Journal of Ukrainian Studies (ewjus.com)*. Volume V, No. 2 (2018), 37–63. [<https://doi.org/10.21226/ewjus418>].
- Kuße, H. 2018d. Hidden Arguments. In: Liashchova, L. (ed.), *The Explicit and the Implicit in Language and Speech*. Newcastle upon Tyne, UK et al., 35–50.
- Kuße, H. im Druck. Diffuse Mitteilungen und andere totalitäre Sprechhandlungen. Erscheint in: *Wiener slawistischer Almanach*.
- Lakoff, G. / Johnson, M. 1980. *Metaphors We Live by*. Chicago.
- Lakoff, G. / Johnson, M. 2011. *Leben mit Metaphern. Konstruktion und Gebrauch von Sprachbildern*. Translation: A. Hildenbrand. Heidelberg.
- Lakoff, G. / Wehling, E. 2009. *Auf leisen Sohlen ins Gehirn. Politische Sprache und ihre heimliche Macht*. Heidelberg.
- Lakoff, R. 1971. If's, and's and but's about conjunction. In: Ch. Fillmore / Terence Langendoen, D. (eds.), *Studies in Linguistic Semantics*. New York, 114–147.
- Lang, E. 1977. *Semantik der koordinativen Verknüpfung*. Berlin (Ost).
- LeVine, Ph. / Scollon, R. (eds.) 2004. *Discourse & Technology: Multimodal Discourse Analysis*. Washington, D.C.
- Lorenz, K. 1963. *Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression*. Wien.
- Maar, Ch. / Burda, H. (eds.) 2004. *Iconic turn. Die neue Macht der Bilder*. Köln.
- Mann, E. 2000. *Persuasive Sprechhandlungen in Alltagsdialogen des Russischen*. München.
- Marchenko, A. / Kurbatov, S. 2016. Constructing the Enemy-Other in Social Media: Facebook as a Particular 'Battlefield' during the Ukrainian Crisis. In: Bassin, M. / Suslov, M. (eds.), *Eurasia 2.0. Russian Geopolitics in the Age of New Media*. Lanham, 225–245.

- Marxsen, C. / Peters, A. / Hartwig, M. (eds.) 2015. Symposium: "The Incorporation of Crimea by the Russian Federation in the Light of International Law". Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law, Heidelberg, September 2–3, 2014. In: *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. Heidelberg Journal of International Law (HJIL)*. Vol. 75 (2015), 1–231. [http://www.zaoerv.de/75_2015/vol75.cfm]
- Meibauer, J. (ed.) 2013. *Hassrede/Hatespeech. Interdisziplinäre Beiträge zu einer aktuellen Diskussion*. Gießen.
- Meibauer, J. 2013. Hassrede – von der Sprache zur Politik. In: Meibauer, J. (ed.), *Hassrede/Hatespeech. Interdisziplinäre Beiträge zu einer aktuellen Diskussion*. Gießen, 1–16.
- Micheeva, O. 2016. Selbstbild im Wandel. Die „Volksrepubliken“ Donec'k und Luhans'k und ihre Kämpfer. In: *Osteuropa*, Heft 6–7/2016, 185–203.
- Moeschler, J. / Reboul, A. 1994. *Dictionnaire encyclopédique de pragmatique*. Paris.
- Moser, M. 2017. Zur jüngsten Sprachsituation in der Ukraine (2012–2016). In: *Studia Slavica Hungarica* 62/1, 171–196.
- Morozova, O. 2017. Monomodal and Multimodal Instantiations of Conceptual Metaphors of Brexit. In: *Lege artis: Language Yesterday, Today, Tomorrow. The Journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*, vol. II, no. 2, 250–283. [<https://content.sciendo.com/abstract/journals/lart/2/2/article-p250.xml>]
- Müller, J.-W. 2016. *Was ist Populismus?* Berlin.
- Münkler, H. 2015. *Kriegssplitter. Die Evolution der Gewalt im 20. und 21. Jahrhundert*. Berlin.
- Naess, A. 1966. *Communication and argument. Elements of applied semantics*. Oslo.
- Naess, A. 1975. *Kommunikation und Argumentation. Eine Einführung in die angewandte Semantik*. Translation: A. von Stechow. Kronberg.
- Nedashkivska, A. 2015. "Ukraine is united" Campaign: Public Discourse on Languages in Ukraine at a Time of Political Turmoil. In: *Zeitschrift für Slawistik* 61/2, 294–311.
- Neureiter, F. (ed.) 1983. *Weißrussische Anthologie. Ein Lesebuch zur weißrussischen Literatur (mit deutschen Übersetzungen)*. München.

- Nyan, T. 1998. *Metalinguistic Operators with Reference to French*. Frankfurt/M. / Bern et al.
- Öhlschläger, G. 1979. *Linguistische Überlegungen zu einer Theorie der Argumentation*. Tübingen.
- Ortak, N. 2004. *Persuasion. Zur textlinguistischen Beschreibung eines dialogischen Strategiemusters*. Tübingen.
- Ostendorf, H. / Köhnken, G. / Schütze, G. (eds.) 2002. *Aggression und Gewalt*. Frankfurt/M. et al.
- Patterson, O. 1982. *Slavery and Social Death. A Comparative Study*. Cambridge, Mass. / London.
- Patterson, O. 2017. *Sklaverei in globalhistorischer Perspektive. Von der Antike bis in die Gegenwart*. Aus dem Englischen von I. Herrad. In: Schmitz, W. (ed.), «Die Sklaverei setzen wir mit dem Tod gleich» – Sklaven in globalhistorischer Perspektive. Beiträge zur Tagung vom 14. Januar 2016 in der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz. Stuttgart, 67–104.
- Perelman, Ch. / Olbrechts-Tyteca, L. 1958 *Traité de l'argumentation. La nouvelle rhétorique*. Paris.
- Pinkal, M. 1985. *Logik und Lexikon. Die Semantik des Unbestimmten*. Berlin/New York.
- Pinkal, M. 1995. *Logic and Lexicon. The Semantics of the Indefinite*. Dordrecht / Boston / London.
- Popper, K. R. 1984. *Objektive Erkenntnis. Ein evolutionärer Entwurf*. Hamburg.
- Raccah, P.-Y. 1995. *Argumentation and Natural Language: Presentation and Discussion of Four Foundational Hypotheses*. In: *Journal of Pragmatics* 24, 1–15.
- Radünzel, C. 2008. *Der Georgienkonflikt in den Reden der Vertreter Georgiens, Russlands, der USA, Deutschlands und Polens vor der 63. UNO-Generalversammlung 2008*. In: *Zeitschrift für Slawistik* 55/1, 90–11.
- Radünzel, C. 2014. *Историческое воссоединение und защита отечественников. Die Krim-Frage in zwei Reden Präsident Putins vom 18.3. und 4.12.2014*. In: *Anzeiger für Slavische Philologie* XLII/2014, 107–135.
- Radünzel, C. 2017. *Die Darstellung der Krim-Frage und des Ukraine-Konflikts in Reden russischer, ukrainischer und deutscher Vertreter vor den Vereinten Nationen. Eine linguistische*

- Analyse. In: Trunk, A. (ed.), *Russland und Europa. Facetten einer Beziehung*. Frankfurt/M., 153–195.
- Remy, J. 2017. *Against All Odds: Ukrainian in the Russian Empire in the Second Half of the Nineteenth Century*. In: Flier, M. S. / Graziosi, A. (eds.), *The Battle for Ukrainian. A Comparative Perspective*. Cambridge, Massachusetts, 43–61.
- Rosenmayr, L. 1995. *Der Lebenskampf. Aggression und Versöhnung*. Wien.
- Ryazanova-Clarke, L. 2016. *Linguistic Violence in Contemporary Russia Public Discourses*. In: Weiss, D. (ed.), *Contemporary Eastern European Political Discourse = Zeitschrift für Slawistik* 61/1, 3–28.
- Ryazanova-Clarke, L. 2017. *From commodification to weaponization: the Russian language as 'pride' and 'profit' in Russia's transnational discourses*. In: *International Journal of Bi-lingual Education and Bilingualism*. Vol. 20, Issue 4: *Commodification of Russian*, 443–456.
- Sachs-Hombach, K. (ed.) 2005. *Bildwissenschaft. Disziplinen, Themen, Methoden*. Frankfurt/M.
- Schadewaldt, W. 1990. *Der Gott von Delphi und die Humanitätsidee. Vortrag, gehalten anlässlich der Entgegennahme des Reuchlin-Preises der Stadt Pforzheim am 16. November 1963*. In: Schadewaldt, W., *Der Gott von Delphi und die Humanitätsidee. Aufsätze und Vorträge*. Frankfurt/M., 7–31.
- Scharlaj, M. 2012. *Null und Atlantis. Metaphorische Konzeptualisierung des Weißrussischen*. München / Berlin.
- Scharlaj, M. 2014. *Krieg als Norm? Russlands patriotische Erinnerung und heroische Diskurse*. In: *Zeitschrift für Slawistik* 59/2, 222–237.
- Scharlaj, M. 2017. *Krieg, Kommerz und Kreml-Konzerte. Geschichtsinzenierungen im heutigen Russland*. In: Kühn, Th. / Troschitz, R. (eds.), *Populärkultur. Perspektiven und Analysen*. Bielefeld, 157–179.
- Schecker, M. (ed.) 1977. *Theorie der Argumentation*. Tübingen.
- Schulz von Thun, F. 2003. *Miteinander reden. 3 Bde*. Reinbek bei Hamburg.
- Searle, J. R. 1969. *Speech acts. An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge.

- Sériot, P. 2017. Language Policy as a Political Linguistics: The Implicit Model of Linguistics in the Discussion of the Norms of Ukrainian and Belorussian in the 1930s. In: Flier, M. S. / Graziosi, A. (eds.), *The Battle for Ukrainian. A Comparative Perspective*. Cambridge, Massachusetts, 195–214.
- Shapoval, Y. 2017. The Ukrainian Language under Totalitarianism and Total War. In: Flier, M. S. / Graziosi, A. (eds.), *The Battle for Ukrainian. A Comparative Perspective*. Cambridge, Massachusetts, 215–246.
- Sornig, K. 1989. Some remarks on linguistic strategies of persuasion. In: Wodak, R. (ed.), *Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse*. Amsterdam/Philadelphia, 95–113.
- Sperber, D. / Wilson, D. 21995. *Relevance. Communication and Cognition*. Oxford/Cambridge.
- Sperling, V. 2015. *Sex, Politics, and Putin. Political Legitimacy in Russia*. Oxford, NY.
- Stadler, W. 1997. *Macht Sprache Gewalt: rechtspopulistische Sprache am Beispiel V. V. Žirinovskijs vor dem Hintergrund der Wandlungen politischer Sprache in Rußland*. Innsbruck.
- Städtke, K. (ed.) 1998. *Welt hinter dem Spiegel. Zum Status des Autors in der russischen Literatur der 1920er bis 1950er Jahre*. Berlin.
- Staffeldt, S. 2007. *Perlokutionäre Kräfte. Lexikalisierte Wirkungen sprachlicher Äußerungen im Deutschen*. Frankfurt/M. et al.
- Stahl, H. 2015. Poesie als politische Partizipation: Der virale poetopolitische Diskurs um Anastasija Dmytruks Videogedicht „Nikogda my ne budem brat’jami“ auf YouTube. In: *Zeitschrift für Slavische Philologie* 71, 441–477.
- Stern, R. 2007. *The gaslight effect: how to spot and survive the hidden manipulations other people use to control your life*. New York.
- Sternberger, D. / Storz, G. / Süskind, W.E. 1962. *Aus dem Wörterbuch des Unmenschen*. München. [Original: 1957].
- Stöckl, H. 2004. *Die Sprache im Bild – Das Bild in der Sprache. Zur Verknüpfung von Sprache und Bild im massenmedialen Text. Konzepte, Theorien, Analysemethoden*. Berlin / New York.
- Stone, L. 1971. Reflections on the Psychoanalytic Concept of Aggression. In: *Psychoanalytic Quarterly* XL/1971, 195–244.

- Strauß, G. / Zifonun, G. 1986. Formen der Ideologiegebundenheit. In: Strauß, G. (ed.), *Der politische Wortschatz. Zur Kommunikations- und Textsortenspezifität*. Tübingen, 67–147.
- Stukenbrock, A. 2005. *Sprachnationalismus. Sprachreflexion als Medium kollektiver Identitätsstiftung in Deutschland (1617–1945)*. Berlin / New York.
- Suslov, M. 2017. The Production of ‘Novorossiya’ A Territorial Brand in Public Debates. In: *Europe-Asia Studies*. Vol. 69, 202–221.
- Thielemann, N. 2010. *Untersuchungen zum weiblichen Diskussionsstil. Am Beispiel von Gesprächen russischer, ukrainischer und polnischer Interaktionspartnerinnen*. München/Berlin.
- Toulmin, St. 2003 [1958]. *The Uses of Argument [Updated edition]*. Cambridge.
- Ueding, G. / Steinbrink, B. 31994. *Grundriß der Rhetorik. Geschichte, Technik, Methode*. Stuttgart.
- Uffelman, D. 2016. The Imagined Geolinguistics of Ukraine. In: M. Bassin / M. Suslov (eds.), *Eurasia 2.0. Russian Geopolitics in the Age of New Media*. Lanham, 249–73.
- Van den Heuvel, G. 1985. *Terreur, Terrorist, Terrorisme*. In: Reichardt, R. / Schmitt, E. (eds.), *Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680–1820*. Heft 3. München, 89–132.
- Van Dijk, T. A. 1998. *Ideology. A Multidisciplinary Approach*. London et al.
- Van Eemeren, F. H. / Grootendorst, R. / Jackson, S. / Jacobs, S. 1993. *Reconstructing argumentative discourse*. Tuscaloosa / London.
- Van Herpen, M. H. 2016. *Putin’s Propaganda Machine: Soft Power and Russian Foreign Policy*. Lanham.
- Wahl, K. 2009. *Aggression und Gewalt. Ein biologischer, psychologischer und sozialwis-senschaftlicher Überblick*. Heidelberg.
- Walton, D. N. 1996a. *Argument Structure. A Pragmatic Theory*. Toronto.
- Walton, D. N. 1996b. *Argumentation Schemes for Presumptive Reasoning*. Mahwah, N.J.
- Walton, D. N. / Reed, Chr. / Macango, F. 2008. *Argumentation Schemes*. Cambridge.
- Weber, M. 52002. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. Winckelmann, J. (ed.). Tübingen.
- Weidenbusch, W. (ed.) 2014. *Diskursmarker, Konnektoren, Modalwörter*. Tübingen.

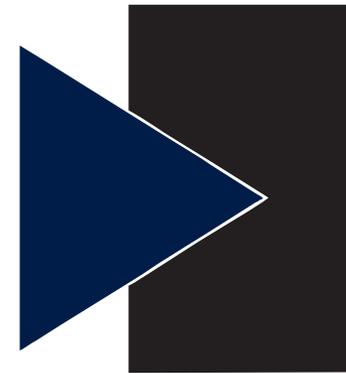
- Weiss, D. 1986. Was ist neu am „newspeak“? Reflexionen zur Sprache und Politik in der Sowjetunion. In: Rathmayr, R. (ed.), Slavistische Linguistik 1985. Referate des XI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Innsbruck, 10.–12.9.1985. München, 247–325.
- Weiss, D. 2000a. Alle vs. einer: Zur Scheidung von good guys und bad guys in der sowjetischen Propagandasprache. In: Breu, W. (ed.), Slavistische Linguistik 1999. München, 237–275.
- Weiss, D. 2000b. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chruščevs Umgang mit Fäulnis-, Aas- und Müllmetaphern. In: Weiss, D. (ed.), Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen). Bern / Frankfurt, 191–257.
- Weiss, D. 2017. Implizite Argumentation im politischen Diskurs: Metaphern, Vergleiche, intertextuelle Verweise. In: Meyer, A.-M. / Reinkowski, L. (eds.), Im Rhythmus der Linguistik. Festschrift für Sebastian Kempgen zum 65. Geburtstag. Bamberg, 467–485.
- Weiss, D. (ed.) 2016. Contemporary Eastern European political discourse. = Zeitschrift für Slawistik 61/1.
- Wengeler, M. 2007. Topos und Diskurs – Möglichkeiten und Grenzen der topologischen Analyse gesellschaftlicher Debatten. In: Warnke, H. (ed.), Diskurslinguistik nach Foucault. Theorie und Gegenstände. Berlin / New York, 165–186.
- Wiesehöfer, J. 2010. Die Geheimnisse der Pythia – Orakel und das Wissen der reisenden Weisen. In: Stein-Hölkeskamp, E. / Hölkeskamp, K.-J. (eds.), Die griechische Welt. Erinnerungsorte der Antike. München, 336–352.
- Williams, B. 2002. Truth and Truthfulness. Princeton, NJ.
- Wilson, A. 2014. Ukraine Crisis. What it means for the West. New Haven / London.
- Wohlrapp, H. (ed.) 1995. Wege der Argumentationsforschung. Stuttgart-Bad Cannstatt.
- Woldt, C. 2010. Sprache als Wert – Werte in der Sprache. Untersuchungen zu Bewertungen allgemein und Komposita im Besonderen in der tschechischen Sprachgeschichte. München / Berlin.
- Woldt, C. 2013. Normativität als linguistische Schnittstelle. Untersuchungen zum Russischen Gerechtigkeitsdiskurs. München / Paderborn.
- Wright, G. H. von. 1971. Explanation and Understanding. Ithaca / New York.

- Wunderlich, D. 1976. Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt /M..
- Yavorska, G. 2010. The impact of ideologies on the standardization of modern Ukrainian. In: Kulyk, V. (ed.), Languages and Language Ideologies in Ukraine. = International Journal of the Sociology of Language No. 201, 163–197.
- Zaczyk, Chr. 2000. Was uns auf die Palme bringt. Aggression im Alltag. Translation: Th. Höpel / R. Pannowitsch. Leipzig.
- Žagar, I. Z. 1994. Argumentation in Language and the Slovenian Connective pa. Antwerpen

Holger Kuße

AGGRESSION UND ARGUMENTATION

*Mit Beispielen
aus dem russisch-ukrainischen
Konflikt*

Хольгер Куссе

Агрессия
и
Аргументация

С примерами из российско-украинского конфликта

Перевод с немецкого
Новосёлова Марианна

Технический редактор
Кушнир Павел

Верстка
Воронина Юлия

Підписано до друку 09.06.2019
Формат 84x108/16. Папір офсетний. Друк цифровий.
Гарнітура Schoolbook.
Наклад 100 прим. Зам. № 251.

Віддруковано з оригіналу макету замовника.
Центр оперативного друку «Документ Принт»
ФОП Кушнір Ю.В.
м. Вінниця, вул. Академіка Янгеля, 4, 1-й поверх, оф. 114.
Тел. 067 390 20 88